

"Thoroughly involving and
wholly satisfying on all fronts."
—*The Horn Book*

THE QUEEN OF ATTOLIA

MEGAN WHALEN TURNER

Когда Евгенидис, Вор Эддиса, украл Дар Хамиатеса и перехитрив всех, доставил его в свою страну, царица Аттолии потеряла больше, чем просто древнюю реликвию, укреплявшую ее власть. Она потеряла лицо. И теперь она не остановится ни перед чем, чтобы отомстить. Желание царицы исполняется, но приводит к войне между Аттолией и Эддисом. Чтобы добиться мира на выгодных для Эддиса условиях и совместно противостоять внешним врагам, Царскому Вору придется заняться большой политикой, а затем совершить невозможное — украсть царицу Аттолии. Вторая книга Меган Уолен Тернер, автора подростковой фэнтези, из серии «Царский Вор».

Меган Уолен Тернер

Царица Интоли

Глава 1

Он спал, но проснулся при звуке ключа, поворачивающегося в замке. Кладовая была предназначена для хранения зимнего белья, поэтому никто не должен был сюда заходить в летнее время, тем более посреди ночи. К тому моменту, когда дверь была открыта, он уже проскользнул в квадратное отверстие в каменной стене и бесшумно закрыл за собой железную заслонку. Он находился в узком проходе, соединявшем бельевую комнату с системой воздуховодов, змеящихся по всему замку в пространстве между стенами, полом и потолком. Отверстие, через которое он проник в тоннель, предназначалось для допуска дыма в комнату при дезинфекции белья. Двигаясь тихо и осторожно, он постепенно продвигался вниз к полости под Залом аудиенций. Каменные столбы и балки подпирали плиты пола у него над головой. Сидеть здесь было невозможно, и он лежал на спине, прислушиваясь к звукам шагов людей, спешащих куда-то прямо над ним. Даже если они смотрели себе под ноги, его это не беспокоило. Ему уже и раньше доводилось прятаться под полом дворца. Сотни лет назад захватчики использовали тоннели воздуховодов, чтобы обогревать свои новые дворцы, а его предки научились прятаться в них.

Со стороны узкого тоннеля, ведущего вниз, раздался шум: щелчки и треск, и он напряг слух, чтобы понять, что происходит. Огонь осветил стены топочной камеры. Вскоре горячий воздух и, что особенно нехорошо, дым, заполнят пространство между этажами, чтобы согреть пол в Зале, и выкурят его отсюда. Молча, в кромешной тьме, он прополз между кирпичными столбами к стене и нащупал дымоход с чуть более широким отверстием. Даже самый широкий воздуховод был слишком узок, так что продвигаться по нему было не самой легкой задачей, но он полз упорно и не останавливался в потоке теплого дымного воздуха, омывающего его тело. Он вспомнил, как легко проскользнул в дымоход впервые много лет назад. Его дед, который тогда привез его во дворец, стал слишком стар и грузен для большинства тоннелей, так что ему пришлось остаться в городской гостинице, в то время как его внук исследовал новую территорию, самостоятельно находя путь по описанию.

Оказавшись в дымоходе, он сможет, цепляясь пальцами за щели между камнями, подняться на этаж выше и выбраться через камин в комнате над Залом. Добравшись до дымохода, он выругался про себя, хотя то, что он обнаружил, было вполне ожидаемым открытием. В нижнем очаге тоже горел огонь. К счастью, его преследователи не пытались превратить костер в ревущее пламя, но даже от нескольких поленьев воздух в трубе был насыщен дымом и быстро нагревался. Не имея другого выбора, вор забрался в трубу и поднялся по ней так быстро, как мог, надеясь только, что гудение огня заглушит стук его мягких сапог о кирпичи стенок. Дымоход был гораздо шире вентиляционной шахты, а остроконечные кирпичи предназначались для более удобного размещения опоры чистящей машины.

Он поднимался, пока не достиг участка, где несколько дымоходов сходились в большую трубу, которая поднималась на крышу дворца. Труба прогрелась и была наполнена дымом,

но он не стал подниматься по ней, а нырнул в другое отверстие и спустился вниз. Он догадывался, что солдаты уже дежурят на крыше и заглядывают в зияющие черные жерла, ожидая его появления.

Он дышал неглубоко и медленно, сдерживая рвущийся из груди кашель. Любой звук мог предать его. При спуске вниз дым становился все гуще, его глаза начали слезиться, он пропустил скобу и с грохотом соскользнул на несколько ступеней ниже. Непроизвольно вдохнув полные легкие дыма, он закрыл рот обеими руками, его лицо покраснело, кровь застучала в висках. Воздух просачивался между пальцами, он снова вдохнул, на этот раз осторожнее, но его горло жгло огнем, а голова кружилась. Вдохи и выдохи сопровождались хрипом и кашлем.

Он находился на выступе, где широкий дымоход разделялся на несколько более узких, ведущих в разные комнаты. Он закрыл глаза и прислушался, но снизу не доносилось ни единого крика, только приглушенный треск огня. Он просовывал голову в одну трубу за другой, споря сам с собой, прежде чем выбрать ту, которая, как он надеялся, приведет его в комнату какого-нибудь иностранного посла, слишком важного, чтобы пугать его среди ночи солдатами, желающими зажечь в его очаге ненужный огонь.

Выбранный им дымоход оказался довольно длинным и пологим. Оказавшись вдали от главной трубы, он остановился и сделал несколько благодарных глубоких вдохов, пока его голова не очистилась полностью. На повороте, где дымоход спускался к очагу, он снова остановился и присел подождать. Внизу не было никаких признаков огня, так что срочной необходимости спускаться не возникло, и он предпочитал убедиться, что в той комнате его никто не ждет. После долгого молчания, он различил скрип кровати, как будто ее владелец повернулся во сне.

Все так же осторожно вор спустился по трубе, пока не оказался на одном уровне с каминной доской. Затем он оперся обеими руками о кирпичи и опустил голову, чтобы заглянуть в спальню. Гвардейцев здесь не было, и он бесшумно прыгнул на решетку для дров. Он предположил, что на кровати лежит, вытянувшись, неподвижное тело, и только потому комната оказалась незанятой. Присев на корточки в камине, он вспоминал все, что знал о расположении дворцовых спален. Вряд ли поблизости осталось много комнат, где солдаты еще не успели зажечь огонь. Вероятно, они не хотели тревожить обитателя этой комнаты, и поэтому ждали в зале, когда он откроет дверь и выскочит прямо к ним в руки.

Он не собирался выходить в зал. Спальня примыкала к наружной стене дворца. Стена спускалась прямо к дороге, отделявшей дворец от города. Он прошел мимо кровати, подошел к окну и отодвинул занавеску, чтобы посмотреть вниз на дорогу. Потом он открыл окно и посмотрел вверх, чтобы убедиться, что стражники не следят за ним с крыши. Никого не заметив, он оперся на руки, вскочил на подоконник и начал спускаться. Зазоры между облицовочными мраморными плитами были узкими, но вполне достаточными для пальцев рук и ног. Он уже был на полпути к земле, когда сверху раздался крик. Его заметили. Вор всем телом вжался в стену, ожидая арбалетную стрелу в плечо, но выстрела не последовало. Личная охрана царицы вооружена, вспомнил он, но огнестрельным оружием. Может быть, они не хотят палить под окнами дворца среди ночи? Боятся разбудить царицу, например? Это не объясняло отсутствия арбалетов, но он не стал тратить время на разгадывание загадок. Он добрался до окна и запрыгнул внутрь.

Теперь вор находился в канцелярии. Большая часть этажа, где работали царские стряпчие, была занята конторами и складскими помещениями, многие из них были связаны

между собой смежными дверями. Он ускользнул от стражников на верхнем этаже и теперь, если поспешит, сможет исчезнуть прежде, чем они организуют поиски здесь. Теперь, когда его заметили, не было смысла прятаться. Он должен был выбраться из дворца и скрыться в городе.

Он бегло осмотрел себя в свете горящих в коридоре ламп и поморщился. Хотя он и был одет в дворцовую ливрею, но был слишком грязный, весь в копоты и паутине, и не мог сойти за невинного слугу, разбуженного шумом и топотом. Хотя, шума-то и не было слышно. В коридорах царского дворца Аттолии стояла почти мертвая тишина; солдаты тихо крались в темноте, надеясь поймать вора, а он крался еще тише, собираясь ускользнуть от них. Игра становилась все острее, когда он стал замечать солдат на каждом шагу. Они контролировали каждую лестницу и коридор и, наконец, с топотом бросились за ним, когда он вскрыл замок на двери, ведущей на стену, и выбежал наружу.

Они перешли на шаг, когда он вспрыгнул на высокий парапет, но по-прежнему преследовали его. По одну сторону смертельного обрыва лежал мощный камнем двор, а по другую — городская дорога. Впереди из-за угла показалась вторая группа гвардейцев. Те, кто приближался к нему спереди, и те, кто преследовал сзади, были уверены, что вор не сможет ускользнуть со стены между ними. Но вор слишком хорошо представлял себе, что с ним сделают, когда схватят, поэтому, дойдя до угла, он не замедлил шаг, как ожидали стражники, и даже не оглянулся. Он шагнул к краю парапета и бросился с него в темноту за стеной.

Гвардейцы бросились к краю, но слишком поздно. Они лежали на брюхе на широких камнях, глядя с отвесной стены на дорогу внизу. Вспоминая строгий приказ взять вора живым, они пытались разглядеть в свете факелов изломанное тело на камнях. Колеблющиеся тени затрудняли поиск, и понадобилось некоторое время, чтобы понять, что тела внизу нет.

Наконец один из гвардейцев ткнул пальцем в сторону крыши дома на противоположной стороне дороги, окружавшей дворец. Спотыкаясь, вор поднялся на ноги и быстро передвигался по гребню. Он спрыгнул на нижнюю крышу и скрылся из виду, пока они мельком не увидели, как он соскочил в переулок. Кто-то из солдат выругался, отчасти злобно, отчасти восхищенно.

— Вы видели, куда он пошел? — спросил холодный голос у них за спиной, и солдаты вытянулись по стойке «смирно», а лейтенант ответил:

— В переулок, Ваше Величество.

— Стреляйте в ту сторону из арбалетов. Стражники на земле должны услышать, где падают стрелы.

Царица повернулась и зашагала вниз по стене к двери, ведущей внутрь. Она хотела захватить вора во дворце. Ей было известно, что в прошлом году он четырежды появлялся в ее покоях и исчезал буквально за секунду до ее появления. Она подозревала, что он даже заходил в спальню, когда она спала. В свой последний визит ему чудом удалось скрыться, и она знала, что больше сбежать ему не удастся. Тем не менее, ее раздражало, что он успел покинуть стены дворца.

В переулке вор слышал стук падающих за спиной стрел и крики преследователей. Он уже не пытался двигаться тихо и бежал так быстро, как позволяли крутые повороты узких улочек. Падение со стены дворца ненадолго оглушило его, и хотя он ничего не сломал, но был слегка контужен силой удара. Его руки саднило, а плечи болели. Ощущение пустоты в груди исчезло, сердце бешено билось о ребра, когда он бежал вперед, обливаясь потом в духоте ночи. Казалось, ни один угол или пересечение улиц не может укрыть его от погони,

солдаты были повсюду, и едва он успевал скрыться из поля их зрения, как его тут же обнаруживали снова. Вор тяжело дышал, когда наконец выбрался к прямой улице. Он свернул на нее и побежал изо всех сил. Вдали слышался лай собак, и он подумал, что это были не городские сторожа, а дворцовые собаки, выпущенные для охоты за ним.

Путь, которым он бежал, внезапно закончился тупиком у городской стены. Как и дворец, городские стены были новыми, построенными незадолго до окончания оккупации. Они отвесно уходили в небо и были гораздо выше наклонных стен Старого города. Не было никакой надежды вскарабкаться вверх, но у основания стены, где узкая дорожка упиралась в канаву, размытую мощными зимними ливнями, находился сток канализации, который выходил наружу. Когда-то выход перекрывала железная решетка, как в других коллекторах, но здесь она была вырвана. Несколько лет назад ее отремонтировали, и вор провел три длинные ночи, расшатывая прутья, чтобы восстановить свой личный вход в город.

Воды на дне канавы было мало. Пробираясь в город накануне вечером, вор осторожно перебрался через лужу на кончиках пальцев и носках, чтобы не запачкать одежду. Он вымыл руки в общественном фонтане, обтер голенища сапог и пошел ужинать в таверну.

Слыша приближающийся лай собак, он промчался вдоль стены и, не замедляя хода, бросился вниз в туннель, где прополз несколько футов по грязи и слизи, толстым слоем устилающим дно коллектора. Теперь к собачьему лаю примешивались голоса бегущих людей. Он достиг железной решетки, разделяющей тоннель пополам, прополз под ней и повернулся, чтобы передвинуть ее на место. Когда вор услышал звук когтей, скребущих землю, он дернул решетку сильнее, надеясь, что если собаки бросятся на нее, их вес заставит прутья встать в свои гнезда.

Преодолев остаток пути через канализацию, он выполз из-под стены на опушке оливковой рощи. До рассвета было несколько часов, и без лунного диска, освещающего землю, он едва мог разглядеть собственную руку перед носом, но ему необходимо было определить, где он находится. Перед ним, высаженные ровными рядами, выстроились оливковые деревья. Пройдя между ними, он мог выйти на берег реки на другом конце рощи, а потом спуститься вниз по течению на одном из бревен, принесенных паводком. Собаки потеряют его след, и до рассвета он будет далеко от города.

Ближайшие ворота находились достаточно далеко с правой стороны, но там уже мелькали лучи света от фонарей преследователей. Убежденный, что хорошо знаком с расположением оливковой рощи, вор поднялся на ноги и побежал. Деревья мелькали, как тени в черной ночи, когда он все быстрее и быстрее летел вниз по склону, заботясь только о том, чтобы не споткнуться о корни. Думая только о реке, он оказался совершенно не готов, когда черная тень поднялась прямо перед ним, и он с размаху врезался лицом в стену. Тяжело повалившись на землю, он смутно осознавал, что его ноги не встретились с препятствием, пострадала только голова.

Боль была ослепляющей, и, лежа на спине, он пытался разглядеть что-то сквозь вспышки белых пятен, мелькающих перед глазами. Он ухватился за пучки редкой травы, перевернулся на живот и поднялся на колени, стараясь совладать с головокружением. Потом он подполз к ближайшей оливе, нащупал в пыли ее корни, добрался до ствола и, опираясь на него, встал на ноги. Темная ночь теперь казалась непроницаемо-черной. Все еще держась одной рукой за дерево, он нерешительно помахал рукой в воздухе, пока его рука не коснулась чего-то твердого. Это была доска, сообразил он, привязанная между деревьями. Он влетел прямо в нее и упал, как подкошенный. Даже каменная стена не могла оказаться

более эффективной.

Он спрашивал себя, почему эта доска оказалась здесь, но громкий крик прервал его размышления. Ему удалось сделать только несколько неуверенных шагов от дерева, даже непонятно, в каком направлении, когда первая собака настигла его. Она прыгнула ему на спину, а вторая собака бросилась под ноги. Он снова очутился на земле, чувствуя под собой жесткую сухую почву. Оставалось свернуться в клубок и от всей души надеяться, что солдаты подойдут прежде, чем собаки успеют порвать его на куски.

Царица Аттолии ждала у городской стены, прислушиваясь к победным крикам своих людей и лаю собак. Она сидела на коне, и когда двое охранников, держа вора за локти, подтащили его к ней, ему пришлось откинуть голову, чтобы посмотреть на нее. Кожа между бровями была рассечена, и несколько капель крови просочились из раны. Кровь стекала вдоль носа вниз на подбородок и редкими каплями падала на грудь туники, смешиваясь с грязью и потом.

— Рада видеть тебя снова, Евгенидис, — сказала царица.

— Всегда рад видеть вас, Ваше Величество, — сказал он, а потом медленно отвернул голову в сторону и закрыл глаза, как будто свет факелов был слишком ярк для него.

— Телеус, — приказала Аттолия капитану своей гвардии, — Проследи, чтобы нашего гостя надежно заперли.

Она повернула лошадь и поехала обратно через ворота и город к своему дворцу. Служанки ждали в ее покоях, чтобы раздеть и расчесать волосы. Когда они закончили, она отослала всех и ненадолго присела перед очагом. Стояло лето, и решетка для дров была пуста. За ее спиной раздался тихий женский голос.

— Ты поймала его.

— Да, — ответила царица, не поворачивая головы. — Я его поймала.

— Будь осторожна, — предупредил голос, — не оскорби богов.

В камере в конце коридора слева от узкой лестницы, ведущей в подвал дворца, вор упал на четвереньки и сразу же брезгливо отдернул руку от пола. Пол был мокрым. Он повернул голову, чтобы осмотреть камеру. Тусклый свет, сочащийся через решетку в двери за его спиной, отражался в каменном полу, преломляясь на неровностях плит. Вся камера была залита водой.

Повернуть голову было ошибкой. Вор пополз в угол, где его стошнило остатками ужина. Затем он переполз в противоположный угол камеры и лег на сырые камни. Он послал молитву богу воров. Так как никакого ответа не последовало, он заснул.

Глава 2

Прошло несколько дней, прежде чем известие об аресте достигло долины высоко в горах Гефестии. Человек из винного погребка упал на пороге дворца царицы Эддиса, когда ее придворные собирались в Большом зале на ужин. Царица, стоя, разговаривала с несколькими министрами. За ней возвышалась резная спинка трона, перед ней стоял золотой кубок, блюдо и тарелка, из которых цари и царицы Эддиса пили и ели на протяжении веков.

Когда царица, а вслед за ней члены царской семьи, бароны и различные послы заняли свои места, один из гвардейцев Эддиса пересек зал и остановился позади ее трона. Двор наблюдал, как он наклонился и тихо заговорил с царицей. Королева слушала неподвижно, бросив один-единственный взгляд в дальний конец длинного стола, где сидел ее дядя, также являвшийся военным министром. Королева сказала несколько слов гвардейцу и отпустила его, а затем повернулась к столу.

— Прошу моих министров присоединиться ко мне. Мы вернемся в ближайшее время. Пожалуйста, наслаждайтесь ужином, — объявила она спокойно.

Потом она встала и пересекла зал решительной походкой, которая так не соответствовала ее наряду. Через узкую дверь она прошла в Малый тронный зал, сердце древней твердыни ее предков. Министры следовали за ней, когда она спустилась по трем невысоким ступеням и пошла по расписному полу к помосту. Старый тронный зал был меньше нового и древний трон скромнее, чем торжественный престол в Большом зале. Украшенный каменной резьбой и расшитыми подушками, старый трон был очень скромным. Будучи, в свою очередь, скромным человеком, Эддис предпочитала его позолоченному великолепию нового трона. Из Старого зала она правила своей страной, оставив Большой зал для банкетов и торжественных приемов.

Нетерпеливо подобрав длинные юбки, она уселась на подушку.

— Евгенидис арестован в Аттолии, — сообщила она своим министрам. — Из столицы приехал торговец с новостями. Я попросила стражу привести его сюда.

Она не смотрела на военного министра. Ее советники обменялись обеспокоенными взглядами, но продолжали молча и терпеливо ждать.

Гвардеец ввел аттолийца в зал, не спуская с него бдительного взгляда на случай, если тот окажется менее безвредным, чем кажется, но гонец только молча стоял перед троном, нервно теребя подол рубашки. Он знал, что принес плохую новость. Заехав так далеко, чтобы доставить ее, и надеясь на щедрое вознаграждение, он все же опасался сурового приема.

— Что тебе известно об аресте моего Вора? — спросила царица, и торговец откашлялся, прежде чем заговорить.

— Они обнаружили его во дворце и гнались за ним через весь город. Он успел выбраться за пределы городских стен, прежде чем его поймали.

— Его арестовали за городом? Он был ранен?

— Они использовали собак, Ваше Величество.

— Понимаю, — сказала царица, и торговец нервно переступил с ноги на ногу. — И как ты узнал, что это был мой Вор?

— Дворцовые стражники говорили о нем в винном погребе. Все слышали, как его арестовывали, уж мы-то с женой точно, но все происходило посреди ночи, и мы не знали, кто это мог быть, пока гвардейцы не начали болтать на следующий день в таверне. Они сказали, что царица поймала вора из Эддиса и что... — торговец смутился и снова начал прочищать горло.

— Продолжай, — спокойно сказала царица, стараясь казаться доброжелательной, хотя ей очень хотелось встряхнуть его так, чтобы зубы застучали, как сухие горошины в детской погремушке.

— Они сказали, что она заставит его заплатить за насмешки и маленькие подарки, что он оставлял во дворце в свои прежние визиты.

Веки царицы опустились и медленно поднялись. Это Евгенидиса ей хотелось бы трясти так, чтобы стучали зубы. Она сказала:

— Ты проделал большой путь за столь короткое время.

— Да, Ваше Величество.

— Тебя вознаградят должным образом.

Торговец молчал. Он почти загнал коня и поднимался по узкой горной тропе пешком, торопясь первым добраться до Эддиса с новостями.

— Дайте ему двойную драхму серебра, — царица посмотрела на настороженного лейтенанта. — И накормите, прежде чем отправить домой. Давайте серебряную драхму каждому, кто принесет новости сегодня, — добавила она. — Я хочу разговаривать со всеми, кто принесет свежие известия.

Когда торговец вышел, она некоторое время сидела, глядя в пространство перед собой и хмурясь. Ее министры ждали, пока она размышляла.

— Я была права, послав его в Аттолию, — сказала она наконец.

Эти слова были единственным выражением того ужаса, который она испытывала при мысли о своей ошибке. Евгенидис намекал, что риск возрастет, если он вернется в Аттолию так скоро после своего последнего визита. Она не прислушалась. Ей были нужны только сведения, которые он мог добыть, и она была уверена, что вор, так легко перехитривший своих противников в прошлом, сможет делать это снова и снова. Она послала его, и он пошел, не колеблясь. Эддис повернулась к своему военному министру. Это его сын оказался в тюрьме по ее вине.

— Мне очень жаль, — сказала она. — Аттолия не примет выкупа.

Коротко кивнув головой, отец Евгенидиса согласился.

Эддис продолжала:

— Он слишком ценен для нас и слишком опасен для нее, чтобы она могла отпустить его. Она не склонна принимать решения в спешке, но если он дразнил ее, и она рисковала потерять лицо в глазах своих придворных... то, скорее всего, она захочет его наказать. Мы должны подумать, — сказала она. — Мы должны подумать, что мы можем предпринять.

Евгенидис лежал в своей камере. Когда боль в голове будила его, он ненадолго открывал глаза и засыпал снова. Иногда ему казалось, что кто-то зовет его из глубины сна, он выталкивал себя на поверхность сознания, но только для того, чтобы обнаружить себя, лежащим в одиночестве в темноте. Когда воду и пищу проталкивали ему в камеру через отверстие под дверью, он просыпался и полз, чтобы напиться. Иногда это усилие казалось ему непосильным, и он отказывался от воды.

Постепенно камни пола перестали вздыматься под ним, а жестокая головная боль утихла, сменившись чуть менее нестерпимой. Со временем ему стали приносить больше еды и воды. Наконец, в замке заскрежетал ключ и дверь камеры открылась. Когда его подняли на ноги, ему снова стало плохо, но он не знал, от боли или от страха. Он опирался на стражников и пытался собрать обрывки мыслей, пока его вели из тюрьмы в царский дворец.

Окруженная великолепием своего двора, царица Аттолии слушала завуалированные оскорбления посланников Эддиса, прибывших из горной страны для ведения переговоров об освобождении вора. Эддис прислала своих лучших и, как она считала, самых умелых дипломатов. Аттолия слушала, сохраняя внешнее безразличие и все больше распаляясь гневом в душе. Она не отправляла официального уведомления в Эддис о задержании Царского Вора. Она просто ждала, обдумывая свои дальнейшие действия и ожидая, что Эддис приложит некоторые усилия для освобождения Вора, и совсем не ожидала посольства, которое явится на порог ее дома, чтобы дразнить ее, как злую собаку.

Она взошла на трон после убийства ее отца, и часть страны до сих пор не смирилась с ее царствованием. Ее армия хорошо оплачивалась и потому была верна царице, но казна почти опустела. Аттолия ждала хорошего урожая, чтобы заполнить ее снова, но посол Эддиса грозил уничтожить урожай.

Сначала, конечно, он предложил выкуп, который, как он знал, царица не примет. Затем он несколько раз вежливо оскорбил ее в своей приветственной речи, и наконец сообщил, что шлюзы водохранилища Хамиатеса закрыты и останутся таковыми до тех пор, пока Вор Эддиса не вернется домой. Вода из горного водохранилища попадала в реку Арактус, а оттуда в систему каналов, которые орошали самые плодородные земли ее страны. Без воды посевы погибнут во время летней жары.

Она послала за Вором. Представший перед ней Евгенидис моргал по-совиному, словно ночное животное, извлеченное из своей берлоги на свет божий. Под спутанными волосами на лбу проступал желто-зеленый синяк. Рана над бровями затянулась коркой, но лицо все еще было покрыто засохшей кровью, а черные круги под глазами казались еще темнее синяка на лбу. Грязь на его разорванной одежде была еще сырой.

— Посол твоей царицы предложил выкупить тебя, вор, но я не согласилась.

Евгенидис совсем не удивился.

— Ты тайно бродил по моему дворцу и оставлял мне записки под блюдами для завтрака. Я сказала послу твоей царицы, что не приму никакого выкупа, и ты знаешь, что он ответил?

Евгенидис даже не пытался догадаться.

— Он сказал, что вода не потечет в Арактус, пока твоя царица не увидит тебя снова. Она закрыла шлюзы горного водохранилища, и все мои посевы выше Сеперхи будут гореть на полях, пока ты не приедешь домой. Что думаешь об этом?

Евгенидис думал, что это не очень хороший план, он не сработает.

Царица потеряла лицо из-за Евгенидиса, и ее придворные знали об этом. Кроме того,

она уже не могла согласиться на выкуп, от которого отказалась. Она должна была учесть, что хотя Евгенидис не причинил ей вреда, украв талисман, о существовании которого она не подозревала, он мог подвергнуть ее большой опасности, передав свой трофей Сунису. Задумавшись, Аттолия провела кончиком указательного пальца по своей нижней губе.

Аттолия видела текст письма, направленного Сунисом в Эддис год назад, где он предупреждал, что никакие стены и армия не спасут царицу, если она снова пошлет к нему своего Вора. Все махинации Суниса, направленные на подрыв господства Эддиса, пошли прахом.

Аттолия подозревала, что не меньше трети ее баронов тайно принимают деньги Суниса на финансирование восстаний в стране. Она очень хотела бы использовать против царя такой замечательный инструмент, как Евгенидис, но Царский Вор был только у Эддиса. Аттолия с горечью призналась себе, что Вор Аттолии представлял бы для нее скорее угрозу, чем преимущество.

Она знала, что ее собственный дворец так же легкодоступен для Евгенидиса, как Мегарон Суниса, и не верила, что отпустив его однажды, сможет изловить во второй раз. Без сомнения, нельзя было дать ему уйти. Она слышала, что он является принципиальным противником убийства, но, как и Сунис, не верила, что это детское отвращение к кровопролитию мешает ему выполнять приказы его царицы. Он уже показал себя ее верным подданным.

Она сошла с помоста, чтобы встать перед Евгенидисом. Похоже, он не сильно беспокоился о своей дальнейшей судьбе. Казалось, его больше интересует инкрустированный золотом мраморный пол под ногами. Она ждала, и он медленно поднял голову. Он не был безразличен, он боялся смерти и еще больше того, что может случиться с ним до того, как он умрет, но головная боль мешала думать, и он не находил слов, чтобы спасти себя.

Он посмотрел на нее и слегка наклонил голову в удивлении. Он совсем забыл, как она красива. Ее волосы были отведены назад золотой лентой с рубинами, пересекавшей ее лоб чуть выше темных бровей. Ее безупречная кожа казалась полупрозрачной, как белый оникс. Как всегда, она была одета в подражание Гефестии, но легче было представить безразличную жестокость Великой Богини, чем разглядеть ее в глазах царицы Аттолии. Евгенидис улыбнулся, глядя ей в лицо.

Аттолия увидела эту улыбку, не содержащую ни намека на самоуничижение или малодушную лесть, совершенно не похожую на улыбку любого из ее придворных, и ударила его по лицу раскрытой ладонью. Его голова мотнулась к плечу. Он не издал ни звука, но упал на колени, борясь с тошнотой.

— Ваше Величество, — жестко произнес посол Эддиса, и царица посмотрела на него через плечо. — Не оскорбляйте богов.

Аттолия повернулась к Евгенидису и его охранникам.

— Повесьте его, — сказала она. — Уведите его прямо сейчас и повесьте. Потом отправьте его тело в Эддис, и мы посмотрим, потечет ли Арактус. — она гордо вернулась на трон и обратилась с его высоты к эддисийцам: — Запомните, я не поклоняюсь вашим богам. И я не боюсь их.

Она сидела на троне и смотрела, как стражники поднимают Евгенидиса на ноги. Он обхватил лицо руками, темные волосы прядями свисали на грязные пальцы.

Посол Мидийской Империи рядом с ней переступил с ноги на ногу и привлек ее

внимание.

— Не знаю, чего собиралась добиться Эддис, — сказала Аттолия. — Вряд ли она сможет удержать реку навсегда.

— Но достаточно долго, — предположил мидиец, — чтобы обеспечить ее Вору такую легкую смерть?

Аттолия повернула голову, чтобы посмотреть на него, а потом перевела задумчивый взгляд на Евгенидиса.

— Эта царица Эддиса очень умна, — тихо сказал мидянин, наклоняясь ближе. — Ей известно, какой смертью умерли некоторые из ваших заключенных. Вы позволите ее Вору умереть быстро?

— Стойте, — сказала она, и стражники замерли в дверях.

Евгенидис мешком висел у них в руках. Он осторожно переставил ноги и выпрямился, пока царица размышляла.

Что бы ни думали о ней монархи соседних государств, она редко принимала поспешные решения и не прибегала к насилию без нужды. Если она и развешивала своих врагов вниз головой на городских стенах, то только потому, что не могла позволить себе роскошь рубить головы в закрытом дворе тюрьмы. То, что она собиралась сделать, не произведет должного эффекта на мятежную аристократию, поэтому ей следовало подумать, прежде чем выбрать наказание для Евгенидиса, чтобы удовлетворить свою давнюю и глубокую ненависть к царице Эддиса и ее наглому Вору. Она была возмущена поведением миссии из Эддиса и понимала, что мидянин был прав: ее гнев был расчетливо вызван оскорблениями эддисийского посла. Он оказался действительно умелым дипломатом.

Аттолия была не особенно расположена к новому послу Мидии. Ей не нравились его сальные комплименты и манера изъясняться намеками, но он скрупулезно соблюдал требования придворного этикета и был весьма проницателен, особенно сегодня.

Если плотина останется закрытой, то воды Арактуса в конечно итоге переполнят водохранилище и затопят столицу Эддиса. Для Аттолии смерть вора стоила потери одного урожая, но его казнью царица могла добиться большего, чем надеялся Эддис. У нее не было оснований удовлетворить требования соседей, и она всей душой желала посрамить их.

— Подведите его сюда, — сказала она, и стражники послушно вернули Евгенидиса к подножию престола.

Аттолия наклонилась вперед в своем кресле, чтобы взглянуть на него. Он судорожно сглотнул, но не отвел глаз даже когда она взяла его за подбородок.

— Я поторопилась, — сказала она. Она продолжала смотреть в лицо Евгенидиса, но говорила с охранниками. — Отведите его обратно в камеру, пусть ждет там. Я считаю, — медленно произнесла она, — что надо подумать, прежде чем решить, что делать с тобой дальше.

Евгенидис посмотрел на нее без всякого выражения. Когда его уводили, он повернул голову и посмотрел на нее через плечо. Она спросила себя, догадывается ли он, какое наказание она имела в виду? Пусть эддисийцы лепечут об оскорбленных богах, подумала Аттолия, откидываясь на спинку трона. Это были не ее боги, и она не собиралась поклоняться им.

— Жаль выкупа, — сказала она.

— Вероятно, незначительная сумма? — ответил мидиец рядом с ней.

— Только для вашего императора, пожалуй, — ответила Аттолия. — Здесь, на этом

берегу Срединного моря, мы не так богаты, чтобы я могла не сожалеть о потере золота, которое могла использовать с большой пользой для страны.

— Тогда, пожалуйста, примите его в качестве небольшого подарка от моего императора, — мидянин ответил так, как и надеялась Аттолия.

— Вы шутите? — спросила она.

— Вовсе нет, — возразил посол. — Ничто не может порадовать моего господина больше, чем помощь, оказанная столь прекрасной царице, как вы.

Он вежливо поклонился, и Аттолия улыбнулась, довольная окончанием приема.

Глава 3

Евгенидис стоял в своей камере, прислонясь плечами к сырой стене. Он не мог коснуться камней затылком, потому что это только усиливало боль, и поэтому уронил голову на грудь. Он не хотел засыпать. Он представлял себе деда, ждущего у ворот загробного мира, и не хотел, чтобы старик упрекнул его в бездарно растраченных последних часах жизни. На деда не произведет впечатления ложная беспечность.

Все инструменты его ремесла по-прежнему были спрятаны в карманах одежды, но здесь от них не было никакого проку. Ни одна из частей запирающего механизма двери не была доступна изнутри. Евгенидис проверил.

Он оттолкнулся от стены и, шатаясь, побрел вдоль нее. Он с трудом удерживал равновесие и цеплялся правой рукой за стену, чтобы не упасть, чувствуя под пальцами прохладу камней. Ладонь распухла и горела. Боль этой раны отвлекала его от пульсирующего гула в голове и многочисленных укусов, где собаки смогли добраться до его тела зубами.

Он кружил по камере. Здесь не было ни одного окна с решеткой, чтобы просочиться сквозь нее. Свет проникал через единственное узкое отверстие в двери. Не было никаких скользящих камней и скрытых тоннелей, а дверь оставалась закрытой наглухо.

Молча он воззвал к богу воров, хотя не знал, о чем ему молиться. Может быть, просить быстрой смерти? Молить о спасении из Аттолии значило просить невозможного. В конце концов он попросил о помощи, любой помощи, и оставил на усмотрение бога решать, что будет лучше для вора.

Кто-то протолкнул поднос с едой в щель под дверью. Он, шатаясь, подошел к двери и выглянул в крошечное окошко.

— Слышал, что она собиралась повесить тебя, но передумала, — сказал охранник. — Не беспокойся, парень, она всегда сможет придумать что-нибудь похуже.

Он засмеялся и хлопнул по прутьям решетки дубинкой. Евгенидис успел убрать пальцы.

— Кушать подано. Это может оказаться твоим последним ужином, — пробормотал солдат, отходя прочь.

Евгенидис сел на пол, чтобы выпить водянистый суп, но оставил черствый кусок хлеба рядом с миской. В своем бедственном состоянии он не мог получать удовольствия от еды, но подумал, что его кормят лучше, чем других заключенных в этой тюрьме. После ужина сил встать уже не оставалось. Голова болела ужасно. Он не мог ни откинуться на стену позади себя, ни положить ее на согнутые колени. Наконец, скрепя сердце, он лег, положил ее на руки, и тьма снова сомкнулась над ним. Глаза деда жгли его презрением, как угли.

Он все еще спал, когда стражник вернулся к двери.

— Гляди веселей! — крикнул он. — Она решилась.

Пока охранник поворачивал ключ в замке и открывал дверь, Евгенидис с трудом поднялся на ноги и стоял, покачиваясь и ожидая, когда солдаты возьмут его за руки.

Он шел между двумя стражниками вниз по подземному ходу к открытой двери. Из комнаты воняло кровью. Он почувствовал этот запах снаружи и остановился перед дверью, но один из охранников толкнул его внутрь. Вор судорожно вздохнул и шагнул через порог. В круглом каменном очаге с низким бортиком горел огонь. Железные орудия с длинными ручками, похожие на кузнечные инструменты, были сняты со стен и помещены в огонь. Очаг чадил, в комнате было невыносимо жарко.

В стороне стоял огромный каркас с веревками, винтами и железным колесом, со вбитых в стены крюков свисали какие-то лохмотья, на которые Евгенидису не хотелось смотреть. Но рядом с огнем, весь покрытый пылью, как будто вынесенный из дальнего угла после долгого забвения, возвышался большой стул с неестественно длинными подлокотниками и кожаными ремнями для руки и ног.

Рядом с креслом, одетая для ужина в нарядное платье цвета молодой листвы, стояла царица Аттолии. Вышитые вокруг ворота нежные белые цветы с листочками темнее цвета платья, казались издали богатым ожерельем.

Вор замер в дверях. Он перевел взгляд с царицы на стул рядом с ней. Его недоумение длилось лишь мгновение. Он смотрел на нее, но взывал к богу — покровителю воров: «Боже, нет», и бросился назад. Охранники схватили его. Он вывернулся из их рук, потом снова поднялся, чтобы ударить ладонью раскрытой руки в нос одного из солдат. Стражник упал, как подкошенный, но на этом силы вора были исчерпаны. Он ухватился за дверь, но они отогнули его пальцы по одному и потащили к стулу.

Наконец солдаты заставили его сесть, в пылу сражения ударив головой о спинку стула. Казалось, из вора выбили дух одним ударом. Его глаза закатились, и голова упала на грудь. Через некоторое время он открыл глаза и поднял лицо. Кожаные ремни приковали его к креслу, он не мог пошевелиться.

— Ваше Величество, — в отчаянии воскликнул он, повернувшись к царице. — Позвольте мне служить вам. Позвольте стать вашим Вором.

Аттолия покачала головой.

— Однажды я предложила тебе место у меня на службе. Ты отказал мне ради возлюбленной, которую считал более доброй.

— Теперь я смог бы служить вам, — прошептал Евгенидис.

— Неужели? — спросила Аттолия.

— Да, — вор выругался.

Она видела выступившие у него на шее жилы, когда он напряг мышцы под ремнями. С правдоподобной серьезностью царица спросила:

— Что бы ты мог украсть для меня, вор?

— Все, что угодно, — заверил он ее. — Я могу украсть все, что вы захотите.

— А почему я должна верить тебе?

— Я хотел бы дать вам мое слово.

— Твое слово? — королева была удивлена. — Что в нем хорошего?

Ничего хорошего вообще. Аттолия улыбнулась.

— А как насчет царицы? Она предпочла бы увидеть тебя моим живым слугой или мертвым пленником? Она сказала тебе это, прежде чем отправить тебя из Эддиса?

— Да, сказала.

— Ну, конечно, — кивнула Аттолия. — Эддис знает, что ты не предашь ее. Что ты самый замечательный инструмент ее власти, слепо преданный своей возлюбленной.

Она наклонилась к нему, протянув вперед обе руки. Он вздрогнул от ее прикосновения, но она только взяла его лицо в ладони и посмотрела в глаза.

— Твоя царица думает, что ничем не рискует, посылая тебя сюда, потому что я не смогу использовать тебя против нее. А думаю, что смогу. И то, что я собираюсь взять не имеет ничего общего с тем, что Эддис согласится отдать мне. Ваш посол сказал, что царица имеет право повесить своего врага, — сказала Аттолия. — Но у вас не секут преступников кнутами до смерти, не вешают вниз головой на стене дворца и не морят голодом в железной клетке посреди двора. Посол считает, что я не должна выходить за рамки права и обычаев. Он уверял, что я могу оскорбить богов, хотя не сказал, каких именно. Меня мало заботит гнев любого из богов, но я все же думаю, что твою проблему лучше решить традиционным способом.

Она выпустила его и отступила назад. Дородный тюремщик снял кривой меч со своего места на закопченной стене. Евгенидис успел испугаться раньше, испугаться так, словно его сердце начало каменеть в груди. Увидев палача с мечом, он снова посмотрел на царицу и почувствовал, словно весь мир вокруг превращается в камень. Воздух в комнате затвердел, и он начал задыхаться. Он бился в кожаных путах, сражаясь с мертвым воздухом, сражаясь с бездушным упрямством царицы Аттолии. Он умолял:

— Пожалуйста, пожалуйста, — словно его сердце вырывали из груди.

Человек рядом с ним поднял меч. На мгновение огненная искра пробежала по лезвию клинка, прежде чем меч обрушился вниз, глубоко вонзившись в ручку стула. Кисть его правой руки исчезла за блестящим клинком.

Аттолия видела, как его тело рванулось из ремней. Она ожидала, что он закричит, но вор не издал ни звука. Он отвел глаза от своей правой руки, и она увидела, как лицо стало мучнисто-белым, словно вся кровь в один момент иссякла под кожей. Его глаза были крепко зажмурены, рот искривился от боли.

Он боролся за каждый глоток воздуха, его мысли кружили словно чайки в поисках добычи, ища способ изменить действительность, изменить приговор царицы Аттолии, но ее решение было окончательным и обжалованию не подлежало.

— Евгенидис, — он услышал ее спокойный голос сквозь багровую завесу боли, — я нарушила обычай? Посмела ли я оскорбить богов?

И он слышат свой слабый голос:

— Нет, Ваше Величество.

— Прижгите рану, — бодро приказала царица. — И пусть доктор посмотрит его. Я не хочу, чтобы рана воспалилась.

Железо для прижигания было готово, и она задержалась, чтобы увидеть, как он закричит под раскаленной кочергой. Он снова дернулся, но так же не издал ни звука, только резко вдохнул и не позволил воздуху выйти из груди. Аттолия наблюдала, как посинели его губы, и он потерял сознание; его голова упала на грудь, а темные волосы закрыли лицо. Она наклонилась ближе, чтобы убедиться, что вор дышит, затем снова повторила приказ вызвать доктора и вышла.

Поднимаясь по узким лестницам на верхние этажи дворца, она отодвинула свое смущение в уголок сознания и сосредоточилась на предстоящем переезде двора. Она собиралась проехать вглубь страны. Пора было разобраться с местными баронами. Она даст необходимые распоряжения собирать сундуки.

Три дня спустя царица стояла на пороге тюремной камеры. Она слышала вора прежде,

чем смогла его увидеть, и слушала его затрудненное дыхание, пока ее глаза не привыкли к темноте.

Он лежал на боку в углу камеры, прижав к груди раненую руку и подтянув колени, чтобы защитить ее. Он потел в холодной и сырой темнице и не двигался, пока Аттолия не ткнула его в бок носком сандалии. Он открыл глаза и посмотрел на нее без всякого выражения. Яркая лампа, принесенная кем-то из охраны, осветила его лицо, и она разглядела шрам на щеке. Его кожа была такой бледной, что шрам казался серым.

Его глаза были ясны, и она наклонилась, чтобы заглянуть в них, ожидая увидеть ненависть, привычную на лицах пленников, но во взгляде Евгенидиса не было ничего, кроме боли и странного выражения, которому она не могла подыскать названия.

— Пожалуйста, — прошептал он. Его голос звучал тихо, но внятно. — Не мучайте меня больше.

Аттолия отпрянула. Когда-то давно, еще ребенком, она в ярости отбросила в сторону туфлю и сбила с подставки амфору с ароматическим маслом. Это была ее любимая амфора. Она разбилась, и запах масла задержался в ее волосах на несколько дней. Она снова вспомнила этот запах, хотя не понимала, откуда ему взяться в этом вонючем загоне.

Она снова склонилась над Евгенидисом, желая убедиться, что ее наказание оказалось эффективным.

— Евгенидис, — спросила она, — что ты можешь украсть одной рукой?

— Ничего, — ответил он безнадежно.

Аттолия кивнула. Эддис должна была дважды подумать, прежде чем рисковать своим фаворитом. Он был очень молод, поняла она. Она не приняла во внимание его возраст, и напомнила себе, что годы не имеют значения. Важна была только угроза, которую он собой представлял. Тем не менее, наблюдая, как он корчится на полу, царица слегка удивилась тому, что Эддис посмела рисковать жизнью такого юного человека. Впрочем, Эддис сама была ненамного старше. Будучи немногим старше царицы Эддиса, Аттолия чувствовала себя более опытной правительницей. Она повернулась к надзирателю.

— Я приказала врачу осмотреть его.

— Он это сделал, Ваше Величество.

— Укусы на ногах воспалились. — она указала пальцем на вспухшую и покрасневшую кожу в прорехах штанов.

Тюремщик смотрел настороженно.

— Он проверил ожоги, как вы и приказали, Ваше Величество.

— Только ожоги?

— Да, Ваше Величество. В соответствии с вашим приказом, Ваше Величество.

Аттолия раздраженно вздохнула. Глупо сердиться на дураков.

— Если я не хочу, чтобы он умер от одной раны, почему я могу желать, чтобы он заболел от собачьих укусов?

— Простите, Ваше Величество.

— Ты будешь разжалован. — она повернулась к сопровождавшему ее капитану гвардии. — Доставьте вора в Эддис, пока он не умер.

Она вышла из камеры и поднялась вверх по длинной лестнице в свои личные покои. Она миновала кабинет, гостиную и вошла в спальню, отослала многочисленных служанок и долго сидела в кресле, глядя на море, освещенное последними лучами заходящего солнца. Она изгнала из мыслей образ вора, лежавшего на сыром полу камеры, но не могла не думать

о своей любимой амфоре и запахе пролитого масла.

Глава 4

Царица Эддиса вышла во двор встретить своего Вора. Ожидание в тронном зале вместе со всеми придворными было невыносимо. Она вспомнила, как Евгенидис спрашивал ее, почему все происходящее вокруг него превращается в цирковое представление, и почему ему, собственно, всегда приходится изображать танцующего медведя? Носилки, которые внесли во двор, показались ей чуть больше звериной клетки, хотя они были закрыты ставнями и занавесками.

Носилки несли солдаты Эддиса. Они приняли их от аттолийцев у подножия горы и осторожно подняли вверх по извилистой дороге, проходившей по старому руслу Арактуса. Аттолийцы шли рядом с носилками, ее посол и члены миссии следовали за ними. Встретив ее взгляд, посол еще в воротах покачал головой, предупреждая ожидать худшего. Он уже прислал свой отчет о событиях в Аттолии.

Когда гонец принес новости от посла, Эддис приказала всем покинуть зал и осталась сидеть на троне в одиночестве. Когда дневной свет, падающий в высокие окна, поблек, пришел слуга с огнем для ламп, но она отпустила его. В тот вечер официальный ужин был отменен. Придворные поели в своих комнатах, и, наконец, старшая из ее служанок пришла уговорить царицу лечь в постель.

— Сидя здесь в темноте, вы ничего не сможете сделать, моя дорогая. Идите спать, — сказала Ксанта.

— Я могу думать, Ксанта. Мне надо очень хорошо подумать. Я скоро приду, обещаю.

И Ксанта поднялась в покои царицы терпеливо ждать, когда наступит полночь.

Утром Эддис в частном порядке переговорила со своими министрами, а затем стала ждать, зная, что Аттолия отправит Евгенидиса домой, только когда накажет его, но не раньше.

Без сомнения, носилки были превосходны, они предназначались для передвижения знатных аттолийцев по узким улочкам аттолийских городов. Они были снабжены крепкими дверцами и ставнями, которые запирались, когда носилки не использовались. Их даже заперли на ключ, чтобы закрыть Царского Вора, пока его не доставят в Эддис. Вряд ли эта предосторожность была необходима, но аттолийские стражники получили приказ быть бдительными и поспешить.

Они передали носилки эддисийцам и последовали за ними, чтобы проследить за доставкой их содержимого. Когда носилки были опущены на землю, старший из аттолийцев, шагнул вперед, чтобы отдернуть занавес в сторону.

— Передаем из рук в руки, — сказал он, а второй аттолиец подавился смехом.

Офицер протянул руки и, схватив Евгенидиса за шею под затылком, стянул его с вышитой подушки и уложил на нагретые солнцем каменные плиты двора.

— Наша царица велела передать вам, что так поступают с ворами в Аттолии, и мы ждем воду из Арактуса, — продолжал аттолиец, но хитрое выражение исчезло с его лица, когда он

встретился с бесстрастным взглядом царицы.

С того места, где она стояла, не было видно, жив Евгенидис или мертв, но она не выказывала беспокойства. Аттолиец поднял руку и потер шею, где кожу под волосами уже покалывали тысячи острых иголок. Он понимал, что капитан, отправивший его в горы с этим поручением, будет не очень удивлен, если он вернется без головы.

— Гален, — сказала царица, но дворцовый врач уже вышел вперед со своими помощниками.

— Он еще жив, — произнес Гален после быстрой проверки.

Врач подвел руку под плечи юноши, но военный министр похлопал его по плечу и, наклонившись, поднял Евгенидиса и понес его во дворец. Толпа расступилась, позволяя ему пройти, и зрители, бросив один взгляд на лицо Евгенидиса, снова повернулись к аттолийцам.

Солдаты переминались с ноги на ногу и непроизвольно сбивались в тесную кучку. Эддис подозвала слугу.

— Эти люди захотят поесть, прежде чем вернуться в Аттолию, — тихо сказала она. — Проследи, чтобы их накормили и оплатили услуги по возвращению моего Вора.

Аттолийцы обменялись встревоженными взглядами, подозревая, что оплатой услуг может оказаться плаха с топором, но Эддис не практиковала казни верных слуг аттолийской царицы. Каждый из них должен был получить серебряную драхму и хороший обед прежде, чем их проводят к границе.

Обращаясь к офицеру, царица сказала:

— Передайте Аттолии, что я пушу воду в Арактус. Она потечет на закате.

Это сообщение было чистой формальностью. Поток воды достигнет Аттолии раньше, чем новость о ее возвращении. Эддис повернулась и толпа, еще не полностью успокоившаяся после ухода военного министра, расступилась перед ней, а затем последовала во дворец.

Эддис села на трон.

— Где мой курьер? — спросила она, и один из офицеров, назначенный в этот день на дежурство, выступил вперед.

Она отметила про себя, что это был один из ее двоюродных братьев, к которому она питала симпатию.

— Кродес, — сказала царица, — Передай от меня приказ инженеру на водохранилище выпустить воду, как мы и договаривались. Затем отправляйся к начальнику заставы на перевале.

Царство Эддис лежало высоко в горах между двумя странами: Сунис и Аттолия, и торговые связи между обеими равнинными царствами поддерживались через единственный проход через горы. Он был прорублен в скалах со стороны Суниса, пересекал Сеперхи и спускался к Срединному морю на границе Аттолии. Все путешествующие из Аттолии в Сунис поднимались на перевал и переправлялись по нескольким мостам, важнейшим из которых был Главный мост, соединявший отвесные берега Сеперхи, катящей пенные воды в глубоком ущелье, с седловиной горного хребта. С одного берега невозможно было перебраться на другой иным путем, как через мост, и этот мост контролировал Эддис.

— Передай старшему офицеру на мосту, — продолжала Эддис, — мою благодарность за хорошую службу и приказ задержать десять аттолийских купцов с их караванами. Пусть он конфискует все их имущество, кроме одежды на плечах. Если они будут протестовать, пусть обращаются за компенсацией к своей царице.

— Да, Ваше Величество.

— Ваше Величество. — придворные оглянулись, чтобы посмотреть на аттолийского посла. — Я обязан вас предупредить, что эта новость не будет хорошо принята моей царицей.

— Надеюсь, что нет, — сказала Эддис и повернулась к своему гонцу. — Кродес, — повторила она, — передай: десять больших караванов.

С политической точки зрения потеря Евгенидиса была очень тяжела. Сунис все еще надеялся расширить свои границы и только страх тайного убийства держал его в узде. Но Аттолия постаралась нанести не только политический ущерб. Если бы она хотела лишиться Эддис услуг ее Вора, она просто казнила бы его. Она пожелала оскорбить соперницу, и ей это удалось. Даже сто караванов с товарами не смогли бы возместить нанесенную обиду. Вздохнув про себя, Эддис извинилась и пошла наверх повидать своего Вора.

Библиотека была пуста, но дверь, соединяющая ее со спальней-кабинетом Евгенидиса была открыта. Сам Евгенидис лежал на кровати, а Гален, дворцовый врач, склонился над ним. Он выпрямился, когда царица вошла в комнату.

— Он без сознания? — спросила Эддис, остановившись около кровати.

— Он одурманен, — ответил врач. — Мы дали ему немного опиумной настойки.

Врач был рад, что царица не пришла раньше. Евгенидиса лихорадило, он бредил и никого не узнавал. Пришлось держать его и вливать настойку в рот силой. Трудно определить, сколько он проглотил, а сколько успел выплюнуть.

— Как его рука?

Врач покачал головой и указал на грязные бинты.

— Я еще не смотрел руку. Полагаю, ее хорошо прижгли, иначе она воняла бы гораздо сильнее. — врач отвел волосы со лба Евгенидиса. — Его голова не повреждена, хотя это могло случиться. Вы можете видеть синяки на лбу, но если бы череп треснул, то он, скорее всего, уже был бы мертв. Я больше беспокоюсь о правом глазе, он сильно воспален. Посмотрите на эту корку поверх ресниц. — врач указал пальцем на больной глаз, стараясь не прикасаться к нему.

— Если в тюрьме ему прокололи глаз раскаленной иглой, — пояснил врач, — он потеряет его, а если заражение распространится, он ослепнет на оба глаза.

Гален беспомощно пожал плечами. Двое слуг с кувшинами горячей воды проскользнули в комнату вслед за царицей.

— Вы можете помочь ему?

— Я не окулист. Я послал за одним из города, но, насколько мне известно, он не лучший специалист. Очень хороший окулист есть в Аттолии, он делает мазь, которая сможет удержать распространение инфекции, но захочет ли он приехать сюда... — врач поднял ладони.

— Он приедет, если я прикажу, — сказала Эддис.

— Он аттолиец, Ваше Величество.

— Приедет, как миленький.

Врач поднял глаза, царица ответила ему быстрой жесткой улыбкой. Она не шутила. Она прикажет похитить аттолийца и доставить его в горы, если понадобится.

— Ваше Величество, скорее всего, это не игла. Окулист из города будет здесь в ближайшее время.

— Как скоро?

— Через час или два. А до тех пор, Ваше Величество, я займусь первоочередными делами.

Эддис кивнула.

— Тогда я оставлю вас. Но я хочу знать, что скажет окулист.

Когда царица вышла, врач посмотрел на Евгенидису и увидел блеск здорового глаза сквозь ресницы. Он присмотрелся внимательней.

— Вы должны принять еще опиума, — сказал он.

— Нет, — прошептал Евгенидис.

Врач посмотрел на присохшие бинты, которые предстояло снять с искалеченной руки.

— Надо выпить, — сказал он и отошел, чтобы смешать несколько капель препарата с водой в маленьком роговом стаканчике. Когда он вернулся, глаза Евгенидиса были открыты, и он внимательно наблюдал за врачом. Когда к его губам поднесли чашку, он отвернулся.

— Пожалуйста, молодой человек, примите лекарство.

— Гален, — прошептал он, — Как вы думаете, если людей калечат в этой жизни, уходят ли они же изуродованными в загробный мир, а?

Врач опустил стаканчик.

— Вы должны знать лучше, чем я, — сказал он.

— Нет, — ответил Евгенидис. — Я не знаю.

Гален опять поднял чашку, но Евгенидис продолжал лежать, отвернувшись к стене. — Гален, я не хочу быть слепым, когда умру.

Гален молча сел на край кровати, все еще держа чашку и положив руки на колени. Его помощники тихо вышли из комнаты.

— Вы еще долго не умрете.

— Я не хочу умереть слепым, даже если доживу до ста лет.

— Неужели вы хотите, чтобы я залил вам в рот большую дозу опиума и отравил вас? — наконец спросил Гален.

— Я был бы очень признателен, — сказал Евгенидис.

— Я дал клятву исцелять людей.

Евгенидис не спорил. Он только повернулся, чтобы посмотреть на врача блестящим от лихорадки глазом, чью черноту еще ярче подчеркивали синяки. Шрам на щеке казался белым пером, прилипшим к пожелтевшей коже. Гален вздохнул.

— Не думаю, что это игла, так что нам пока рано говорить о нарушении клятвы. — он поднял стаканчик. — Выпейте это сейчас.

Когда Евгенидис проснулся в следующий раз, окулист уже прибыл. В комнате горели свечи, огоньки которых отражались в многочисленных стеклах окон и освещали двух мужчин, сидящих на кровати. Гален разбудил его легким прикосновением руки, но даже это нежное касание отозвалось горячими толчками крови в руке, тупой болью в голове и жжением в глазах. Евгенидису казалось, что оба его глаза забиты горячим песком, а все остальное тело горело так, что он не был уверен, откуда исходит боль.

Окулист осмотрел его со всей осторожностью, поднося к лицу зажженную свечу и потом отводя руку прочь.

— Когда вы заметили заражение?

Евгенидис покачал головой и сразу пожалел об этом. Он не знал, в какой день это случилось, и как долго он пробыл в тюремной камере. Он пытался вспомнить, но его разум балансировал на краю черной ямы, заполненной воспоминаниями, которые тянулись к нему,

извиваясь змеиными телами, и грозили утопить.

— До того, как мне отрезали руку, — наконец сказал он.

Окулист посмотрел на врача.

— Около недели назад, — ответил тот. — Десять дней максимум.

Окулист снова поднял свечу. Евгенидис вздрогнул, но промолчал.

— Глаз цел, — заявил окулист. — От иглы он был бы значительно краснее и более чувствителен к свету. Держите его в чистоте и накладывайте примочки. — он посмотрел на Евгенидиса и уверенно произнес: — Сотни маленьких детей каждый год переносят это заболевание, и их зрение восстанавливается полностью. Вам незачем волноваться на этот счет.

«На этот счет», подумал Евгенидис, и когда Гален предложил ему еще дозу опиума, он выпил все до дна и уснул.

* * *

В Аттолии царица сидела за ужином. Зал был освещен лучшими свечами, еда была превосходной. Царица почти не ела.

— Сегодня вечером ваши мысли где-то далеко отсюда, Ваше Величество, — сказал человек, сидящий справа от нее на самом почетном месте.

— Вовсе нет, Нахусерех, — заверила Аттолия мидийского посла. — Вовсе нет.

* * *

Лихорадка Евгенидиса усилилась. Он соскользнул в яму с воспоминаниями, и Гален несколько раз давал ему опиум, чтобы дать возможность немного отдохнуть. Он больше не узнавал ни Галена, ни его помощников, и им приходилось бороться за каждый глоток лекарства. Приходилось держать его, причем Гален наваливался всем своим весом на грудь и заливал опиум в открытый рот, пока Евгенидис кричал и ругался. Чтобы не расплескать настойку, Гален зажимал нос юноши и оттягивал вниз подбородок. Евгенидис не мог дышать, пока все лекарство не было проглочено, но боролся изо всех сил, пытаясь отвернуть голову в сторону. Гален чувствовал, как худое тело дугой изгибается под ним, пытаясь сбросить с себя тяжкий груз. Нет, он должен был совсем обессилить и почти потерять сознание, чтобы принять лекарство.

Бледная Эддис ждала в библиотеке.

— Он не поблагодарит вас, за то, что вы подслушивали под дверью, — сказал военный министр, садясь рядом с ней.

Он тоже пришел в библиотеку проведать сына.

— Вы когда-нибудь...

— Слышал, чтобы он так кричал? Нет.

Эддис тоже не могла припомнить ничего подобного. Эти крики звучали так, словно его сажают на кол.

— Ему стало хуже?

Отец Евгенидиса покачал головой.

— По-прежнему, я думаю. — он поерзал в своем кресле. — Если он так отчаянно сопротивляется, когда ему пытаются дать опиум, значит у него еще есть кое-какая силенка.

— Это происходит каждый раз?

Военный министр кивнул. Царица поднялась со стула и решительно подошла к двери спальни.

— Евгенидис! — рывкнула она, как заправский фельдфебель.

Гален оглянулся, намереваясь отправить ее прочь, но фигура на кровати замерла. Евгенидис приоткрыл глаза, моргая в недоумении. Люди вокруг кровати немного расслабились.

— Прекрати вести себя как лошадиная задница и выпей настойку, — приказала она.

Евгенидис сглотнул и вздрогнул, когда горькая жидкость потекла по пищеводу. Гален взял его за руку.

— Моя царица? — неуверенно прошептал Евгенидис, мысли которого все еще путались.

— А теперь спи, — приказала Эддис.

Евгенидис, послушный своей царице и опиуму, закрыл глаза.

— Подействовало, — удовлетворенно сказал министр, когда она вернулась в библиотеку, чтобы сесть рядом с ним.

— Подождем, что скажет Гален, — ответила царица, чувствуя себя неловко, но она терпеливо сидела на стуле, и не собиралась возвращаться к ожидавшему ее министру торговли.

К ее удивлению, появившийся в дверях врач был доволен результатами ее вмешательства.

— Он узнал вас, хотя не признавал никого. Возвращайтесь, когда сможете.

* * *

Утром Эддис сидела у постели Евгенидиса, ожидая его пробуждения. Она спросила Галена о синяках под глазами, и он ответил, что эти черные пятна являются старой кровью, скопившейся под кожей после удара по голове. Она тоже предполагала удар в лицо, но не понимала, почему нос не был сломан, если кровоизлияние оказалось таким сильным. Гален объяснил, что кровотечение началось от удара в лоб, после чего кровь просочилась в глазницы. Он предупредил, что синяки исчезнут не раньше, чем через несколько недель. С темными кругами под глазами лицо Евгенидиса казалось еще тоньше, а кожа бледнее.

Она сидела и смотрела, как он спит, вспоминая, как часто раньше видела его с синяками. Он часто получал их в драках с двоюродными братьями. Они дразнили его за его имя и становились все злее по мере того, как возрастал к нему интерес его деда. У Евгенидиса был острый язык, иногда опережающий его мысли, и его ответные насмешки зачастую были более болезненными и меткими, чем усилия всех братьев вместе. Чаще всего их споры заканчивались шишками и синяками.

После смерти матери Евгенидис не стал долго ждать, чтобы сообщить отцу о своем намерении стать Вором Эддиса. Его отец, еще не залечивший рану после потери жены, был в ярости. Евгенидис бесстрашно воевал с отцом, и оба они изливали свою скорбь и гнев в присутствии всего двора. Кузены и кузины, боготворившие военного министра, усилили свои нападки на Евгенидиса, и их взаимная неприязнь росла, пока Евгенидис не перебрался из

общей спальни мальчиков в единственное свободное во дворце помещение — комнату, смежную с редко используемой дворцовой библиотекой.

Он смел пыль с книжных полок и начал оттачивать навыки чтения, демонстрируя традиционную среди Воров склонность к наукам; и после жестоких стычек со своими двоюродными братьями, он неизменно отступал в библиотеку и свою спальню-кабинет, чтобы залечить кровоподтеки. Эддис часто навещала его во время этих добровольных ссылок. Она не приняла его сторону. Для всех участников трагедии было слишком очевидно, что он сам навлек на себя неприятности и был кем угодно, только не беспомощной жертвой. Со временем у его двоюродных братьев стали пропадать различные ценности, которые неизменно находили на храмовом алтаре, посвященном богу воров Евгенидису. Эддис не поддержала двоюродных братьев, когда они пришли к ней с жалобами на вора. Они были также и ее кузенами, и она воевала с ними самостоятельно, пока оба ее старших брата не умерли один за другим в течение нескольких дней от лихорадки, и она не стала наследницей Эддиса. Еще через несколько месяцев она стала царицей, и после этого никто не осмеливался перечить ей, разве что под прикрытием нудных, утомительных официальных обращений, никто, кроме Евгенидиса, не ставил ей в упрек ее злоупотребления в одежде и ее родственников, как будто существование многочисленных кузенов и кузин было ее личной виной.

— Выгони их всех, — предлагал он.

— Я не могу, ты же знаешь. Когда-нибудь они стану солдатами моей армии и моими министрами торговли и казначейства.

— Я могу стать твоим офицером вместо них.

— Это после того, как ты разорвал свой военный патент во время последней ссоры с отцом?

— Ну, тогда я буду твоим министром.

— Казначейства? Да ты ограбишь меня до нитки.

— Я бы ни за что не стал красть у тебя, — горячо сказал он.

— Неужели? А где мое турмалиновое ожерелье? Куда делись мои серьги?

— То ожерелье было отвратительным. Это был единственный способ избавить тебя от необходимости носить его.

— А серьги?

— Какие серьги?

— Евгенидис! — она смеялась. — Если Клеон и бьет тебя, то только потому что ты сам это заслужил.

Ее никогда не беспокоили его жалобы. Она начинала волноваться только тогда, когда он затихал. Это значило, что он замышляет нечто настолько возмутительное, что заставит всех придворных броситься к ней с требованием его крови, либо он опять воюет со своим отцом, либо действительно серьезно болен. Последнее случалось реже всего. В первый раз один из двоюродных братьев сломал ему в драке несколько ребер, а в другой он серьезно повредил ногу, поскользнувшись на гребне обледенелой стены. Эта опасность подстерегала всех воров, часто приводя их к смерти, что и произошло с матерью Евгенидиса.

Во время болезни он, бледный и молчаливый, уходил в свою комнату зализывать раны, но потом, когда ему становилось лучше, поток его жалоб было невозможно перекрыть. Тем не менее, он так и не рассказал ей, кто сломал ему ребра, и при каких обстоятельствах он вывихнул колено. Множество добровольных доносчиков сообщили ей о драке с Титом, а

подробности его приключения на стене она выудила из дворцового врача, который лечил ногу Евгенидиса. Гален был так же привычен к синякам Вора и выслушивал его жалобы без особого сочувствия.

Эддис наклонилась вперед, чтобы обтереть влажный лоб Евгенидиса. Гален обрезал длинные волосы Вора, и теперь тот выглядел совсем непривычно. Она не ожидала, что его обрезанные волосы будут виться такими крупными кольцами у висков и за ушами. Она отвела один из локонов с его лица.

— Моя царица, — тихо сказал Евгенидис, открывая глаза.

— Мой Вор, — ответила она печально.

— Она знала, что я во дворце, — сказал он низким голосом, в котором звучала непривычная усталость. — Она знала, где я спрятался и как собирался выйти из города. Она знала все. Извини.

— Я не должна была тебя посылать.

Он покачал головой.

— Нет. Это моя ошибка. Я не заметил, что за мной следят. Я пытался все обдумать. Я подвел тебя, моя царица, — сказал он. Его голос становился все слабее. — Мне очень жаль. Прости.

— Это ты меня прости, — с горечью произнесла Эддис, и Евгенидис снова открыл глаза. — Но она сильно пожалеет об этом, когда будет висеть вниз головой на стене своего дворца.

Царица заметила, что комкает тонкую ткань платья в кулаке. Она разгладила складки и встала, чтобы уйти, но передумала.

— Гален прикончит меня, если я буду тебя расстраивать, — сказала она, садясь снова.

— Ты меня не расстраивала. Мне приятно видеть, как ты сердисься. А вот она не сердится, — сказал он, глядя в пустоту перед собой. — Когда она сердится, она молчит, когда ей грустно, она тоже молчит. Если она когда-нибудь будет счастлива, она опять замолчит, я уверен.

Это была его самая длинная речь с момента прибытия, и, закончив, он закрыл глаза. Эддис подумала, что он заснул. Она встала и подошла к окну. Оно было прорублено высоко в стене. Подоконник находился на уровне ее глаз, а оконные стекла поднимались почти до потолка. Встав на цыпочки, она заглянула вниз в передний двор. Там было пусто.

— Она имела право, — произнес Евгенидис за ее спиной.

Эддис обернулась.

— Нет, не имела.

— Так чаще всего наказывали воров.

— Не будь идиотом, — отрезала Эддис. — В Аттолии уже лет сто не отрубают руки вора́м. И в любом случае, ты не обычный вор. Ты мой Вор. Ты член царской семьи. Через тебя она наказала весь Эддис, и ты это знаешь.

— Эддис не может хозяйничать в ее дворце, — прошептал Евгенидис.

Царица видела, что он устал.

— Мидия тоже не может хозяйничать во дворце Аттолии, — возразила она, повысив голос.

Гален приоткрыл дверь и послал ей предупреждающий взгляд.

— Уходите! — огрызнулась она.

Он покачал головой, но отступил, оставив дверь приоткрытой.

— Это был варварский акт! — Эддис повернулась к Евгенидису. Его глаза были закрыты. — И она пожалеет о нем, — сказала царица, уходя.

У выхода из библиотеки Гален вежливо поклонился, когда она прошла мимо него. Осмотрев Евгенидису и дав ему новую порцию наркотика, врач обнаружил, что Эддис ждет в библиотеке. Она сидела в одном из кресел, подняв колени вверх и обтянув их длинными юбками.

— Вы сейчас оба плакали, — сказал он.

Эддис шмыгнула носом.

— Я просто злюсь.

— Он недостаточно силен, чтобы рассердить вас. — мгновение врач казался растерянным.

— Да, я знаю, — ответила царица, вздохнув. — Он слишком слаб, чтобы слушать мои крики, и если он умрет, то только по моей вине; и я уже виновата в том, что он потерял руку, и я могу только благодарить богов, что они не позволили ему потерять также и зрение.

Она выдернула из-под верхней юбки краешек нижней и вытерла подолом глаза, затем фыркнула и встала. Гален смотрел удивленно. Она улыбнулась ему.

— Ну, давайте начинайте вашу лекцию.

— Что? — не понял Гален.

Эддис приложила правую руку к груди и торжественно произнесла:

— «Если вас не устраивает качество моей работы, вы можете уволить меня, это ваше право; но пока я дворцовый врач я буду настаивать, чтобы мои рекомендации соблюдались ради благополучия моих пациентов...» Я угадала? — спросила она.

— Да.

— Думаю, я смогу угадать и все остальное, — сообщила царица.

— Спасибо, Ваше Величество, — ответил Гален. — Благодарю, что мне не придется вам это говорить.

Теперь царица Эддиса посещала Евгенидису, пока он спал. Лихорадка прошла, но оставила его ужасно исхудавшим и слабым, способным только спать большую часть дня и ночи. Гален предупредил, что должно пройти некоторое время, чтобы Царский Вор восстановил свои силы.

В тех редких случаях, когда Евгенидис просыпался, Эддис говорила с ним об урожае, который оказался обильным, о погоде, необыкновенно благодатной, но никогда о своих совещаниях с министрами, начальниками шахт, мастерами царских заводов и командирами ее маленькой армии, и тем более, не о многочисленных дипломатических сообщениях, поступающих из Суниса и Аттолии. Когда он немного окреп и стал просыпаться чаще, она пересказала ему все дворцовые сплетни и извинилась, что теперь не сможет навещать его так часто.

— Даже если бы у тебя было больше времени, Гален все равно не позволил бы.

— Это правда, — согласилась царица. — И он всегда подслушивает, чтобы убедиться, что я не расстраиваю тебя. Держу пари, что он и сейчас приник ухом к двери, — прошептала она и получила в ответ редкую улыбку.

Она откинулась назад, стащила с головы тонкую золотую диадему и запустила пальцы в густые курчавые волосы.

— Иногда мне кажется, что я уже тридцатилетняя старуха, — сказала она. — Все вокруг мучают меня разными вопросами с момента, когда я открываю глаза и до той минуты, когда

я засыпаю у себя в комнате. Когда Ксанта будит меня утром, она первым делом спрашивает, что я хочу на завтрак. А я мечтаю, чтобы она просто молча поставила передо мной поднос. Тогда одним решением в день стало бы меньше.

Он не спросил, какие именно решения так заботят ее. Она все равно не сказала бы.

— Увидимся через несколько дней, если я смогу. — Эддис наклонилась над постелью, чтобы поцеловать его в лоб. — Съешь что-нибудь, — сказала она и ушла.

* * *

В Аттолии царица внимательно выслушала доклад, направленный ее послом из Эддиса.

— Значит, лихорадка не убила его, — заметила она.

— Кажется, нет, Ваше Величество.

— Очень хорошо, — сказал она.

Глава 5

Ранняя осень уже пришла в горы, когда Евгенидис решил, что он достаточно насмотрелся на потолок и вылез из постели, чтобы выглянуть в окно. В переднем дворе на земле лежал иней. Гонец из армии ехал на горном пони, уже обросшем лохматой зимней шерстью. Евгенидис отвернулся и пошел к ожидавшему его креслу у камина. Он был обут в тапочки и завернут в теплое одеяло. Кultzяпка искалеченной руки перевязана чистыми бинтами. В повязке не было необходимости, рана зажила, но Евгенидис не хотел смотреть на нее, и держать руку на перевязи казалось самым простым решением.

Его левая рука, принявшая на себя функции правой, казалась неловкой и неуклюжей, хотя дед Евгенидис всегда настаивал, что необходимо развивать обе руки, чтобы они работали как взаимозаменяемые. Евгенидис добился, чтобы они работали одинаково хорошо с воровским инструментом, но завязывать ремешок левой рукой было слишком утомительно, и дед никогда не настаивал, чтобы он убирал волосы за правое ухо исключительно левой рукой. Теперь подтвердилась правота дедовых слов.

Евгенидис некоторое время смотрел на огонь, затем провел пальцами по волосам, отросшим достаточно, чтобы закрывать глаза, и обвел взглядом комнату. Книжный шкаф стоял на своем месте у камина, и порядок в нем не нарушался. Большая груда бумаг на столе была небрежно сдвинута в сторону. В центре кучи должен был лежать свиток, который он взялся переписывать незадолго до отправки в Аттолию. Если он и лежал там, его невозможно было разглядеть за рядами мисок, бинтов и пузырьков с отварами, оставленных Галеном и его помощниками. Рабочего кресла на месте не было. Его не перенесли в библиотеку, а поставили между изножьем кровати и очагом.

Он встал, чтобы разобрать бумаги, но медицинские склянки занимали слишком много места, не оставляя пространства для сортировки документов. Наконец чернильница опрокинулась, и черная жидкость пролилась на текст, который он так тщательно копировал, залив всю левую сторону длинного абзаца. Евгенидис вздохнул. Он, скорее всего, сможет вспомнить большую часть параграфа, но его все равно нужно будет тщательно сверить с другой надежной копией. Оставалось не так много полных экземпляров труда Фалеса об основах мироздания. Вот почему свиток был так ценен, и Евгенидис взялся за изготовление его копии. Если он пролежит на столе еще немного дольше, то, вероятно, будет испорчен окончательно. Его нужно уложить в футляр и отнести в библиотеку.

Евгенидис заставил себя выти из спальни и обнаружил, что большая часть свитков, книг и других документов небрежно разбросана по большому столу в библиотеке. Он рылся в этой груде, пока не нашел футляр с именем Фалеса и названием его работы. Он засунул в него свернутый свиток и положил на полку в шкафу. Затем он вернулся к своему креслу у камина. Он тихо дремал там, когда вошел Гален. Врач принес небольшой сосуд с настойкой опиума и аккуратно перелил ее в чашку на столе Евгенидиса.

— В библиотеке беспорядок, — сказал Евгенидис.

— Да, я заметил. Я попросил Алдмениана найти анатомический атлас, он куда-то запропастился.

— Тогда почему никто не прибрался?

— Это ваша библиотека.

— Не моя. Это царская библиотека. Я только живу здесь.

— Чья бы она ни была, я думаю, вы единственный, кто знаком с порядком расстановки книг.

Врач собрался уходить.

— Гален, — позвал Евгенидис.

— Да?

— Уберите ваш мусор с моего стола. Я собираюсь немного поработать.

Гален фыркнул.

— Я поищу, кого можно прислать вам на помощь. Кто не слишком занят.

Несмотря на нелюбезный ответ Галена, один из его помощников явился вскоре после обеда, чтобы забрать лекарства, чашки и неиспользованные повязки. Евгенидис посмотрел на оставшийся беспорядок, но не двинулся с места. Он отвернулся и смотрел в огонь до конца дня. Рабочий стол остался нетронутым.

Утром он собрал рассыпанные по столу писчие перья. Он бросал их по одному в пенал, и они падали с тихим стуком. Когда пенал наполнился, он пошевелил перья пальцем, а потом закрыл крышку и вернулся на свое место перед очагом.

Каждое утро, когда солнечный свет пробивался сквозь щели между оконными занавесями, он выбирался из постели и шел к столу, чтобы убрать несколько предметов, прежде чем сесть в кресло. Ему было непривычно бодрствовать с утра. Раньше он приступал к своей работе поздней ночью, когда большая часть дворца погружалась в сон. Теперь он сидел перед огнем до раннего вечера, когда можно было снова вернуться в кровать. Гален приходил проверить его каждые два-три дня. Эддис и его отец разделили очередность своих еженедельных посещений. Если не считать слуг, приносивших подносы с едой и перестилавших постель, он был совсем один. Он прятался в тиши кабинета, и никто не беспокоил его.

Когда на столе не осталось ничего, кроме маленького пузырька опиума, несколько капель которого он принимал перед сном, Евгенидис перешел к библиотеке. В один прекрасный день, когда и там был наведен порядок, он должен был придумать новую причину вставать по утрам. Наконец, он собрал несколько обрывков бумаги и перо, чтобы посмотреть, как он сможет писать левой рукой.

Бутылочку с чернилами пришлось открывать зубами. Бумага скользила по столу, надо было как-то удержать ее на месте. Использовать культю было трудно, прижимать ее к бумаге приходилось достаточно сильно, а кожа на срезе была слишком нежна. Он попытался использовать предплечье, но оно закрывало большую часть листа и размазывало уже написанные слова. Вздохнув, он встал и прошел в библиотеку к шкафу, где в широких плоских ящиках хранились топографические карты. В том же ящике должны были лежать пресс-папье, но там было почти пусто. Осталось только два не совпадающих по размеру камня. Еще один нашелся на полке в углу. Евгенидис сложил их в карман халата и отнес к столу. Камни надежно зафиксировали бумагу. Обмакнув перо в чернила, он начал писать.

Теперь он практиковался в письме понемногу каждый день и как раз работал, когда однажды кто-то прошел через библиотеку, чтобы постучать в полуоткрытую дверь его

спальни. Он поднял голову и увидел секретаря своего отца и незнакомого человека за его спиной.

— Да? — сказал Евгенидис.

— Я привел портного, — сказал секретарь. — Ваш отец считает, что вам нужно перешить ваш вечерний костюм или даже сшить новый, чтобы вы могли спуститься к ужину.

— Разве я собираюсь идти на ужин? — удивился Евгенидис.

Он совсем не думал об этом. Теперь, когда ему напомнили о придворных обязанностях, он жаждал найти предлог, чтобы увильнуть от формальных ужинов с царицей и ее придворными.

Секретарь смотрел на него молча. Портной терпеливо ждал.

— Думаю, мне придется, в конце концов, — сказал Евгенидис и отложил перо. — Хотя не понимаю, почему я не могу носить старый костюм.

Портной помог ему одеться и застегнул пуговицы на рубашке, когда Евгенидис не смог справиться сам. Полностью одевшись, Евгенидис зажал в кулаке лишнюю ткань куртки, когда-то плотно облегавшей его тело.

— Я похудел, — с удивлением заметил он.

— Наверное, потому что вы ничего не едите, — побормотал портной сквозь булавки во рту и отвернулся, поймав предостерегающий взгляд секретаря военного министра.

Портной смотрел вниз на ткань под пальцами, но вспоминал слухи, расходившиеся по городу из дворца. Увидев Царского Вора собственными глазами, он подумал, что они были, скорее всего справедливыми: Вор отсылал свою еду обратно на дворцовую кухню, не съев ни кусочка, он прятался в своей комнате, не желая никого видеть, и он, может быть, скоро вообще помрет, о чем заранее скорбит весь город; а во всем виновата эта мерзкая баба из Аттолии. Портной пожал плечами и сосредоточился на своей работе.

— Куртку придется перекроить, — сказал он. — Возможно, для этого понадобится несколько дней.

— Не торопитесь, — ответил Евгенидис.

* * *

Широкий месяц, почти половинка луны, светил с ясного неба на крыши дворца царицы Аттолии. Летом, когда все окна были распахнуты, она, лежа в темноте своей спальни, могла слышать грохот колес тяжелых повозок, в которых крестьяне везли свой товар на утренний рынок. Но сейчас стояла зима. Окна были закрыты, и когда она проснулась и посмотрела в темноту перед собой, в комнате было тихо. Она отбросила одеяло и с сердитым вздохом поднялась с постели. В дверях появилась дежурная служанка. Она подняла с кресла халат и изящным движением распахнула его, ожидая, когда хозяйка позволит накинуть его на плечи.

— Вашему Величеству нужно еще что-то? — спросила она.

— Только одиночество, — ответила царица Аттолии. — Оставь меня.

Служанка послушно оставила свой пост и вышла в коридор, чтобы встать перед дверью царицы. Аттолия подошла к окну и отдернула тяжелые портьеры, чтобы провести бессонную ночь, одну из многих, наедине с луной.

Когда Евгенидис остановился в дверях малого тронного зала, все, кто стоял ближе к нему, прервали разговор, сначала озадаченные появлением незнакомца, а потом в растерянности, когда узнали его. После долгого отсутствия он казался старше. Цирюльник снова подстриг его волосы, а правая рука была спрятана в перевязи. Когда придворные начали оглядываться на него, тишина стала распространяться от нижней лестницы тронного зала, как волны в маленьком пруду, но он стоял неподвижно под обстрелом многочисленных взглядов.

— Евгенидис, — сказала царица.

Он повернулся, чтобы найти ее в толпе. Она протянула руку, и он двинулся вниз по лестнице и через тронный зал, чтобы принять ее приветствие и любезную улыбку.

— Моя царица, — сказал он.

— Мой Вор, — ответила она.

Он поднял голову, но она сжала его пальцы, и он не стал возражать.

— Думаю, пора ужинать, — сказала царица, и придворные переместились в Большой зал, где по требованию царицы ужин был подан несколько раньше, чем планировала кухня.

Шеф-повар яростно ругался себе под нос, но, как всегда, оказался на высоте.

Евгенидис сидел между баронессой и княгиней, младшей сестрой царицы. Самыми громкими звуками в зале казались шаги слуг, разносящих блюда. Придворные смотрели по очереди на Евгенидиса, на царицу, а затем опускали взгляд в тарелку перед собой. Кто-то высморкался, кто-то кашлянул. На дальнем конце стола упомянули урожай, весьма обильный, и княгиня справа от него подхватила нить разговора. Она болтала о погоде, такой холодной. Зима была в разгаре, так что Евгенидис не нашел в погоде ничего удивительного. Когда подали горячее, Евгенидис ел только овощи. Он отодвинул мясо, потому что не мог разрезать его, и съел маленький кусочек хлеба без сыра, потому что не мог его разломить.

За ужином было подано вино, и когда он допил свою первую порцию, его чаша мгновенно наполнилась снова. Это был керамический канфар^[1] с высокой узкой ножкой и широкой чашей. Евгенидис восхитился рисунком, нанесенным вдоль внутреннего края. Кентавры^[2] гнались друг за другом по кругу, их луки были натянуты, и стрелы готовы поразить врагов. Две руки — правая и левая, подумал Евгенидис, и поставил на стол пустой кубок.

Ужин закончился, царица встала, Евгенидис поднялся вместе со всеми придворными. Три растопыренных пальца с побелевшими костяшками, которыми он упирался в стол, помогли ему не упасть. Его соседи извинились и отправились спать, а он все стоял перед своим стулом. Подошел отец и мягко подхватил Евгенидиса под здоровую руку. Евгенидис удачно переместил свой вес и оперся на отца.

— Разве сегодня не разбавляли вино? — спросил он.

— Как обычно. Две трети воды на третью часть вина.

Да, как и принято у цивилизованных людей. Когда зал опустел, отец помог Евгенидису выйти из-за стола и подняться по лестнице в свою комнату.

— Сегодня опиум не понадобится, — заметил Евгенидис, подойдя к двери комнаты. — Вино оказалось более приятной заменой. — он почувствовал, как затвердела рука отца. — Я пошутил, — сказал он, не уверенный, что это была шутка.

Второй ужин прошел почти так же. Мясо Евгенидису порезали небольшими кусками, а вместо сыра поставили маленькую миску оливкового масла, чтобы окунать в него хлеб. Если не учитывать, что ему приходилось тянуться к маслу над своей тарелкой, все прошло хорошо. Разговор шел все о том же. Урожай и погода. На дальнем конце стола говорили вполголоса, трудно было расслышать. Евгенидис пил меньше и упорно смотрел в свою тарелку, опасаясь встретить взгляд царицы.

На третий вечер он не явился. Его место за столом осталось пустым. Когда ужин закончился, и отец поднялся наверх, чтобы посмотреть на него, Евгенидис ждал, полностью одетый, сидя на своей кровати. Он сидел, прислонившись к спинке кровати, и смотрел на носки сапог. Пустой рукав рубашки безвольно лежал на коленях. Он посмотрел на своего отца, его лицо было мрачно.

— Я не смог смотреть на них снова, — сказал он.

Он опять опустил глаза.

— Я уже знаю, что урожай был хорошим, а погода стоит холодная. Я смогу попробовать еще раз весной.

— Завтра, — решительно сказал отец и вышел.

Евгенидис клонился вбок, пока его лицо не зарылось в подушку.

Во сне он видел царицу Аттолии, которая танцевала в своем саду в зеленом платье, вышитом вокруг ворота белыми цветами. Потом закружился снег, собаки мчались за ним во тьме, и клинок, красный в свете очага, вздымался над его головой и падал вниз. Королева перестала танцевать и смотрела на него. Он проснулся от собственного крика, все еще лежа в одежде поверх покрывала.

Он бросился в библиотеку и уселся перед холодным очагом. В комнате было зябко. Еще месяц назад здесь неизменно дежурил один из помощников Галена, всегда готовый накапать в чашку опиума, изгонявшего кошмары из-под век, и Евгенидис проваливался в глубокий сон до утра.

Он просидел несколько часов в холодной библиотеке, не пытаясь раздуть огонь из потухших угольев. Только на рассвете он вернулся в теплую спальню, где, так и не раздевшись, растянулся на кровати и снова заснул.

* * *

— А вор?

— Вор, Ваше Величество?

Аттолия барабанила пальцами по подлокотнику кресла. Она вышла в маленькой приемной, чтобы поговорить с человеком, собиравшим для нее сведения из разных источников. Официально он именовался Секретарем архивов.

— Вор, Релиус. Он выздоравливает?

— Наш посол в Эддисе сейчас может обеспечивать нас только общими сведениями, но он сообщает, что Евгенидис, кажется, медленно выздоравливает. Он примерно раз в неделю принимает участие в официальных ужинах. Он также кажется мало заинтересованным в политической ситуации. В его присутствии она не обсуждается. Он почти не покидает свою комнату.

— Видится ли он с царицей?

— Не часто. Конечно, она очень занята.

— Он видится еще с кем-либо?

— Его время от времени посещает отец, но больше он никого не приглашает. По слухам, он страдает от ночных кошмаров, — добавил секретарь.

— В этом я не сомневаюсь, — деликатно фыркнула царица.

Релиус бросил многозначительный взгляд через ее плечо. Аттолия обернулась, чтобы увидеть мидийского посла, входящего в комнату без доклада.

— Нахусерех, — сказала она, подвинувшись на стуле и протянув обе руки, которые он взял с глубоким поклоном.

Он был бы очень привлекательным мужчиной, внезапно подумала она, если бы не его борода, окрашенная в ярко-красный цвет и разделенная на две смазанные маслом пряди. Живя в Аттолии, он мог бы отказаться от мидийского стиля в одежде, но на самом деле он достаточно долго пробыл при ее дворе и не проявлял ни малейшего желания адаптироваться.

— Что заставило вас присоединиться к нашему обществу? — спросила она.

— С моей стороны было непростительным преступлением пробираться сюда, как вору, — сказал мидянин. — Я прошу Ваше Величество снисойти до прощения.

Он снова наклонился и поцеловал ее пальцы.

— Конечно, — улыбнулась царица. — Но отдайте мне мои руки. Очень неудобно сидеть в такой позе.

Мидянин рассмеялся и выпустил ее.

— Вы, кажется, очень заинтересованы в благополучии этого эддисийца, Ваше Величество, — заметил посол. — Он теперь безвреден. Что он может сделать одной рукой?

— Много лет назад я знала его деда. Он объяснил мне, что главным достоинством Вора, как и царя, является его ум.

— Он говорил слишком самоуверенно, — с неодобрением сказал Нахусерех.

— Пожалуй. Но тогда я еще не была царицей. Я даже не была наследницей трона.

— Вы могли бы убить этого вора.

— Могла бы, — согласилась Аттолия. — Это было бы так же эффективно и, может быть... приятно.

Она задумалась. Она уже жалела о том, что лихорадка не убила Евгенидиса. Аттолия повернулась к секретарю.

— Царица по-прежнему называет его своим Вором?

— Она делала это несколько раз в присутствии двора, — сказал Релиус.

— Простите меня, Ваше Величество, — сказал мидянин. — Я знаком не со всеми вашими обычаями, и остается еще много непонятного для меня. Могу ли я спросить, он действительно украл древнюю реликвию, а затем отдал ее царице Эддиса?

— Да.

— Это была ваша реликвия? — настаивал мидянин.

— Из храма в моей стране.

— И ее уничтожили в жерле Священной горы?

— Боже мой, Нахусерех, вы неплохо осведомлены о наших делах. Что из этого вам непонятно? — засмеялась царица.

— Как она смогла отказаться от талисмана? — спросил он.

— Царский титул передавался в Эддисе по наследству уже на протяжении многих лет, — задумчиво ответила Аттолия. — Теперь трон может перейти ребенку одной из ее

сестер. — она повернулась к секретарю. — Как его называют при дворе?

— Евгенидисом, — ответил секретарь.

Царица кивнула.

— Конечно, — сказала она.

— Я не понимаю вас, — жалобно протянул мидянин.

— Воры часто принимают имя своего бога, так что это не только имя, но и титул.

— Вот как, — кивнул мидянин.

— На сегодня достаточно, Релиус, — сказала Аттолия и отпустила секретаря движением пальцев. Когда он подошел к двери, она окликнула его. — И еще один вопрос.

— Да, Ваше Величество. — он знал, о чем она спрашивает.

— Вы позаботитесь о нем?

— Сразу же, Ваше Величество.

Шеф шпионов Ее Величества поклонился, прежде чем выскользнуть в дверь и отправиться на поиски охранника, позволившего мидянину войти к царице без доклада.

Вскоре после него Нахусерех извинился и вернулся в покои, отведенные ему и членам его миссии. Его собственный секретарь уже ожидал его.

— Гонец из Трех городов привез вам сообщение от императора, — предупредил секретарь. — Оно лежит на вашем столе.

Нахусерех нашел его там, сложенное и заклеенное. И все же печать была сломана. Нахусерех тщательно рассмотрел свиток, чтобы убедиться, что заклеенные страницы не разорваны. Каждый сгиб был чистым, не похоже, чтобы письмо раскрыли, а затем сложили заново. Он взглянул на улыбающегося секретаря.

— Я не узнал шифра, — признался секретарь. — Поэтому не стал смотреть дальше.

— Я как-нибудь покажу его тебе, Камет, — пообещал Нахусерех и заглянул в письмо. — Император напоминает о золоте, которое мы отдали варварской царице, и спрашивает, пришли ли мы к соглашению и получили ли ордер для наших дальнейших действий.

— Он понуждает нас действовать решительнее, не так ли? — спросил секретарь.

— Не столько понуждает, сколько призывает поторопиться, — поправил его Нахусерех, по-прежнему не отрывая глаз от бумаги.

— Империи строятся не в один день, — заметил Камет.

— Он помнит об этом, — согласился Нахусерех. — Но нет сомнений, что у него есть свои причины. — он сложил письмо и бросил его на стол. — Попробуй составить ответ самостоятельно. Дай мне знать, если понадобится помощь. Мы отправим сообщение императору сегодня вечером и напишем, что царица будет занята вором из Эддиса, пока мы работаем. Ты говорил со слугами из дома барона Эрондитеса?

— Говорил, но без особого успеха. Они немного смущаются, не зная, насколько я соответствую их представлениям об иерархии.

— Понимаю.

— Они здесь не очень привыкли к рабам, — заметил Камет.

Нахусерех покачал головой.

— Нет. У них много земли, но не много богатства.

— Я мог бы сбежать и стать свободным человеком, — пошутил Камет.

— О, я легко разыщу тебя, — безмятежно улыбнулся Нахусерех. Миндалевидные глаза раба и его красно-коричневая кожа разительно отличали его от жителей Аттолии. — Что ты думаешь о бароне Эрондитесе?

— Он очень осторожен, довольно умен. И очень высокого о себе мнения. А что вы думаете о царице Аттолии?

— Она очень красива, — сказал Нахусерех.

— Да? — поддержал Камет.

— И она обладает наиболее привлекательной из женских добродетелей, особенно драгоценной для царицы. Ею легко управлять, — продолжал Нахусерех, улыбаясь.

— Она достаточно долго находится на престоле, — осторожно заметил секретарь.

— Она продемонстрировала себя блестящим тактиком в первое время после захвата трона, что, несомненно, было заслугой ее советников — барона Оронуса или отца Эрондитеса. Кто бы это ни был, сейчас они оба мертвы. Она была проницательной, или ей до сих пор везло с советниками. Но ей придется найти новых, чтобы справиться с ее нынешними трудностями.

Камет спросил:

— И одна из этих трудностей — недостаток золота?

— Будем надеяться, что да, — ответил Нахусерех.

* * *

Когда Аттолия была переодета для сна, а ее волосы тщательно причесаны и заплетены в косы, она отпустила служанок и медленно вошла в свою спальню. Она провела рукой по покрывалу кровати, призывно откинутому, но не легла. Подобрав юбку, она села в кресло у окна, глядя в ночное небо. Через некоторое время она расслабилась достаточно, чтобы забарабанить пальцами по подлокотнику.

— Надо было его повесить, — сказала она вслух.

Больше она ничего не говорила, в комнате стояла тишина, луна медленно плыла над крышами дворца, пока ее луч не упал на ковер у ног царицы. Измученная, она наконец легла в постель и всю ночь спала без снов.

Глава 6

Пришла зима, и теперь он заставлял себя вставать по утрам, даже если единственным его занятием в этот день было сидеть в кресле у изножия кровати и смотреть на огонь в очаге. Время от времени он практиковался в письме, отрабатывая почерк. Ночью, когда дворец затихал, он просыпался и несколько часов лежал в постели, глядя на игру теней на потолке. Расставание со старыми привычками давалось тяжело, и он не мог заснуть. Он считал себя счастливым в те ночи, когда просыпался от ночного кошмара без крика, и был рад, что вблизи от библиотеки нет жилых комнат, обитатели которых могли бы услышать его.

В конце зимы он все еще отрабатывал свой почерк и занимался изучением книг и свитков в библиотеке. Он читал труд о классификации растений и животных, когда в дверь постучали. Он поднял глаза и посмотрел на человека, стоящего на пороге. Рядом с ним, как будто только что опущенный на пол, стоял большой обшитый кожей короб с ручкой на крышке.

— Чем могу помочь? — спросил озадаченный Евгенидис.

— Они прислали меня показать вам некоторые вещи, — неловко произнес человек.

Евгенидис без труда определял, сколько человек входит в категорию «они». Одна. Или двое.

— Что за вещи? — спросил он.

Человек подтолкнул короб поближе к Евгенидису. Он отпер и поднял крышку, чтобы открыть его содержимое. Под крышкой, закрепленный ремнями, был размещен набор протезов: пристегивающиеся руки и крючки. Руки были вырезаны из дерева, некоторые из них были сжаты в кулаки, некоторые частично раскрыты. Крючки сделаны из блестящей латуни или серебра, инкрустированные перламутром или гладкие.

— Убирайтесь, — сказал Евгенидис.

— Молодой господин, — запротестовал человек.

— Убирайтесь!

— Вы должны посмотреть. — человек стоял на своем.

Евгенидис встал со стула и, бросив короткий взгляд в окно, выбежал вон. Он пересек библиотеку и хлопнул за собой дверь.

Евгенидис проскочил по коридору мимо нескольких испуганных слуг и бегом преодолел два пролета вверх по лестнице, прежде чем понял, что не хочет идти на крышу. В солнечный день в конце зимы она будет занята дамами, стосковавшимися по теплу. Он напряг мозги в поисках надежного убежища, но библиотека была единственным безлюдным уголком, из которого его так бесцеремонно изгнали. Через некоторое время он повернулся и, не торопясь, пошел обратно вниз по лестнице и по коридору к другой лестнице, мимо все тех же слуг, молча радуясь, что одет не в халат, как обычно в первой половине дня, а в обычную одежду. Впрочем, тут он вспомнил, что оделся так исключительно по настоянию

отцовского камердинера, очевидно, предупрежденного о визите протезиста. Эта мысль так взбесила его, что камердинер должен был бы обрадоваться, что оказался далеко в эту минуту.

Евгенидис покинул дворец через маленький дворик, где в каменной стене была спрятана незаметная калитка, выходящая на заросший травой склон.

Мощная белым камнем дорожка привела его к перекрестку с более широкой мостовой Священного Пути. Прямой, как стрела, Священный Путь поднимался на гребень холма к огромному храму Гефестии, возвышавшемуся над царским дворцом.

В тени еще лежали пятна снега, и ветер насквозь продувал его тонкую рубашку. Холм был крутой, и он быстро запыхался, но упрямо шел вперед, пока не достиг пустого притвора храма. Он оглянулся, чтобы посмотреть в сторону дворца, но на Священном Пути за его спиной не было видно ни одной живой души. Он прошел сквозь главные двери храма, распахнутые для холодного воздуха, в пронаос.^[3] Меньшая пара дверей, ведущих в наос, также была открыта.

Проходя от пронаоса к наосу, он привычно умирил шаги. Алтарь был пуст. Ладан горел в жаровне без присмотра жрецов, хотя не было видно никаких признаков просителей и недавней жертвы. Большая позолоченная статуя Гефестии смотрела вниз прямо на Евгенидиса. Он подошел к нише перед главным алтарем, где находился меньший алтарь, посвященный Евгенидису, богу воров. Занавес обеспечивал конфиденциальность посетителей. Евгенидис задернул его и сел на одну из мраморных скамей, тянувшихся вдоль стен. Он поднял ноги на скамью, спрятав их от любого случайного взгляда из-под занавеса, и обхватил колени руками.

Он вышел из комнаты без повязки. Интересно, успел ли кто-нибудь рассмотреть его руку, когда он спешил в новое укрытие. Евгенидис прислонился затылком к мраморной стене и закрыл глаза. Он не смотрел на алтарь, украшенный россыпью богатых драгоценностей, украденных им самим и его предшественниками. Он пришел не молиться. Он пришел спрятаться.

* * *

В небе сияли звезды, когда Евгенидис осторожно пробрался вниз по дороге от храма. Он вздрогнул, проскользнув через калитку во дворик, и кивнул охраннику, войдя во дворец. Коридоры были пусты, и он не встретил ни одного человека по дороге к своей комнате.

Дверь библиотеки была открыта, и свет из камина мерцал в глубине темной комнаты. Он остановился на пороге, чтобы заглянуть внутрь, и увидел отца и царицу, молча ожидавших его в креслах у огня.

— Вы не должны находиться здесь, — сказал он.

Они встали. Евгенидис посмотрел на отца.

— Я был в храме, — сказал он.

— Мы знаем, — ответила царица. — Вряд ли стоило бежать туда с риском попасть под дождь, и теперь, просидев весь день на камнях, ты посинел от холода. Садись к огню.

Евгенидис не стал садиться; он растянулся перед очагом в опасной близости от летучих искр, и подпер голову рукой, дрожа от холода.

— Трусость имеет свои преимущества, — заметил его отец, глядя на сына сверху вниз.

— Больше, чем ты думаешь. — Евгенидис не пошевелился. — Приходила Мойра. Она передала мне послание богов.

Царица и отец молчали. Евгенидис перевернулся на спину, чтобы согреть другой бок. Теперь он смотрел в потолок. Он знал, что после уничтожения Дара Хамиатеса год назад, то, что казалось непоколебимой верой в божественное предназначение власти через чудесный Дар, будет медленно выцветать в умах людей, пока не превратится в расплывчатый образ из старых сказок, нереальный даже для его отца. Он очень надеялся, что Эддис, принявшая Дар из его рук, по-прежнему верит в Бессмертных. Она смотрела настороженно, в то время как лицо отца выражало только вежливый интерес.

— «Хватит ныть», — сказал Евгенидис.

— Что? — выражение лица Эддис сменилось с настороженного на озадаченное.

— Это было сообщение. Мне, единственному из смертных, боги отправили свою посланницу, чтобы приказать мне перестать ныть. Это отучит меня прятаться в храме.

— Евгенидис, — сказала Эддис.

— А я думал, что делаю все правильно, — с горечью произнес он.

— Ты на всю зиму заперся у себя в комнате, чтобы заниматься правописанием, — заметила Эддис.

— Ну да.

— И что ты будешь делать, когда твой почерк станет безупречным? — спросил отец.

Евгенидис сел на разогретые камни перед камином и вытянул к огню ноги.

— Я думал, что смогу поехать учиться в один из университетов на Полуострове, — сказал он наконец. — Я думал, что если буду учиться, то смогу вернуться через несколько лет и стать... полезным.

Он подтянул колени к подбородку.

— Извините, — он пожал плечами. — Мне казалось, что это был хороший план.

Эддис беспомощно посмотрела сначала на него, а потом на его отца. Военный министр наклонился вперед, просунул руки сыну под мышки и поднял его на ноги.

— Пора спать, наверное, — сказал он. — Мы сможем обсудить сообщение богов, когда выспимся. Некоторые вещи, — произнес он, глядя на царицу, — иногда не таковы, какими кажутся на первый взгляд.

Царица села, а министр без лишних слов помог сыну перебраться в постель. Он резким рывком стянул куртку и рубашку через голову Евгенидиса, а затем повернул его к кровати.

— Сядь, — сказал он.

Евгенидис послушался, и отец стянул с него остальную одежду, толкнул на подушки и накрыл одеялом.

— Умoeшься утром, — добавил он.

Евгенидис лежал на подушке и смотрел в потолок.

Отец спросил:

— Есть хочешь?

— Я съел жертвенный хлеб в храме.

Его отец в изумлении покачал головой.

— И молния тебя не поразила? — спросил он.

— Ни одна, — ответил Евгенидис.

— Повезло. — он подошел к двери и остановился. — Насчет университета на Полуострове...

— Что?

— Это была разумная идея.

«Была?», — поинтересовался Евгенидис, засыпая.

Глава 7

Утром Евгенидис спал допоздна. Когда он проснулся, вся комната была залита солнечными лучами, а халдей из Суниса сидел в кресле у изножья его кровати.

— Что вы здесь делаете? — недовольно спросил Евгенидис.

— Не думал, что смогу скоро увидеть тебя снова, потому и зашел. Ты же знаешь, мне нужна Эддис.

— Страна или царица?

— Я предпочитаю свою страну, — признался халдей.

— И мою царицу, — сказал Евгенидис. — Только вы ее не получите.

Халдей улыбнулся. Он сделал все возможное, чтобы добиться политического брака царицы Эддиса с его царем, но не преуспел, в основном, по вине Евгенидиса. При этом, несмотря на разницу в возрасте и целях, они сохранили большое уважение друг к другу.

Халдей получил доступ к докладам посла из Эддиса и внимательно изучал их на протяжении всей осени и зимы, пытаясь примирить личные симпатии с политическими интересами. Его царь был в восторге от результата, достигнутого Аттолией. Халдей огорчился, и постарался сосредоточиться на планах, которые считал приоритетными для своей страны. Но он был осторожен и решил повидаться с Евгенидисом лично, прежде чем призвать своего царя к открытому конфликту с Эддисом.

— Чем вы так заняты в своем Сунисе, что не скоро вернетесь полюбоваться на мою царицу? — спросил Евгенидис.

Халдей был готов к апатии и безразличию, но не к хамству.

— Сунис объявит войну Эддису этим летом, — сухо сказал он.

Евгенидис уставился на него.

— Может быть, ты не в курсе, что после твоего возвращения твоя страна находится в состоянии войны с Аттолией?

— Это невозможно, — категорически заявил Евгенидис. — Почему мы должны воевать с Аттолией?

Халдей указал пальцем на правую руку Евгенидиса.

— Не смешно, — отрезал Евгенидис и поднялся с постели. Он вытащил свой халат из гардероба и накинул его на плечи. — Если вы так пошутили, я убью вас, — прорычал он.

— Тебя вернули в Эддис с условием, что воды Арактуса будут выпущены. Ты знал об этом? — спокойно спросил халдей.

Евгенидис вздохнул и подтащил свое рабочее кресло от стола, чтобы сесть лицом к лицу с халдеем.

— Да, — сказал он и стал ждать, когда халдей снова заговорит.

— Твоя королева согласилась открыть шлюзы водохранилища. Но одновременно она приказала конфисковать имущество десяти торговых караванов Аттолии на перевале. Аттолия выразила протест. Эддис списала их в качестве репараций. Аттолия назвала это

недружелюбным актом и потребовала возвращения товаров. Эддис предложила международный арбитраж с участием Десяти Наций, но Аттолия отказалась. Она прислала в Эддис ультиматум с требованием вернуть караваны или считать себя в состоянии войны.

Евгенидис ждал. Халдей откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди.

— Ваша царица ответила в двух словах: «Значит, война». Она приказала аттолийскому послу и его миссии покинуть дворец и открыла главный шлюз водохранилища Хамиатеса. Паводковые воды ворвались в ирригационную систему Аттолии и уничтожили большую ее часть. Эддис направила вооруженные отряды в предгорье, чтобы перекрыть водоснабжение в верховьях Сеперхи. Больше четверти посевов в этой области сгорели на полях. Эддис потеряла часть своей армии. — халдей внимательно посмотрел на него. — Это для тебя новость?

— Продолжайте.

Халдей кивнул.

— К тому времени, когда Сунис узнал о конфликте, а Аттолия покинула рынок, и цены рванули вверх, Эддис успела купить большую часть излишков местного зерна. Проверив записи, я обнаружил, что она купила большую часть еще до ультиматума Аттолии. Неужели ты не в курсе? — спросил он, не в силах поверить.

Евгенидис снова встал с кресла, качая головой. Он напоминал халдею медведя, посаженного на цепь. Небольшого, но медведя.

— Совет Эддиса проголосовал за объявление войны, — сказал халдей. — Почти единогласно. Военный министр воздержался.

— Почему? — воскликнул Евгенидис, думая не о Совете, а своем отце.

— Думаю, из любви к тебе, — сказал халдей.

— Они никогда не поступали так раньше, — сказал он с горечью.

Халдей ответил:

— Думаю, если бы ты взял на себя труд поразмыслить немного, то заметил бы, что за время чуть меньше года, ты превратился в самого великого народного героя, которого знал Эддис.

Евгенидис упал в кресло и закрыл лицо рукой. Халдей заметил, что он поднял обе руки, но быстро сунул правую в карман халата.

— Я не хочу ничего знать об этом, — сказал Евгенидис.

— Я слышал, — продолжал халдей, — что ты редко выходил из своей комнаты этой зимой. Решил спрятать голову в песок?

Он встал и подошел к столу Евгенидиса, чтобы пролистать содержимое книги. Евгенидис вздохнул и откинул голову на спинку кресла, все еще не решаясь открыть глаза.

— Не могли бы вы уйти? — попросил он.

— Занимаешься классификацией растений? — спросил халдей, приподняв книгу. — И анатомией человека, я смотрю. И Евклидовой геометрией. Или просто переписываешь тексты? — он взглянул на клочки бумаги, исписанные трудолюбивым почерком Евгенидиса.

Он поднял стопку бумаг и помахал ею в воздухе.

— Извини меня, — сказал он. — Но когда твоя страна воюет, я не могу спокойно смотреть, как умные люди занимаются ерундой.

Евгенидис вскочил и выхватил бумаги из рук халдея.

— Это не ерунда, потому что я больше ничего не могу сделать для своей страны, — выкрикнул он, бросая стопку обратно на стол. — Потому что у меня осталась всего одна

рука, и даже не правая.

Обернувшись, он схватил со стола чернильницу и швырнул ее в створку шкафа, разбрызгав черные пятна по светлому дереву и стене. Черные брызги усеяли простыни его постели.

В наступившей после вспышки ярости тишине раздался голос царицы.

— Халдей, — сказала она с порога. — Я узнала о вашем приезде.

Евгенидис пошатнулся и посмотрел на нее.

— Ты начала войну из-за меня, и ничего мне не сказала? — спросил он.

— Вы должны извинить меня, — сказала царица, обращаясь к халдею, словно ничего не слышала. — Я проспала, иначе встретила бы вас раньше.

— Мы действительно воюем с Аттолией? — Евгенидис требовал ответа.

— Да, — подтвердила царица.

— И Сунисом? — спросил Евгенидис.

— Почти, — согласилась Эддис.

— Как ты могла, приходя раз в неделю, болтать о погоде и ни словом не упомянуть войну?

Эддис вздохнула.

— Не хочешь ли сесть и прекратить кричать? — спросила она.

— Я не буду кричать. Но я не сяду. Возможно, я захочу бросить еще одну чернильницу. Это Гален приказал ничего не рассказывать мне?

— И он тоже, — призналась царица. — Но ты и сам ничем не интересовался, Евгенидис. Ты же не слепой и должен был видеть, что происходит вокруг тебя, но ты никогда не спрашивал.

Он вспомнил обо всем, что безразлично наблюдал в течение нескольких месяцев: армейские курьеры верхом на лошадях в переднем дворе, знакомые лица придворных, внезапно переставших появляться за ужином. Исчезнувшие из библиотеки карты, а так же пресс-папье к ним. Его царица была слишком занята, чтобы навещать его чаще раза в неделю, а он никогда не интересовался, почему.

— Погибшие... — он задохнулся на этом слове. — Кто был в том отряде?

— Степисис. — Евгенидис вздрогнул, но она перечисляла дальше. — Хлор, Соасис, — все их с царицей родственники, — капитан Креон и его солдаты.

— Ну, — он снова задохнулся. — Это объясняет то молчание за ужином. Что еще я пропустил? Что должно было быть сказано, но я не хотел знать? — спросил он.

— Не очень много. Военные действия между Эддисом и Аттолией были приостановлены на зимний период. Все остальное тебе уже рассказали. Халдей? — вежливо осведомилась царица. — Не могли бы вы нас извинить?

Халдей опустил голову и вышел без единого слова. После его ухода царица заняла его кресло. Она потеряла лоб и сказала:

— Ужасно хочется есть. Я бросила Ксанту стоять посреди комнаты с завтраком на подносе, а вчера за ужином не ела совсем ничего. Я беспокоилась о тебе, — с укоризной произнесла она, — пока ты дулся на всех, сидя в холодном храме.

— Я не дулся, а размышлял.

— Дулся, ныл и жаловался.

— Ничего подобного, — сердито возразил Евгенидис.

— Ладно, — согласилась она. — Не жаловался. Но ты самозабвенно страдал всю эту

зиму, и никто не смел упрекнуть тебя. Мы могли только ждать и надеяться, что ты возьмешься за ум. Только не говори мне, что хочешь покинуть Эддис и уехать в университет на Полуострове. Ты нужен мне здесь, Евгенидис.

— Что может сделать для царицы ее бывший Вор одной-единственной рукой?

— Ты не бывший Вор, ты мой Вор. До тех пор, пока я сама являюсь царицей.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Это звание дается на всю жизнь. Ты оставался Царским Вором даже, когда был прикован к постели, ты это знаешь.

— Ладно, чего ты хочешь от своего бесполезного однорукого Вора?

— Я хочу, чтобы ты перестал быть бесполезным.

— Я ничего не смогу украсть одной рукой, — с горечью сказал Евгенидис. — Вот почему она не отрезала мне вторую.

Царица Аттолии была единственной, кого Евгенидис называл «она». Имя Аттолии редко срывалось в его губ, как будто он не мог вынести вкус этого слова.

— Существует множество вещей, которые человек не сможет украсть и двумя руками, — сказала Эддис.

— Например?

— Если что-то невозможно украсть двумя руками, то не важно, сколько рук у тебя осталось вообще. Украти для меня мир, Евгенидис. Украти для меня немного времени.

Она откинулась в кресле.

— Сунис поставил Аттолию на грань гражданской войны. Никто не может назвать ее бездарной правительницей, она проявила блестящие способности, удерживая свой трон так долго. Ее народ поддерживает свою царицу, но бароны ненавидят ее якобы за то, что она самостоятельно правит своим царством, отказываясь взять одного из них в качестве царя. На самом деле они ненавидят ее за централизацию власти, не позволяющей им растащить страну на куски. Но теперь она исчерпала свои ресурсы. Она даже пригласила ко двору мидян. Ты знаешь об этом, вот почему я послала тебя в Аттолию. Если она примет помощь мидян, если они высадятся на ее берегах, они постепенно захватят нас всех: Аттолию, Сунис и Эддис. Я посылаю тебя, потому что мне необходимо было узнать, насколько упрочилась ее связь с Мидией; ведь Сунис никогда не остановится в своих попытках свергнуть Аттолию.

— Готовься к войне с Сунисом.

— Я не могу. Сунис слишком силен. Эддис в союзе с Аттолией смогут победить его, но Аттолия не желает иметь ничего общего с Эддисом. Она слишком сильно ненавидит меня и слишком заинтересована в сохранении контроля над своей страной. Помнишь, она приезжала ко мне на коронацию, — объяснила Эддис. — Она отвела меня в сторону и дала множество советов, как править моей страной: повысить налоги, чтобы всегда иметь деньги для подавления восстаний, увеличить размер армии и регулярно проводить чистки среди придворных. Никому не доверять и немедленно исполнять все свои угрозы, как бы незначителен ни был проступок.

Евгенидис смотрел, как царица пожимает плечами.

— Она сидела на троне уже несколько лет. Если бы Эддис был похож на Аттолию, ее наука подошла бы мне. Теперь она ненавидит меня, за то, что я не прислушалась к ее советам, и за то, что я правлю страной, где эти советы мне не понадобились. И еще она ненавидит меня за то, что у меня есть ты, Евгенидис, охраняющий меня от Суниса и предателей при моем дворе.

Она встала, сунула руки в карманы штанов и прошла по комнате, остановившись только, чтобы подняться на цыпочки и выглянуть в окно. Евгенидис попытался сообразить, когда она снова начала носить штаны. Размышляя об этом, он не мог припомнить, когда в последний раз видел ее в платье, за исключением официальных ужинов.

— Ты никогда не угрожал ей напрямую, но ты был угрозой для Суниса, — продолжала Эддис. — Когда Сунис был вынужден преследовать тебя, ему приходилось посвящать меньше времени и средств Аттолии. Он поднял лай на нас с той минуты, когда узнал, что ты потерял руку.

Она повернулась к Евгенидису.

— Сунис слишком завяз в своих интригах, пытаюсь добиться влияния здесь, в Эддисе. Ему будет легко раскусить нас, но не легко проглотить. — она тонко улыбнулась. — Аттолия могла бы с тем же успехом убить тебя, но она хотела причинить боль нам с тобой. — она взглянула на него. — Впрочем ты и сам все это знаешь.

— По большей части, да, — признался Евгенидис. — Я только не знаю, за что Аттолия возненавидела тебя.

— Одевайся, — приказала царица. — Я закажу завтрак и еще немного поболтаю с тобой.

Евгенидис пошел к гардеробу.

— Без тебя Суниса будет трудно удержать от кампании против Эддиса. Я думаю, что мои придворные слишком преданы мне, чтобы купить их за деньги, но его реальная власть заключается в торговле. Мы зависим от импорта. Рано или поздно он прекратит поставки продовольствия, а если Аттолия будет торговать с Мидией, то мы ничего не получим и от нее.

— Я это знаю, — сказал Евгенидис.

— Конечно. Но ты не знал, что я некоторое время рассматривала варианты свержения царицы Аттолии.

Евгенидис моргнул.

— Свергнуть монарха, не имеющего достойного преемника было бы отчаянным шагом, но положение Аттолии становится все более шатким, пока она борется с Сунисом, а Мидия кружит над ней, как гриф. Нестабильность в нашем положении еще более опасна, — сказала Эддис, выходя в библиотеку. — Когда она отрезала тебе руку, меня перестало беспокоить, что в один прекрасный день ее могут вывесить вниз головой из окна ее собственного дворца. И каждый человек в Эддисе согласится со мной. Мы с твоим отцом предполагали, что если Сунис сможет установить в Аттолии марионеточное правительство и проделает это достаточно быстро, чтобы Мидия не успела вмешаться, то Сунис оставит Эддис в покое.

Царица пожалала плечами и призналась:

— В этом смысле я ничем не лучше Аттолии. Ради безопасности Эддиса я без колебаний бросила бы и эту гадюку и ее страну на растерзание Сунису.

— И что?

— Халдей разгадал наши намерения. Он предупредил своего царя, что Аттолия обязательно запросит помощь у Мидии, если Эддис и Сунис нападут на нее. Он может оказаться прав, но я все еще сомневаюсь, что она обратится к мидянам. Я подозреваю, что если Аттолии придется иметь дело с внутренней и внешней войной одновременно, страна сплотится против Мидии и против своей царицы. Они примут ставленника царя Суниса, по крайней мере, на несколько лет, а мы избавимся от нее. Мидийский император не сможет

вмешаться без приглашения легитимного правительства страны, не нарушая договор со странами Десяти наций. Многие могучие державы не больше нас желают видеть Мидию на этом берегу Срединного моря, и они готовы будут вмешаться при первой же возможности, но последнее, что нам нужно, это вооруженный конфликт, перенесенный на нашу почву.

— Так что же происходит сейчас?

— Сунис хочет получить и Эддис и Аттолию. Я дала ему шанс помочь мне, но вместо этого он решил присоединиться к Аттолии, хотя еще не объявил об этом официально. Когда установится погода, она попытается вывести армию к перевалу. Царь хочет быть уверен, что гарнизон на этой стороне Сеперхи не будет усилен, когда он будет атаковать. Мы эвакуировали людей с прибрежных гор и перегнали по мосту скот на эту сторону. Сейчас мы стрижем овец. Если не начнем их забой в ближайшее время, они уничтожат все оставшиеся пастбища. Серебряные рудники заминированы и будут взорваны при угрозе их захвата. Торговля через перевал приостановлена. Я сделала это, — сказала Эддис. — Хотя, думаю, это можно было сделать и раньше. Сейчас товары перевозят на кораблях вдоль прибрежных островов. Сейчас там наблюдают необычайный всплеск пиратства, — ехидно добавила она.

— Можем ли мы остановить аттолийскую армию? — Спросил Евгенидис.

— Нет, — мрачно ответила Эддис. Она провела рукой по волосам. — Только направив всю нашу армию на ту сторону перевала. Тогда мы бы остановили ее, но оставили без прикрытия все остальные участки фронта, чего, собственно, и добивается Сунис.

— Когда вы ожидаете армию?

— Армия Аттолии верна ей и хорошо обучена, но она нуждается в фураже, и это замедляет ее движение через горы. Это и еще долгая зима. Главный перевал пока закрыт снегами, а после оттепели паводок Сеперхи на некоторое время сделает дороги непроходимыми. Мы обычно отводили неделю или чуть больше на весенние ремонтные работы перед открытием перевала. Ясно, что в этом году нам будет не до ремонта.

— Когда?

— В середине весны, если нам повезет.

— И каковы ваши планы?

Эддис помрачнела еще больше.

— Покинуть часть страны к западу от Сеперхи: прибрежные горы и серебряные рудники. Мы сможем заблокировать проход во внутренние долины. И у нас достаточно зерна, чтобы продержаться всю следующую зиму.

— А потом?

— Будем надеяться, что Сунис с Аттолией причинят друг другу достаточно неприятностей, чтобы уменьшить их интерес к Эддису. Я уже начала просить богов, чтобы их союз не продержался долго, чтобы один из них расторг договор и стал нашим союзником до того, как мы начнем голодать.

— А если они сохраняют свой союз?

— Тогда мы сдадимся, Евгенидис, и меня свергнут с трона. Аттолия, вероятно, получит прибрежные горы и серебряные рудники. Сунису достанется долина Гефестии и железные рудники, если он, конечно, не попытается захватить все целиком. В любом случае ты станешь Вором бывшей царицы. Теперь мне надо поговорить с Ксенофонтом. Он ждет меня.

— Да, — сказал Евгенидис. — Поговори с Ксенофонтом.

Он вернулся в спальню и закрыл за собой дверь.

Той же ночью после целого дня наблюдения за пламенем в очаге Евгенидис вышел из комнаты и побрел по пустынным коридорам дворца. Он размышлял. Рассеянно он шел мимо знакомых тайников: панель, за которой открывался тайный ход в покои царицы; кладовая с крошечным окошком, через которое он мог пробраться к такому же крошечному окну в спальне своего двоюродного брата Принидиаса, незаметная каморка за винтовой лестницей.

Дворец всегда спал в это время ночи, и эти часы принадлежали только ему, поэтому он был весьма удивлен, обнаружив охранника около узкой лестницы, ведущей на крышу. Он заставил себя спокойно продолжать движение по коридору. Не было причин возвращаться только потому, что он заметил стражника. Он поравнялся с дверью, и охранник переступил с ноги на ногу, чтобы закрыть выход своим телом.

— Я собираюсь выйти на крышу, — озадаченно произнес Евгенидис.

— Нет, господин.

— Что значит: «Нет, господин?» — спросил Евгенидис. — Почему нет?

— У меня приказ, господин.

— Что, никому нельзя выходить на крышу?

— Нет, господин.

— «Нет, господин, никому нельзя выходить на крышу», или нет, у тебя другой приказ?

— Нет, у меня другой приказ, господин.

— Ну тогда прекрати называть меня господином и скажи, какой у тебя приказ.

Никто никогда не называл его господином, пока он не украл Дар Хамиатеса, но с тех пор это стало происходить довольно часто. Евгенидису это не нравилось.

— У меня приказ не выпускать вас на крышу, господин.

Вор ошеломленно смотрел на солдата.

— Евгенидис.

Он обернулся. Царица стояла в конце коридора с двумя солдатами и еще каким-то человеком.

— Почему ты не выпускаешь меня на крышу? — возмущенно спросил Евгенидис.

Царица подошла ближе. Теперь Евгенидис разглядел третьего человека за ее спиной. Это был один из помощников Галена. Он снова перевел взгляд на царицу.

— Ты назначила кого-то шпионить за моей дверью, — обвинил он ее.

Она ответила смущенным взглядом. Евгенидис повернулся к охраннику и выругался. Потом он повернулся к царице, продолжая ругаться. Пораженные солдаты по обе стороны от нее вытаращили глаза.

— Ты думаешь, что я сброшусь с крыши? — спросил он.

Именно так она и думала. Люди в его семье, как правило, погибали от падения. Его мать, даже его дед. Когда паралич достиг настолько серьезной стадии, что он больше не мог работать, он уже был не в состоянии подняться на крышу и потому бросился вниз, перевалившись через перила верхней площадки одной из лестниц. Это было не слишком высоко, но достаточно, чтобы убить старика.

— Ты начала войну, ничего не сказав мне, — прорычал Евгенидис. — Твои шпионы следят за моей комнатой, и мне нельзя выходить на крышу. Чего еще я не знаю? — он протиснулся мимо нее и пошел назад. — Еще скажи, что записала меня на бухгалтерские

курсы. Ты купила мне виллу в пригороде. У тебя есть на примете девушка из хорошей семьи, которая не возражает против калек! — крикнул он.

Он дошел до угла и скрылся из виду, все еще крича. Он наделал достаточно шума, чтобы перебудить всех обитателей этого крыла, но не беспокоился об этом.

— Поверить не могу! — донеслись его последние слова, после чего все стихло.

Ни слова, ни звука, ни шороха шагов. Царица вздохнула и отпустила сопровождавших ее солдат.

— Должен ли я вернуться к наблюдению за дверью, Ваше Величество? — спросил помощник врача.

— Да, — ей было тяжело отвечать на этот вопрос. — Наблюдай так внимательно, как только можешь.

Возвращаясь в свою комнату, она снова вздохнула. Обвинение в брачном сговоре оказалось контрольным выстрелом. Хорошо, что Евгенидис до сих пор не догадывался.

* * *

Утром халдей постучал в дверь библиотеки и вошел, не дожидаясь приглашения. Евгенидис, так и не раздевавшийся со вчерашнего вечера, посмотрел на него из своего кресла перед камином и отвернулся.

— Меня послал мой царь, как ты понимаешь, — сказал халдей, садясь в кресло напротив Вора. — Наш посол сообщил, что ты больше не опасен, но Сунис с подозрением относится ко всему, что касается тебя. Он хотел, чтобы я составил собственное мнение.

Евгенидис предпочел не отвечать.

— Мне пора ехать. Я не могу больше задерживаться. Мой государь не собирается объявлять войну, пока Аттолия не возьмет под контроль проход на своей стороне. Штурм узкого прохода может дорого обойтись ей, но у Эддиса слишком маленькая армия, чтобы блокировать ущелье полностью. Она не сможет использовать никаких укреплений, кроме природного ландшафта. Когда ее армия уйдет, мой царь атакует ее со стороны Суниса. Если бы Эддис сдался... так было бы лучше. Ты понимаешь, что вы не справитесь, Ген?

Евгенидис не смотрел на него, не говорил, даже не указал халдею, что только самые близкие друзья имеют право называть его сокращенным именем.

— Ген, сидя здесь, ты никому ничем не поможешь. Ты мог бы поговорить с царицей. Может быть, ты уже не Вор, но ты можешь попытаться помочь ей.

Евгенидис поднял голову, но только для того, чтобы посмотреть сквозь стену библиотеки. Халдей вздохнул и поднялся. Он похлопал Евгенидиса по плечу и вышел, не заметив, как сузились глаза наблюдавшего за ним Вора.

* * *

Халдей вернулся к своему царю в Сунис и сообщил ему, что Вор больше не представляет опасности ни для кого, кроме, может быть, самого себя. Лучшей тактикой будет заключение союза с Аттолией и захват Эддиса. Сунис пришел в восторг.

Царь лежал на кушетке в своем Малом банкетном зале и подкреплялся поздним

завтраком. Пока халдей говорил, слуги внесли подносы с соблазнительными деликатесами, большинство из которых царь с удовольствием отведал. Халдею так же поднесли угощение, и он положил на свою тарелку достаточно, чтобы соблюсти приличия.

— Ты думаешь, когда Эддис сдастся, мы сможем закончить операцию? — спросил царь.

— Армия Аттолии будет измотана, пробиваясь через горы к перевалу. Вы сможете справиться с ней довольно легко. К тому же она слишком запуталась в отношениях с Мидией, пытаясь удержать за собой власть в стране. У них не останется времени, чтобы грызться за Эддис. Если вы захватите Эддис быстро, вы будете достаточно сильны, чтобы отбросить прочь мидян, когда они попытаются выйти за пределы Аттолии.

— Но у нас уже не будет шанса занять Аттолию.

— В настоящее время, да.

— Что ты имеешь в виду под «настоящим»? — спросил царь.

— Возможно, следующие сто лет, — ответил халдей и царь раздраженно фыркнул.

— Я догадался, что ты, возможно, имел в виду. Давай строить наши прогнозы в границах моей жизни, хорошо?

— Мало шансов, что Мидия утратит свое влияние в Аттолии в течение вашей жизни, Ваше Величество, — сухо сказал халдей. — Помните, что Эддис не удастся подчинить сразу. По меньшей мере год уйдет на то, чтобы реорганизовать различные министерства под контролем Суниса.

Царь сверкнул на халдея мрачным взглядом.

— Будем надеяться, что моя жизнь окажется не слишком коротка, — пробурчал он.

— Конечно, нет, Ваше Величество, — пробормотал халдей. — Реорганизация правительства станет всего лишь одним из многих этапов. Эддис имеет превосходный боевой потенциал. Вам предстоит интегрировать его в собственную армию, не уменьшив его ценности.

— Эддис следовало бы выйти за меня, — вдруг вспомнил Сунис. — Как ты думаешь, она еще может согласиться?

— Это было бы в наших интересах, сир.

— В наших, но не в ее?

— Эддис был независимым в течение слишком длительного времени, Ваше Величество. Они легко не сдадутся.

— Сдадутся, в конце концов, — уверенно заявил Сунис, выбирая на блюде кусок посласе.

— О, да, — так же уверенно согласился халдей. — Это маленькая страна, ресурсы которой ограничены шахтами и лесом. В конце концов Сунис победит.

Когда царь отпустил его, он вернулся к себе в кабинет, чтобы продолжить подробные исторические записи о войне, которую несколько столетий назад сунийцы вели против захватчиков с Полуострова. Он надеялся использовать приобретенные знания, чтобы организовать более успешную оборону против мидян.

* * *

— А что с Вором? — спросила царица Аттолии.

Ее посол со своими людьми по-прежнему были заперты в своих комнатах эддисийского

дворца, но нашлось достаточно желающих передавать сведения в Аттолию. Их доклады были ненадежны, но все же секретарь должен был отвечать на постоянные вопросы своей царицы.

— Вора никто не видит, — ответил ей Секретарь архива. — Он больше не спускается к ужину.

— Обнадеживающая новость, — сказала царица.

— Конечно, он не представляет для нас угрозы, Ваше Величество? — спросил Релиус, озадаченный ее упорным интересом к искалеченному Вору Эддиса.

— Не думаю, что он опасен, Релиус, но за ним следует наблюдать. Чтобы быть уверенной в его безобидности, мне следовало отрезать ему не только руки, но и ноги. — она на мгновение задумалась о предупреждении деда Вора и поправила себя. — Чтобы быть полностью уверенной, я должна была повесить его, но традиционное наказание казалось достаточно эффективным до сих пор. Продолжайте наблюдать за ним. Если будет какой-либо знак, что он решил выйти из своей депрессии, я хочу знать об этом.

* * *

Шпионы Релиуса по-прежнему сообщали, что Вор заперся в своих комнатах и не выпускает никого, даже отца. Его царица оставила попытки навестить его. Она никогда не говорила о нем, и никто из придворных не осмеливался спросить. Те, кому нужны были книги или свитки из библиотеки, делали свой выбор и уходили читать в другое место. Впрочем, в Эддисе было немного ученых.

Только Гален заходил к Евгенидису. У него был ключ от двери, соединяющий спальню Вора с библиотекой, и вряд ли Евгенидис пытался забаррикадировать вход в свою комнату. Однако, Гален не был информатором Релиуса. Релиус знал только, что он увеличивает дозы опиума для Вора, и это было все. Даже слуги, приносящие подносы в библиотеку и забиравшие грязную посуду, не видели Евгенидиса.

Он оставался в своих комнатах, пока не закончилась зима и пришла весна.

Снег постепенно переходил в дождь, в горах и извилистых ущельях твердый лед таял и превращался в бурные потоки холодной и грязной воды, спешащей вниз по склонам к своей старшей сестре Сеперхи. Вблизи перевала, где Сеперхи сжималась между каменных боков гор Гефестии и прибрежных скал, потоки сливались в узкие канавы и пересекали дорогу по каменным желобам. Временная дамба в одном из желобов заставляла воду искать себе новый путь. Когда один из камней сдвигался со своей постели, бурный поток размывал землю вокруг него. Никто не убирал камень, никто не препятствовал разрушительной силе воды. Земля обваливалась, берега размывались, оставляя за собой шлейф камней и мелкой гальки.

В других местах царские инженеры Эддиса направляли движение воды более осознано, размывая плоды многих лет кропотливой работы, которые ушли на поддержание дороги, ведущей из столицы Аттолии через Эддис в столицу Суниса, по которой поставлялась большая часть товаров для трех стран. В некоторых местах весенний поток смыл целые участки дороги, превратив их в грязные оползни, и инженеры разрывались между печалью и гордостью, сообщая царице, что ни одна армия не сможет быстро достичь перевала.

Глава 8

Весна пришла на побережье раньше, чем в горы, а в Сунисе было почти лето, когда царский халдей проснулся однажды за час до рассвета от звона в ушах, и нашел свою комнату купающейся в лунном свете. Станный звук, похожий на гром, все еще висел в воздухе, и он покинул свою постель, чтобы выглянуть в окно.

— Отсюда вы ничего не увидите, — произнес голос у него за спиной. — Вам нужно посмотреть в сторону гавани.

Халдей повернулся, чтобы посмотреть на Вора Эддиса, и увидел тень, стоящую на границе лунного света.

— Евгенидис, — сказал он.

Он узнал голос.

— Да.

— Что ты сделал?

— Не слишком много, — ответил Вор из темноты. — Я по-прежнему довольно ограничен в своих физических возможностях.

Он поднял правую руку, и халдей, догадался, что рука под перчаткой, которую он видит, сделана, скорее всего, из дерева.

Новый взрыв потряс воздух, и халдей повернулся к окну, но смог разглядеть только отблески света на белых стенах нижних этажей.

— Мне пришлось отправить кое-кого, чтобы поджечь фитили, — произнес Евгенидис за его спиной.

— Фитили? — спросил халдей с нехорошим предчувствием.

— В пороховых погребах ваших кораблей, — объяснил Евгенидис.

— В пороховых погребах?

— Вы мне напоминаете хор в пьесе, — сказал Евгенидис.

— В трагедии, полагаю?

— В фарсе, — предложил Евгенидис, и халдей поморщился.

— Сколько? — спросил он.

— Сколько ваших кораблей горит? Четыре, — сказал Евгенидис. — Пять, если горящие обломки «Геспериды» долетели до «Элевтерии». Скорее всего, так и случилось.

— А «Принципия»?

«Принципия» была флагманом военного флота. Она несла больше пушек, чем два любых других корабля, вместе взятых.

— Ах, — сказал Евгенидис, — она, конечно, цела.

Халдей снова посмотрел на мерцающие отражения горящих кораблей в черной воде.

— Все моряки сошли на берег для празднования, — сказал он.

— Они пили за свое морское превосходство и контроль над большинством островов Срединного моря, — согласился Евгенидис. — В этом году Сунис превзошел самого себя

при раздаче бесплатного вина.

— Но на кораблях остались дежурные, тем не менее, — возразил халдей.

— Мы переоделись в морскую форму и подъехали к кораблям на катерах береговой службы, чтобы передать им, что на этот вечер они освобождены от служебных обязанностей по приказу царя. Вернее, это сделали мои верные помощники. Я еще не научился грести деревянной рукой.

Халдей уронил голову на руки.

— У нас больше нет военного флота, — сказал он.

Это было преувеличением, конечно, но весьма близким к истине. В гавани Суниса для ежегодного парада были собраны лучшие корабли Его Величества. Аттолия еще не добралась до вершины перевала, армия Эддиса вела оборонительные бои, и Сунис хотел укрепить моральный дух своих подданных перед войной.

— Вы сказали, что я должен что-то сделать. — Евгенидис улыбался в темноте, словно поворачивая нож в глубокой ране, нанесенной халдею.

— Я так сказал?

— Когда вы уезжали после чрезвычайно поучительного визита в конце зимы. Вы сказали, что «я еще могу что-то сделать». Это ваши слова.

— Я имел в виду уговорить свою царицу сдаться, а не разрушать наш флот в гавани! — выкрикнул халдей.

Темная тень поднесла палец к губам.

— Тссс, — сказал Евгенидис.

— А мой царь? — спросил халдей более спокойно. — Что ты сделал с моим царем?

— Думаю, спит себе в своей постели. Хотя, наверное, вряд ли уже спит. Так что у нас мало времени.

— Времени для чего?

— Я приехал в Сунис не для того, чтобы взорвать корабли Его Величества. Я же сказал, что этим занимаются мои помощники.

— И ты приехал не для того, чтобы убить царя?

— Нет. Я приехал, чтобы украсть его халдея.

— Ты не сможешь, — в голосе халдея звучало сомнение.

— Я могу украсть все, что угодно, — поправил его Евгенидис. — Даже одной рукой. — он сделал шаг вперед в лунном свете и пошевелил пальцами. От улыбки на его лице халдей ощутил холод в животе. — Вы не должны были позволять царю выбирать вам учеников. Ваш последний студент продал ваши планы по цене шелкового плаща. Я дал бы ему больше, если бы у него хватило сообразительности попросить.

— Мои планы? — повторил халдей, спрашивая себя, не спит ли он.

Сцена в лунном свете очень подходила для сна.

— Ваши планы взорвать царский флот.

— А-а-а, — сказал халдей понимающе. — Я работаю на Эддис?

— О, боги, нет. Вы работаете на Аттолию. Вы давно с ней в заговоре. Бедняга Амбиадес разоблачил вас, вот почему вы избавились от него. И от Пола тоже.

— Даже Сунис не поверит в эти бредни, — запротестовал халдей.

— Его придется довольно долго убеждать в обратном, — заметил Евгенидис. — Считайте, что я украл не вас, а доверие царя к вам.

— И что произойдет со мной без доверия царя?

— Если вы умный человек, вы покинете Сунис, — сказал Евгенидис. — Быстро.

Он молчал, пока халдей думал. Они оба знали, что Сунис опасался укрепления власти своего халдея, что он выбирал ему учеников из бедных и непопулярных семей, чтобы не усилить эту власть, а царский наследник был направлен к учителю на остров Летнос подальше от влияния халдея.

Они покинули Мегарон через один из маленьких дворики. На плече халдея висела сумка с тремя рукописями, серебряным гребнем, бритвой и телескопом, который он перенес к себе в спальню после наблюдения звездопада с крыши Мегарона накануне вечером. Евгенидис не позволил ему пройти к себе в кабинет и не разрешил взять ничего из одежды.

— Моя «История вторжения», — попытался протестовать халдей. — Она в моем кабинете.

— Вы хотите, чтобы стража подумала, будто вы бежите из дворца? — спросил Евгенидис. — Поспешите, и сохраните жизнь, чтобы переписать ее.

Одетый в платье ученика, он шел за халдеем, держась левее, и ни один из охранников не посмотрел дважды на любого из них. Потом на узких улочках старого города за стенами Мегарона Евгенидис вышел вперед, торопясь выйти к темным улицам нового города. Он на секунду нырнул в тихий дворик, где под лестницей оставил сумку из мешковины. В ней лежали свернутыми две выцветших серых куртки. Одну он протянул халдею, а вторую натянул через голову.

Около гавани бурлила толпа. Только самые отчаянные гуляки оставались на улицах, когда начались взрывы, но моряки, спавшие в гостиницах над тавернами, быстро пришли в чувство и теперь вместе с остальными горожанами бежали в сторону доков. Неожиданной преградой для людского потока оказались фермерские фургоны, которым разрешалось проезжать по городу только в самое глухое время ночи. Днем они, конечно, создавали бы заторы на каждом перекрестке. Приближался рассвет, и возницы на чем свет ругали своих лошадей, пытаясь направить их к рыночной площади. Огромные тяжеловозы обычно были спокойны и покладисты, но крики напиральной толпы заставляли их рваться из упряжи, и ржание лошадей порой заглушало звуки людского шума.

Зажав в кулаке полу плаща халдея, Евгенидис целеустремленно тянул его вдоль колонны фургонов, выстроившихся на обочине дороги. Он почти дошел до рыночных ворот, когда отыскал нужный фургон и запрыгнул в него. Халдей был поражен, заметив, что Вор с одной рукой двигается так же легко, как с двумя. Он повернулся, чтобы помочь халдею, а потом тихо сказал несколько слов мужчинам, уже сидевшим в повозке.

— Вот это было зрелище, — сказал возница, когда фургон миновал запруженные толпой улицы и, набирая скорость, помчался по освещенному факелами тоннелю под городской стеной. — Я смотрю, вы сорвали банк.

— Да, действительно, — согласился Евгенидис.

Через несколько миль фургон съехал с главной дороги и покатился вниз по узкому проезду к дому с конюшней. Ожидавшие их конюхи привели лошадей, по одной для каждого из пассажиров, кроме Евгенидиса и халдея. Евгенидис спрыгнул на землю, халдей встал рядом с ним, помощники вора садились на лошадей. Выезжая со двора, каждый из всадников кивнул им на прощание.

Наконец, их спутники исчезли. Остались только Евгенидис, халдей и возница, спокойно распрягавших лошадей из фургона. Дом рядом с ними был темен, во дворе стояла тишина. Небо начало розоветь перед рассветом, но воздух был неподвижен и холоден. Одна из

лошадей вздохнула и ударила огромным копытом в землю, подняв облачко пыли. Вор исчез в распахнутых дверях конюшни и появился вновь спустя несколько секунд, успев снять фальшивую руку и заменить ее крюком. Он тащил за собой легкую колесницу, ловко справляясь одной рукой. Взглянув на халдея, он снова улыбнулся.

— Как видите, я неплохо спланировал наше маленькое приключение, — сказал он. — Я нанял не только фургон, но и колесницу. Нас повезет Тимос.

Тимос отвел тяжеловозов в конюшню и вернулся с парой поджарых рысаков. Красивые, изящные животные возбужденно фыркали от утреннего воздуха. Евгенидис отступил на шаг назад, чтобы дать им больше места, а Тимос поставил лошадей по обе стороны от дышла и начал затягивать ремни сбруи. Когда Тимос закончил и поднялся на колесницу, Евгенидис присоединился к нему и махнул рукой халдею.

Колесница Вора была легкой и хорошо сбалансированной. Халдей, ступив на обтянутый кожей пол, почувствовал, как она пружинит у него под ногами. Он слегка присел, подражая Евгенидису, и крепче ухватился за обод кузова, когда лошади рванулись вперед и, обогнув угол дома, понесли экипаж по ухабистой тропе к главной дороге. Выехав на главную дорогу, Тимос позволил лошадям самим выбрать удобный для них темп, и поля, фермы, оливковые рощи и целые деревни замелькали по обе стороны колесницы. Лошади не снижали скорости, пока солнце не поднялось в зенит, и Тимос направил их к постоялому двору. Свежих лошадей запрягли на их место, в то время, как трое путешественников ожидали, стоя рядом с колесницей. Новая пара тоже летела, как ветер, пока Тимос опять не остановился для их замены.

У халдея не было возможности задавать вопросы ни при смене лошадей, ни, тем более, в тряской колеснице.

— Мы отдохнем, а затем поедem дальше, — сказал Евгенидис, указывая на стол под деревом во дворе гостиницы.

Халдей с удовольствием, но медленно перешел в тень.

— Устали? — спросил Вор.

— Постарел, — ответил халдей. — Я стал слишком стар, чтобы убегать из дома из-за коварства человека, которого я считал своим другом.

Евгенидис остановился, чтобы посмотреть через плечо.

— А кто сказал Сунису, что пришла пора взять Эддис? Кто предложил ему объединиться с Аттолией, чтобы завоевать нас? Он бы сейчас топтал поля Аттолии, если бы не ваши советы, и вы это знаете.

— Это правда, — печально признал халдей.

— Вы заслужили, чтобы я притащил вас в Эддис и запер в тюрьме на следующие лет эдак пятьдесят.

Халдей опустил на скамью и уронил голову на руки.

— Для истории не важно, проведу ли я остаток жизни в Эддисе в комфорте или в тюрьме.

— Если вы заботитесь только об историческом значении своих поступков, вы могли бы остаться дожидаться царских телохранителей в собственной постели.

Конечно, халдей был настроен спасти свою шкуру, но он помнил, что на кону стоят судьбы государств.

— Евгенидис, если Сунис возьмет под контроль Эддис, он сможет остановить мидийскую экспансию, а если в Аттолии когда-нибудь вспыхнет гражданская война, то и

вовсе изгонит мидян с нашего берега. Если он не сможет объединить хотя бы Сунис и Эддис, все три страны буду разъединены и проглочены в мгновение ока. Даже ты это понимаешь.

— Прежде всего я вижу, — сказал Евгенидис, — что вы всегда готовы бросить чужую страну псам на растерзание. У меня нет ни малейшего желания стать мидийским рабом, но и сунийская оккупация мне тоже не нужна. Так что вам не стоит переживать из-за моей политической наивности. К вашему сведению, я легко мог бы перерезать горло Сунису, пока он спит, но его наследник вряд ли готов принять царство, и мы не можем провоцировать мидян гражданской войной в Сунисе. Наши лошади готовы.

Подхватив лежавшую на столе сумку, он опустил в нее несколько небольших буханок хлеба, а затем двинулся через двор к колеснице.

— Ген, — позвал его халдей, по-прежнему сидя на скамейке.

Евгенидис ждал, глядя на него через плечо.

— Ты стал таким безжалостным, — сказал халдей.

— Да.

Если халдей был удивлен, когда они свернули с главной дороги и помчались по проселку, у него не хватило дыхания задавать вопросы. Он подождал, когда лошади пошли медленнее, а потом совсем остановились на повороте пустой дороги.

— Куда мы едем?

— Вы поживете в уютном охотничьем домике на прибрежной стороне перевала. А я, как всем известно, не покидал своей комнаты в течение нескольких недель, поэтому мне не стоит показываться на перевале в вашем обществе, да еще и верхом. Я пройду отсюда до дороги в Остер, а затем незаметно доберусь до столицы вместе с паломниками.

— А если заметят и узнают меня, это тебя не беспокоит?

— Я надеюсь, что вас не увидят, а если увидят, то не узнают. Я намного заметнее вас, так что не будем полагаться на удачу и разойдемся сейчас.

Халдей посмотрел на горы, потом снова на Евгенидиса.

— Я смог спуститься вниз, — сказал Вор. — Теперь проверим, как у меня получится подняться вверх.

— Но должен быть более простой способ, — сказал халдей. — Хотя я не буду слишком переживать, если ты свалишься со скалы и разобьешься в лепешку, — добавил он.

Евгенидис насмешливо улыбнулся, это была первая искренняя улыбка за весь день.

— Есть множество простых способов, но они не помогут мне оказаться дома в назначенный срок. Наслаждайтесь отдыхом. Вас будут охранять, но солдатам приказали быть гостеприимными без членовредительства. Вы наш почетный гость, — сообщил Евгенидис, отходя от колесницы и кивая вознице.

— Как долго? — спросил халдей, когда колесница стала разворачиваться на узкой дороге.

Евгенидис пожал плечами, когда лошади рванулись с места в карьер.

* * *

Узнав, что корабли Суниса потоплены в собственной гавани, Аттолия первым делом послала за своим старшим шпионом. Ходили слухи, что диверсию осуществили несколько человек, одетых моряками и вернувшихся на свои корабли, чтобы отпустить на праздник

несущих вахту офицеров. Они легко взошли на борт, и никто не смог ограничить их доступ к пороховым погребам. Тем не менее, царица желала как можно подробнее узнать о диверсантах. Не было ли среди них однорукого?

— Он не выходил из своей комнаты, Ваше Величество.

— У него есть слуги, которые приносят ему еду, помогают одеваться утром, забирают грязное белье, выносят ночной горшок? Кто-нибудь из них получает от тебя жалование? Есть ли хоть один человек, который своими глазами видел Евгенидису в его комнате?

— Нет, Ваше Величество, но....

— Тогда ты не можешь быть уверенным, что он все еще там, не так ли?

— Нет, Ваше Величество, но....

— Но что, Релиус?

Секретарь осторожно перевел дух.

— У нас нет никаких доказательств, Ваше Величество, что Вор выходил из своей комнаты в последние несколько недель. У нас есть достоверное сообщение, что он поссорился с царицей, и она теперь не желает говорить о нем. Кроме того, Ваше Величество, в это дело вовлечены несколько человек, а в прошлом Вор всегда работал один. Мы даже не уверены, что это дело рук эддисийцев. Халдей исчез, а его ученик заявил, что он вступил в сговор с нами. Мы знаем, что это неправда, но это все, что нам известно. Мы не знаем, чьи это люди.

— А кто еще это мог быть? — спросила царица.

Секретарь продолжал нерешительно, осторожно подбирая слова. Его царица в последнее время осыпала милостями мидийского посла, и он не хотел рассердить ее.

— Существует также Мидия, интересы которой необходимо учитывать, Ваше Величество. Ей не выгоден прочный союз между Сунисом и Аттолией.

— Это правда, — согласилась Аттолия, откидываясь на спинку трона. — Посмотрим, где объявится халдей.

* * *

Через несколько дней после гибели флота Суниса пираты совершили набег и сожгли два самых важных его порта на островах. С момента закрытия Эддисом караванного пути через горы пиратство все шире распространялось у берегов Срединного моря. Торговцы, перевозящие свои товары морским путем были лакомой добычей, и любой капитан в любой момент мог сменить свой флаг на пиратский для захвата более слабого конкурента, а потом вернуться домой под видом честного купца.

Эти новые пираты работали в одиночку и охотились на отбившиеся от караванов суда. Поэтому никто не ожидал, что они объединят свои силы. Многие из островов еще не сделали выводы из гибели военного флота Суниса и не приняли даже элементарных мер предосторожности против морских разбойников. Их гавани были открыты, их города по ночам охранялись только сторожами, патрулировавшими улицы в поисках пьяниц и грабителей. Пираты высадились без предупреждения, ограбили и подожгли склады вдоль доков, а многие горожане так и спали в своих постелях. Проснувшимся гражданам оставалось только радоваться, что их не поубивали во сне. Они послали своему царю возмущенные призывы о помощи, но услышали в ответ только, что у Суниса не было

возможности защитить их, а нападающие, скорее всего, были не пиратами, а аттолийскими военными кораблями, под фальшивыми флагами.

Чтобы отомстить, уцелевшие корабли Суниса напали на один из небольших аттолийских островов и сожгли несколько городов. Все надежды на союз рухнули. Аттолия перебазировала свой военный флот, чтобы защититься от нападений с моря, но оставила большую часть войска в горах.

Взяв обратно все свои угрозы, Сунис обратился к Эддису с просьбами о дереве для нового флота. Царь лично беседовал с послом Эддиса и узнал, что царица еще осенью наняла оружейных мастеров и в течение зимы переоборудовала свои литейные цеха, чтобы производить пушки вместо чугунных болванок, которые до сих пор поставлялись на Полуостров. Она была в состоянии обеспечить Сунис оружием, необходимым для вооружения новых кораблей, но выразила разумное нежелание продавать пушки, которые могут быть использованы против нее. Она потребовала демонстрации доброй воли, подтверждающей, что Сунис больше не станет союзником Аттолии.

Через месяц после катастрофы на празднике военного флота первые фуруны зерна покатили из Суниса в Эддис, а ослабленная эскадра царя захватила у Аттолии два ее самых уязвимых острова. Хиос и Сардиния были неплохим призом: два острова, небольших, но богатых мрамором и населенных умелыми ремесленниками. Они испокон веков являлись спорными территориями и переходили из рук в руки между двумя странами. Снова став их обладателем, Сунис не собирался возобновлять союзный договор с Аттолией, если в результате ему пришлось бы вернуть острова.

Аттолия, сохранившая свой флот в неприкосновенности, предприняла ряд ответных действий. Она готова была расстаться с Хиосом и Сардинией. Существовали другие острова, имеющие более важное стратегическое значение, и она переключила свое внимание на них. Она захватила Капри, и с небольшим перевесом проиграла битву за Антикапри, его близкого соседа. А Сунис потерял еще два боевых корабля.

По предложению мидийского посла она напала на Симорену и обеспечила себе плацдарм у восточного побережья Суниса. Симорена была одним из крупнейших островов, и она не могла покорить его горные районы без привлечения регулярной армии, большая часть ее легионов по-прежнему штурмовала перевал Эддиса. Царица Эддиса надеялась, что соблазн ослабления Суниса заставит соперницу отозвать армию, но Аттолия продолжала наступление. Эддис атаковала с флангов и отбивала обозы с провизией, но не желала тратить солдат, свой самый ценный ресурс, в прямом столкновении. Даже в Аттолии, с ее до сих пор не восстановившимся после чумы населением, было больше мужчин, чем в Эддесе. Ее армия продвигалась вверх.

Сунис предложил прислать свои войска, чтобы укрепить Эддис, но она отказалась. Постоянно теряя позиции на островах, Сунис неотступно требовал от Эддиса обещанных пушек. Он хотел установить их на бастионах прибрежных фортов, пока не будут построены новые корабли. Еще два его каравана с продовольствием прибыли в горы, у нее уже не было повода отказывать ему.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Луна исчезла за облаками, и коридоры дворца были освещены мерцанием небольших масляных фонарей на пересечениях коридоров. Темные каменные стены почти не отражали свет. Каменные полы, покрытые циновками, глушили звуки шагов. Царица Эддиса шла медленно, чтобы не споткнуться о невидимое препятствие под ногами. Она боялась зашуметь и настороженно озиралась, опасаясь столкнуться с кем-нибудь из своих придворных, которые, несомненно, будут удивлены, обнаружив царицу, крадущуюся ночью по своему собственному дворцу. Она собиралась тайно встретиться с Евгенидисом и его отцом. Евгенидис был способен непостижимым образом материализоваться в любом месте дворца, достаточно было оставить записку под его тарелкой в библиотеке. Его отца слуги проводят в гостиную царицы, откуда он выберется тайно, чтобы прийти к месту встречи. Они договорились встретиться в библиотеке.

Евгенидис уже ждал ее. Военный министр еще не появлялся. Эддис затворила за собой дверь и обернулась.

— Нас обнаружили, — сказала она с печальной улыбкой. — Ты был прав, я должна была позволить тебе передавать письма, вместо того, чтобы назначать тайную встречу.

— Но ты не выглядишь встревоженной, — сказал Евгенидис. — Кто тебя видел?

— Тереспидес, — сказала Эддис. — Он выскочил на меня прямо из-за угла. Я не знаю, кто из нас был потрясен больше. Или смущен, если на то пошло.

— Он догадался, куда ты собралась?

— В этой части дворца некого навещать. Думаю, он сам направлялся в город.

— Может быть, это не тебе надо беспокоиться?

Царица посмотрела на него сверху вниз и нежно улыбнулась. В последнее время он стал таким жестким и непреклонным, но иногда все еще выказывал признаки наивности.

— Ты слышал о том, что лжец считает лжецами всех остальных?

— Конечно.

— А вор думает, что все хотят ограбить его?

— Воздержись от оскорбительных замечаний в адрес моих коллег, пожалуйста.

— Казановы считают всех вокруг развратниками.

Взгляд Евгенидиса на мгновение стал пустым.

— О, — сказал он.

— Подозрение в кровосмешении, — сказала царица, наклоняясь, чтобы поцеловать его в лоб. — Практически избиение младенцев. Придворные будут забавляться новой сплетней не меньше двух недель, и я надеюсь, слухи дойдут до Суниса.

— Я давно уже вырос из колыбели, и в нашу интрижку поверит только сумасшедший, но Сунис вполне может. Этот дурак без ума от тебя.

— Не от меня, а от моего трона.

— Вернее сказать, одурманен. Одержим. И не только потому, что жаждет получить твой трон. Он хочет получить тебя, хотя я не совсем понимаю, почему.

— Я рада, что ты решил остаться Вором. Для придворного льстеца тебе кое-чего не хватает.

— Вот кого надо действительно пожалеть, так это царского наследника, — сказал Евгенидис. — Сердце бедного Софоса будет разбито, когда он услышит, что ты любишь другого.

Эддис рассмеялась.

— Я сомневаюсь в глубине его чувств.

— Мне не часто доводилось видеть более влюбленного человека, чем племянник царя, — произнес Евгенидис, для убедительности приложив руку к сердцу.

Эддис устроилась в кресле.

— Пусть беспокоится Аттолия, тем более что, мне кажется, Тереспидес имеет прямой доступ к Секретарю ее архива.

— Я сегодня же проверю связи Тереспидеса. Но почему бы тебе просто не пристрелить его?

Эддис с мрачным видом покачала головой.

— Он достаточно хороший человек и может оказаться по-своему полезным. Я не буду возражать, если он зарабатывает свое золото, продавая сплетни Аттолии. Его можно будет использовать для передачи неверной информации. Тем более, что я с трудом могу представить себе, как подзову его к трону на утреннем приеме и скажу: «Пожалуйста, не рассказывай никому, что я встречаюсь с Евгенидисом по ночам». И в частном порядке я с ним говорить тоже не хочу.

— Не хочешь вводить его в соблазн?

— Давай считать, что я не хотела бы довериться ему, а потом разочароваться. Но сейчас Тереспидес меня не беспокоит.

— Есть более важные новости?

— Более, чем когда-либо, — сказала царица. — Ее армия отступила.

— Она отступает? — Евгенидис подался вперед в своем кресле.

— Не отступает, а отступила. Как кошка, выскакивающая из корыта. — Эддис восхищенно покачала головой.

— Она слышала о пушках?

— Думаю, да. Наверное, она знала даже раньше, что мы рассказали Сунису. Через два-три дня мы бы доставили всю батарею на место и могли обстреливать ее сверху. Должно быть, ей все было известно заранее, и она надеялась пробиться к перевалу раньше, чем пушки доставят на гору. Это было отлично спланированное отступление, и теперь ее армия вне пределов досягаемости.

— Есть шанс, что она откажется от войны? Ведь мы на блюдечке преподнесли ей превосходство на море. Она могла бы вернуть свои острова, а также прихватить Месос и Ланатикос.

Эддис покачала головой.

— Твой отец так не думает, и я с ним согласна. Острова переходили от одного царства к другому слишком часто, чтобы считать их надежным владением. Если мы останемся в союзе с Сунисом, он вытрясет из нас эти пушки. Если мы отдадим пушки ему, она при первом же удобном случае возобновит кампанию. — она вздохнула. — Я надеялась уничтожить достаточно большую часть ее армии, чтобы не оставить ей шанса продолжать войну с тем, что осталось, даже если мы отдадим все отлитые в этом году пушки Сунису. Сунис держит нас за горло. Я хочу поговорить об этом с твоим отцом, прежде чем собрать Совет.

Она наклонилась вперед и переставила стул ближе к огню.

— Мы также можем забрать халдея из убежища, — сказала она. — Ты поедешь со мной?

— На коне?

— Можешь ехать в карете, если хочешь. Я должна буду ехать верхом, чтобы мой народ мог видеть меня.

Вряд ли он сможет быть настолько невежлив, чтобы сидеть в закрытой повозке, когда царица будет ехать в седле. Ему придется лезть на лошадь, и пусть все полюбуются заодно и им.

— Как пожелаешь.

Он тихо вздохнул.

Глава 9

Охотничий домик принадлежал правителям Эддиса. Он представлял из себя каменный четырехугольный мегарон с высоким и широким крыльцом, поддерживаемым четырьмя колоннами, но колонны, как и остальные части здания были деревянными. Чтобы уберечь дом от огня, пищу готовили в отдельно стоящей кухне. Еду из кухни в столовую доставляли по давно протоптанной тропинке, выложенной сланцевыми плитками. На втором этаже располагались маленькие темные спальни с незастекленными окнами, из которых были видны заросшие травой поляны в окружающем дом лесу. Зимой окна закрывались ставнями и дом становился необитаемым.

Он не был похож на богатые виллы с равнин, но будил счастливые воспоминания в душе царицы Эддиса. Она спрыгнула с лошади и направилась вверх по лестнице к двери. Внутри находился атриум с лестницей на второй этаж. Ее Вор медленно следовал за ней, утомленный тряской в седле.

Эддис стояла посреди атриума, разговаривая с человеком, склонившимся к ней с балкона. Когда Вор встал у нее за спиной, Эддис обернулась.

— Элон сказал, что халдея здесь нет. Он ушел выкапывать сорняки.

— Да? Какие именно сорняки? — спросил Евгенидис дворецкого, откинув голову, чтобы лучше рассмотреть этого человека.

— Не могу с полной уверенностью сказать, каким он отдает предпочтение. Он приносит в дом все подряд прямо с корнями и грязью, чтобы рисовать их.

Тон дворецкого изобличал глубокую обиду.

— Я не знал, что он интересовался ботаникой, — тихо сказала царица Евгенидису.

— Я тоже, — ответил ее Вор. — Может быть, он пытается создать новый яд, чтобы испытать его на нас обоих. Когда он вернется? — спросил он Элона.

Камердинер красноречиво пожал плечами.

— Несколько неожиданно, — иронично заметила Эддис, — хотя я и не должна была ожидать, что он будет сидеть целыми днями в доме. Надо было заранее прислать гонца. Надеюсь, он не гуляет в сопровождении роты охранников? — спросила она начальника караула, появившегося в дверях.

Командир пояснил, что один стражник назначен сопровождать халдея по окрестностям и следить, чтобы ученый не заблудился и не пытался сбежать в Сунис. Этот охранник менялся ежедневно, так как добровольцев таскаться за халдеем по лесу не находилось. Остальные охранники проводили день за азартными играми в кости или охотой, чтобы наполнить горшок повара.

— Ну, я надеюсь, что горшок полон, — сказала Эддис. — Если повар успеет собрать нам сумку для пикника и пайки для солдат, мы уедем, как только вернется халдей. — трубача отправили на опушку трубить вызов. Царица посмотрела на дворецкого. — Упакуй его вещи.

Элон кивнул.

— И сорняки тоже? — спросил он.

— Я думаю, мы обойдемся без сорняков. Мы покажем ему кое-что поинтереснее, когда остановимся, чтобы поесть.

Когда появился халдей в сопровождении хромающего солдата, царица спросила, следует ли им задержаться, чтобы дать ученому время отдохнуть.

— Мы не должны обременять почтенного господина ваших лет, — сказала она, мягко поддразнивая его.

— Я, конечно, постарел и ослаб, Ваше Величество, — серьезно ответил халдей, — но еще достаточно крепок, чтобы служить вам.

В глазах охранников его репутация солдата перевешивала репутацию ученого, так что халдей был мгновенно окружен вооруженными людьми, которые, похоже, не считали его ни старым, ни слабым, и очень внимательно наблюдали за ним. В присутствии царицы товарищеское добродушие, с которым они привыкли относиться к халдею за время его пребывания в летней резиденции, испарилось без следа.

Возглавляемая царицей колонна начала свое движение по холмам. Они свернули с тропы, чтобы спуститься к наклонной поляне на краю небольшой долины — маленькой ложбине между двумя склонами.

— Идеальное место для пикника, — сказала Эддис. — Мы с халдеем и Евгенидисом сядем на поляне.

Лес перед ними был занавешен тяжелым ковром лиан. Несколько полностью оплетенных деревьев все еще стояли, чуть наклонясь в стороны. Их мертвые ветви прогнулись под пышной зеленью растения-паразита. Узкая грунтовая дорожка вела к небольшой поляне, заросшей мягкой травой. Здесь было достаточно места, чтобы сесть втроем, но лошадей поставить было негде.

— Ваше Величество, пожалуйста, — быстро прошептал командир охраны.

Царица только улыбнулась.

— Я уверена, что вы найдете удобное место на опушке, — сказала она.

Командир вздохнул и опустил голову, покоряясь неизбежности.

— Как пожелаете, — согласился он.

Халдей принес седельные сумки на поляну, которая, как оказалось, была покрыта мхом, а не травой. В местах, где моховой ковер истончался, из-под него проглядывали каменные плиты. Крошечное пространство, полностью окруженное виноградником, когда-то было террасой или внутренним двориком здания. Опустив сумки на землю, халдей отправился внимательно посмотреть на виноградные лозы. Их гибкие стебли казались почти гладкими, а темные листья матовыми и бархатистыми. Яркие красные цветы, раскрывшие пять лепестков вокруг пестика и тычинок, пригоршнями рассыпались на мрачном занавесе листвы.

— Не трогайте их, — предупредила царица. — Здесь они считаются священными в честь памяти Хеспиры, хотя в любом другом месте их выпалывают вместе с остальными сорняками.

Халдей выпрямился.

— Хеспира? — спросил он, озадаченный. — Я не слышал о Хеспире. Это богиня из храма?

Он разглядел под виноградными лозами руины храма.

Эддис покачала головой, Евгенидис вытянулся на спине и закрыл глаза.

— Мать Хеспиры посадила лозу, чтобы разрушить храм, — пояснила Эддис.

— Она была соперницей богини?

— Смертной женщиной, — ответила Эддис, устраиваясь на мху и открывая сумку. —

Богиня Мередита похитила ее дочь.

— О ней существует легенда?

— О, да, — сказала Эддис.

Халдей посмотрел на Евгенидиса, который широко раскрыл глаза и заявил категорически:

— Не смотрите на меня. Я покончил с повествованиями.

— Евгенидис, сядь, поешь и не сердись, — предложила Эддис.

— Можно мне перелечь? — спросил Евгенидис.

— Да, — согласилась Эддис. — Халдей, не сидите там. Пересядьте сюда, она указала на моховую подушку, и халдей пересел, не замечая разницы с тем местом, которое он выбрал сам.

— Она хочет, чтобы командир получил хороший обзор, — заметил Евгенидис с оттенком злобы.

Он все еще лежал с закрытыми глазами. Халдей посмотрел на край долины, чтобы увидеть командира и нескольких его солдат, стоящих с арбалетами в руках. Двое других шли по склону холма, чтобы взять халдея на прицел с противоположной стороны. Халдей перевел взгляд на Евгенидиса. Тому не нужно было открывать глаза, чтобы определить, где находится стража.

— Я всего лишь хочу, чтобы командир не беспокоился, — спокойно возразила Эддис. — Он будет очень волноваться, если я сяду между ним и халдеем.

Царица не смотрела в сторону холма.

— А вдруг им помешается опасность, и они пристрелят халдея по ошибке? — спросил Евгенидис, и Эддис подняла голову от сумки с провизией и посмотрела на своего гостя.

— Не бойтесь, — успокоила она. — Мои солдаты просто осторожные и совсем не кровожадные.

— Это позволит вам доказать свою преданность царю Суниса, — заверил Евгенидис.

— Своей преждевременной смертью, — заметил халдей.

— Это правда, но осторожность никогда не мешает, — сказал Евгенидис. — В конце концов вы сможете очистить свое имя. У тайных переговоров есть свои неприятные стороны. Командир очень не хотел оставаться там. Он опасается оставлять царицу с вами наедине.

Халдей догадывался, что слова Евгенидиса содержат скрытый намек, но не понимал его значения. Поэтому он решил отметить очевидное:

— Но мы здесь не одни.

Евгенидис снова прилег на мох.

— Меня можете не считать. Вряд ли я могу быть серьезным противником для солдата с вашей репутацией, — сказал Евгенидис.

Было нечто зловещее в предположении, что Вор больше не представляет угрозы ни для кого. В его спокойном голосе звучала легкая горечь.

Царица объяснила. Она говорила тихо, но ее слова резали, как бритва.

— Евгенидис пошел на многие жертвы, чтобы люди сочли его выбывшим из игры. Что

ж, ему приходится жить плодами своих трудов и иногда находить их слишком горькими. А теперь сядь и поешь, — приказала она Вору, и на этот раз он принял сидячее положение.

Ел он левой рукой. Правая с крюком неподвижно лежала на коленях.

— В каких случаях ты одеваешь крюк или фальшивую руку? — спросил халдей с прямою, удивившей царицу.

— Рука не так бросается в глаза, — спокойно ответил Евгенидис. — Но крюк более удобен, и его можно использовать там, где деревянная рука не годится. Так что я балансирую между тщеславием и практичностью.

— И где ты окажешься, когда перестанешь балансировать? — поинтересовался халдей. Евгенидис пожал плечами.

— В сумасшедшем доме... или, может быть, в уютной вилле в пригороде среди книг.

Халдей подозревал, что безразличие в его голосе скрывает внутреннюю борьбу, как опавшие листья на земле могут скрывать яму-ловушку. Халдей решил не рисковать и сменил тему.

— Может быть, вы расскажете мне историю Хеспиры? — попросил он Эддис.

Прежде чем ответить, Эддис оглянулась, чтобы проверить положение стрелков.

— Расскажу, если хотите. У нас есть немного времени. Евгенидис, если ты собираешься прилечь, можешь положить голову мне на колени.

Царица заметила, как халдей поднял брови. В последнее время такая привычка появилась у Евгенидиса, но он поднимал брови в ответ на что-то забавное, и она интересовалась, кому он подражал. Евгенидис послушно положил голову ей на колени. Она задумчиво попыталась разглядеть складку у него между бровями. Она знала, что халдея беспокоит плохое настроение Вора.

— Таким образом мы посылаем сообщение для царицы Аттолии, — пояснила она, обращаясь к халдею, но глядя на Евгенидиса. — Мои охранники увидят, как я любезничаю со своим Вором и начнут сплетничать. Аттолийские шпионы донесут сплетни до Релиуса, начальника разведки, а он передаст их своей царице.

— Ее Секретарь архива, — пробормотал халдей.

— Хм? — спросила царица.

— Релиус ее Секретарь архива. И шеф шпионов.

— Он умен?

— Слишком доверчив для своей должности, — сказал халдей.

Эддис рассмеялась.

— Аттолия не знала о деятельности Евгенидиса? — поинтересовался халдей.

— Как и Сунис, — сказала царица, — до сих пор.

— И что же изменилось, могу я узнать? Я очень приятно провел время в вашем домике вдали от политических новостей.

— Я и не знала, что вы так интересуетесь ботаникой, — ответила Эддис.

— Я не очень. Но у меня есть друг-ученый. Он недостаточно здоров, чтобы путешествовать самому, и потому просит своих друзей и знакомых присылать ему образцы и рисунки. А как идет ваша война? — спросил он, отказываясь отвлекаться на научные беседы.

Эддис улыбнулась.

— После предательства Аттолии Сунис был так любезен, что облегчил нам последствия торгового эмбарго с Аттолией. Мы получили несколько партий зерна и других продуктов в обмен на обещание доставить пушки, которое я, к сожалению, собираюсь выполнить.

— Таким образом, вы свели войну на два фронта к односторонней?

— Войну, которую мы проиграли бы, к войне, в которой мы сможем выжить.

— Почему бы вам не взять Сунис в качестве союзника против Аттолии и не выиграть? — спросил халдей.

— Потому что, став моим союзником, Сунис будет ожидать, что я пропущу его армию через Эддис, чего никогда не случится, пока я сижу на троне, — произнесла Эддис с абсолютной убежденностью.

— Понимаю, — сказал халдей. — И в течении этой войны?..

— Вы будете считаться пленником Эддиса, — продолжила царица. — Мне очень жаль, но мы постараемся, чтобы вам было комфортно.

Халдей вежливо склонил голову.

— У богини Мередиты был сын от кузнеца. Вы слышали о Мередите?

— Да, — сказал халдей.

— Хорошо, — ответила царица и начала свой рассказ.

* * *

У богини Мередиты был сын от кузнеца. Это был необычный союз, и кое-кто поговаривал, что она обманывала его с другими богами, но что бы богиня ни думала об отце, сына она любила. Его звали Орреон, и она присматривала за ним, пока он рос. У кузнеца не было жены, и так как отец и сын жили в одиночестве, Мередита время от времени навещала их, чтобы посмотреть на сына. Он работал вместе с отцом, обучаясь ремеслу с самого детства. У него был талант, без сомнения, унаследованный от матери. Все, что он делал, было лучшим в своем роде. Его подковы были легче и прочнее всех, клинки острее, а мечи никогда не ломались.

Надо сказать, что его отец был человеком угрюмым, и пока мальчик рос, он все больше и больше завидовал сыну. В конце концов Орреон оставил кузнечное дело и стал оружейником. Он устроил себе кузницу глубоко в пещерах горы Гефестии. Он использовал внутренний жар горы и приковал крылатое чудовище к скале, чтобы качать меха и раздувать пламя. Души людей, опускавшихся в Подземный мир и тех, кто приносил жертву в обмен на пророчество, останавливались на своем пути, чтобы поговорить с ним.

Хотя Орреону служили духи горы, у него совсем не было человеческого общества, и порой ему становилось очень скучно. Его доспехи могли защитить своего владельца от любого нападения, но мало находилось людей, достаточно смелых, чтобы отправиться в пещеры с просьбой к Орреону. Чтобы не заблудиться в пещерах, нужно было найти проводника, духа или тень, которые могли бы привести человека к кузнице Орреона.

Однажды его мать спустилась к нему в гости и застала его одиноким и печальным. Он отпустил всех духов и сидел в своей кузнице, постукивая молотком по наковальне и глядя, как по сторонам разлетаются искры. Богиня спросила сына, что огорчает его, и он признался, что ему нужна жена. Конечно, сказала она, он может выбрать себе любую девушку.

Но что, если девушка не полюбит его, спросил он. Богиня посмотрела на него и задумалась. Он действительно не был привлекательным, не больше, чем его отец. Орреон был небольшого роста, а его руки и плечи стали массивными из-за тяжелой работы. Брови его были нахмурены, потому что он привык смотреть на огонь. В детстве, стоя у наковальни рядом с отцом, он был обожжен искрами. В тех местах, где в рану попала сажа, рубцы стали черными. Его лицо, руки и плечи были рябыми. Он всю жизнь жил в темноте, и теперь его глаза научились различать все оттенки цвета нагреваемого металла, но смотрели так сурово. Какая женщина захочет жить с ним?

Какая разница, захочет она или нет, сказала богиня. Он получит ту жену, которую выберет. Мередита была богиней и считала, что без труда сможет исполнить все желания своего сына.

— Я хочу женщину, которая сама выберет меня, — сказал он. Он не хотел принуждать жену. Богиня Мередита поцеловала сына в черную бровь и ушла.

Некоторое время она искала невесту сыну среди красивых и хорошо воспитанных девушек, но не нашла желающих жить в темной дыре под землей. Потом она вспомнила, что красивое лицо не главное достоинство в хорошей жене, и поискала среди уродливых девушек, но даже страшненькие не хотели выходить за рябого кузнеца, которому прислуживают чудовища и демоны. Ни один отец не позволил бы своей дочери уйти к такому мужу, поэтому Мередита вернулась к хорошеньким, но не имеющим отца, который смог бы защитить их. Самой красивой из таких девушек была дочь Калии, жрицы Проаса. Вы знаете Проаса? Да, это бог растений.

Однажды, когда девушка шла от своего дома к храму Проаса, богиня Мередита увидела ее. Появившись на повороте дороги, Мередита позвала ее, и девушка обернулась. Богиня внимательно оглядела ее и не увидела недостатков, которые сделали бы ее непригодной для брака. Богиня протянула руку и коснулась девушки.

— Красивое дитя, ты умеешь петь?

— Да, богиня, — ответила Хеспира.

Мередита удивилась, что ее так быстро раскусили, и огорчилась.

— Ты знаешь меня, — спросила она.

— Да, богиня, — сказала Хеспира.

— Тогда ты знаешь, что у меня есть сын?

— Да, богиня.

Хеспира знала, что у Мередиты есть несколько сыновей и ждала, чтобы услышать, о ком говорит богиня. Она была терпелива. Этот дар всем служителям Проаса она, несомненно, получила от матери. Она так же была умна. Если бы богиня не отвлеклась на красоту девушки, она, конечно, заметила бы это.

— Это Орреон. Он болен и, наверное, скоро умрет, — вздохнула Мередита.

— Мне очень жаль, — сказала Хеспира, хотя Мередита казалась не слишком озабоченной.

Просто Мередита подумала, что покажется маловероятным, что она ищет жену для сына, когда он находится на грани жизни и смерти.

— Он попросил меня найти добрую женщину, которая споет для него, — сказала Мередита. — Ты придешь?

Никто не может отказать богине. Хеспира согласилась, но спросила, может ли она отправить весточку своей матери. Мередита разрешила. Она приказала голубю отнести письмо, но как только птица скрылась из виду, она упала на землю мертвой, и письмо не дошло до матери.

— Сначала войди в мой храм, — сказала Мередита и предложила Хеспире пищу.

Девушка отказалась. Богиня обиделась, и тогда Хеспира согласилась что-нибудь выпить. Когда богиня отвернулась, Хеспира спрятала рог с напитком в свою корзинку. Затем, развеселившись, Мередита повела Хеспиру вниз в горную пещеру по извилистым каменным коридорам в полной темноте. Хеспире стало страшно. Она подумала, что не сможет найти дорогу назад и спрашивала себя, будет ли мать искать ее.

Ее мать ждала до вечера, пока солнце не село за горизонтом, и пошла из храма по дороге к дому, выкрикивая имя своей дочери. Не дождавшись отклика, она пошла к соседям, спрашивая о своей дочери около каждого дома. Но люди качали головами и отвечали, что не видели девушку.

Мередита, уверенная, что напиток, который она дала Хеспире, заставит ее полюбить Орреона с первого взгляда, перестала притворяться, будто ее сын болен. Ее сын хотел получить жену, и вот Мередита нашла ему хорошую девушку. Она улыбнулась в темноте, довольная своим подарком.

Она привела девушку к краю пещеры, где стояла кузница, и оставила ее. Неожиданно оказавшись одна в темноте, Хеспира остановилась у входа и стояла, глядя в пространство перед собой. Демонов и духов в пещере не было, огонь горел слабо, прикованный монстр спал, свернувшись калачиком у ног Орреона. Сам Орреон сидел на камне в кузнице. При тусклом свете он осторожно постукивал по разогретому металлу. Каждый раз из-под его молотка в воздух взвивались потоки искр. Они кружились, как светящиеся мотыльки, словно танцуя под неслышную музыку.

— Это очень красиво, — сказала Хеспира с порога, и Орреон испуганно оглянулся.

— Как ты прошла долгий путь в темноте без светильника? — спросил он. — Ты, наверное, тень?

— Нет, — ответила Хеспира. — Я живая девушка.

Она шагнула вперед, осторожно пробираясь по неровному полу пещеры.

При звуке ее голоса кузнечный монстр проснулся и пополз к ней, грохоча цепью. Он был совсем черный, размером с большую собаку, с черными кожистыми крыльями, которые хлопали у него за спиной, когда он их разворачивал; его огромные когти скребли землю. Хеспира задумалась. Конечно, если бы монстр поедал всех заказчиков Орреона, то кто бы разнес по земле слух о мастерстве оружейника? Она смело протянула руку вперед и странное существо, наполовину собака, наполовину летучая мышь, подняло голову и облизало ее пальцы раздвоенным языком. Затем чудовище вернулось в кузницу и снова легло на пол, пока Орреон наблюдал за ним.

— Тебе нужна броня для брата или возлюбленного? — спросил он.

— Нет, — сказала Хеспира. — Меня привела сюда твоя мать.

Орреон вдруг нахмурился, его брови сошлись на переносице, и сердце Хеспиры дрогнуло.

— А зачем моя мать привела тебя? — спросил Орреон.

— Она сказала, что ты просил кого-нибудь спеть для тебя, — ответила Хеспира.

Орреон все еще смотрел подозрительно, но хмурился теперь меньше.

— Тогда пой, — грубовато сказал он.

Хеспира вышла в центр пещеры. Немного подумав, она открыла рот и спела песню о злом мальчике, которого никто не любил, и о мальчике, которого любили за доброту. Орреон хмыкнул, он понял намек.

— Прости мне мою грубость, — сказал он.

— Может быть, — ответила Хеспира.

Орреон посмотрел на девушку внимательнее.

— Когда ты сможешь простить меня? — спросил он.

— Когда у меня будет стул и подушка, чтобы сидеть, и свет, чтобы видеть, с кем я разговариваю.

Орреон рассмеялся. Его смех был больше похож на гул в груди. Тогда оружейник встал, поклонился и предложил ей руку, и они вместе пошли из пещеры к лестнице с дверью наверху. За дверью оказалась чистая комната с яркими лампами и большим креслом.

— А где подушка?

Орреон высунул голову за дверь и закричал так, что, казалось, затряслись каменные стены:

— Подушку!

Мгновение спустя он вернулся в комнату с вышитой подушкой. Он закрыл дверь, но, увидев в глазах Хеспиры упрек, открыл ее снова, чтобы поблагодарить того, кто служил ему снаружи. Орреон принес подушку и положил под спинку кресла, а потом предложил Хеспире сесть. Сам Орреон уселся у ее ног, и они улыбнулись друг другу.

Калия искала дочь и нигде не могла найти ее следов. Наконец она пошла в храм своего бога, принесла ему жертву и попросила рассказать, что стало с Хеспирой. Бог послал ее в лес за ответом. В лесу она увидела, как деревья расступились, их ветви расплелись, и тушка мертвого голубя упала к ее ногам. Она наклонилась, сняла с его лапки письмо и узнала, куда ушла Хеспира. Она пошла в пещеру под горой Гефестии, чтобы найти кузницу Орреона, но смертный не мог пройти туда без провожатого, а духи и тени не стали помогать ей. Она бродила в темноте с маленькой лампой и звала свою дочь по имени. Она слышала, как Хеспира поет где-то в темноте, но звук ее голоса был многократно отражен от стен пещер, так что невозможно было определить, откуда он доносится. Ее дочь разговаривала с Орреоном и не слышала зова матери. Орреон услышал ее и на мгновение замолчал. Хеспира спросила его, что случилось.

— Ничего, — сказал он.

Он был уже не в силах расстаться с Хеспирой и не хотел думать, что поступает неправильно. Он неохотно послал духов прогнать ее мать прочь. Женщина испугалась и убежала. Спотыкаясь, она выбежала из пещеры и упала на залитую

лунным светом землю, рыдая о потерянном ребенке. Она вернулась в храм с новой жертвой и попросила бога вернуть ее дочь, но Проас ответил, что боги не могут ссориться из-за того, что случается со смертными. Мать Хеспиры ответила, что она не любая смертная, а его жрица и, конечно, заслуживает его покровительство. Проас напомнил ей только, что, как и все жрицы, она получала его дары, которыми могла воспользоваться в своих целях.

Мать Хеспиры ушла к себе домой и стала ждать, когда закончится долгая холодная зима. Орреон и Хеспира были счастливы в доме под горой. Хеспира не ощущала течения времени и думала, что провела там всего один вечер, но Орреон все знал. Он переживал, что приходится скрывать правду от Хеспиры. Он уже любил ее так, как никого не любил в своей жизни. Его отец был холодным человеком, завидовавшим своему сыну. Мать время от времени исполняла его желания, но он слишком редко видел ее. Он почти ничего не знал в жизни, кроме кузницы и горячего металла. Теперь Хеспира стала ему нужна, как никто другой.

Хеспира рассказывала ему истории человеческого мира о том, как живут цари с царицами в своих дворцах, как уходят в плаванье корабли, и купцы отправляются с торговыми караванами в дальние страны. Но чаще она говорила о простых людях, своих соседях, ссорящихся из-за пропавших цыплят или украденной с огорода дыни; обычные сплетни, которые он впитывал, как солнечные лучи. Она пела для него, а он слушал, затаив дыхание.

Пришла весна, и мать Хеспиры, повязав голову платком, взяла лоток с рассадой и пришла в храм Мередиты в этой долине. Мередита очень любила этот храм, изящный в своих пропорциях, защищенный холмами от ветра и окруженный садами почти такими же прекрасными, как сады Проаса. Мать Хеспиры пришла как просительница и предложила посадить свою рассаду у стены храма. Она осторожно пересадила первые лозы в землю под стеной, и они растут здесь до сих пор. Женщина лелеяла их всю зиму и наделила даром к быстрому росту, полученному от Проаса. Виноградная лоза сразу потянулась к солнцу, проникая крошечными корешками в швы между камнями стен и разрушая раствор. Когда Мередита заметила причиненный ими ущерб, она приказал жрецам вырвать лозу, но жрецы не справились, и лоза разрасталась все шире. Со стен стали обваливаться мраморные плиты, и Мередита сама попробовала вырвать окрепшие стебли, но поняла, что не в силах справиться с даром Проаса.

Рассерженная, она пошла к Проасу и потребовала забрать свои растения, но он отказался. Он не сажал виноградную лозу в любимом храме Мередиты. Она сама должна была найти причину разрушения. Тогда Мередита пришла к жрице Проаса и приказал ей уничтожить лозу, но жрица пообещала, что богиня лозы умрет только тогда, когда ее дочь вернется к ней.

Мередита была озадачена. Смертные никогда не бросали вызов богам. Только однажды смертный посмел соперничать с богом, воспользовавшись даром человеческого разума, и сошел с ума.

— Твоя дочь? — Мередита не догадывалась, о ком идет речь.

— Хеспира, — ответила жрица.

Богиня приоткрыла рот от удивления.

— Это прекрасная девушка, — сказала она. — И теперь она очень счастлива,

так и знай, — добавила Мередита, надеясь успокоить женщину.

— Тогда, я надеюсь, ты будешь счастлива в своем разрушенном храме, — сказала в сердцах жрица и отвернулась от богини.

— Подожди, милая, — позвала Мередита.

Она любила своего сына, но свой храм она любила еще больше.

— Пойдем, злая женщина, — сказала богиня, — мы вместе заберем твою дочь.

Вот так богиня с матерью девушки вместе пошли в пещеру под Гефестиной горой.

В круге света, падающем от большой лампы, Орреон сидел на скамеечке и слушал, как поет Хеспира. Она пела о том, как весной падает с неба дождь, и трава начинает зеленеть под его поцелуями, и Орреон склонил голову.

— Не могла бы ты пропустить куплет про дождь? — спросил он, понизив голос.

— Хорошо, — ответила Хеспира.

— И про траву.

— Ладно.

— Ты бы оставила меня, чтобы вернуться к траве и дождю?

— Нет, — сказала девушка. — Я бы хотела остаться.

Орреон взял ее на руки. Ее голова лежала у него на плече, а он обхватил ее руками и укачивал, как мать ребенка, зная, что не сможет отпустить ее.

— Это моя мать привела тебя, — сказал он.

— Но я сама захотела прийти, — возразила Хеспира.

— Она сразу привела тебя сюда или сначала пригласила в свой храм?

— Она повела меня в храм.

— И ты ела там что-нибудь?

— Нет, — ответила Хеспира, улыбаясь ему в плечо, оттого что он принял ее за такую дурочку, которая согласится есть в храме.

Орреон не стал спрашивать, пила ли она что-нибудь. Он боялся узнать, что девушка выпила любовное зелье.

— Хорошо, — сказал он и вывел Хеспиру из пещеры к подножию горы.

Там они встретили богиню с матерью Хеспиры. Женщина подбежала к дочери и обняла ее. Орреон отвернулся. Он хотел выпустить руку Хеспиры, но девушка вцепилась в него изо всех сил.

— Разве ты беспокоилась обо мне? — спросила она свою мать.

— Я искала тебя целый год, — ответила женщина.

— Но прошел всего один вечер, — возразила Хеспира.

Она повернулась, чтобы посмотреть на Орреона, но он опустил голову от стыда.

Он сказал:

— Под Священной горой время течет как река. Его течение может унести человека вперед в мгновение ока, если он пожелает.

— И ты пожелал? — строго спросила Хеспира, и Орреон кивнул.

Он собирался унести ее на сто лет вперед подальше от ее матери, но в последний момент передумал.

— Разве она не довольна? — сказала Мередита.

Она впервые внимательно посмотрела на девушку и поняла, что та была не только красива, но и умна. Неудивительно, что мать так скучала по ней.

— Раз эта девушка не подходит тебе, мать заберет ее обратно, — обратилась богиня к сыну.

— Она слишком хорошо подходит, мама, — сказал Орреон, и Мередита была поражена, увидев, что он сердится, причем именно на нее.

— Ты сам вывел ее из горы, — заметила богиня.

— Я должен отпустить ее, — сказал Орреон и повернулся к своей пещере, но Хеспира все еще держала его.

— Но если ты ее любишь, то не отпускай, — решительно сказал Мередита. — Что с того, что у меня будет одним храмом меньше? Хоть он и мой любимый, но думаю, как-нибудь обойдусь без него.

— Я просил женщину, которая сама выберет меня, — ответил Орреон.

— Я выбрала, — заявила Хеспира.

— Вот видишь, — подхватила Мередита.

— Они ничего не ела в твоём храме, мать, — сказал Орреон. — Но что она пила?

Мередита покраснела, как простая смертная.

— Ничего, — крикнула Хеспира и дернула Орреона за руку, чтобы он обернулся и посмотрел на нее. — Ничего, — заверила она его. — Я спрятала напиток в корзину и принесла с собой.

— О, — удивилась Мередита, — какая ты хитрая.

Но Орреон только растерянно моргал, как сова при солнечном свете.

— Я выбрала тебя, — повторила Хеспира, и Орреон поверил ей.

Вот так Хеспира попрощалась с матерью и вернулась в пещеру под Священной горой, а виноградная лоза жрицы Проаса разрослась вокруг храма Мередиты. Когда Хеспира покидала гору, чтобы навестить мать, лоза засыпала, но потом она снова начинала расти и росла, пока все стены не обрушились, крыша обвалилась, и от храма не осталось ничего, кроме груды камней, укрытых зелеными листьями с красными цветами.

Что касается Хеспиры с Орреоном, они были смертными людьми, но кто знает, как течет время в недрах Священной горы Гефестии? Многие считают, что они живы до сих пор, и шахтеры утверждают, что слышат ее пение за звоном своих кирок.

* * *

Халдей молчал еще некоторое время после окончания истории. Он с новым интересом смотрел на Эддис. Она сидела, скрестив ноги, посреди свертков с едой, чувствуя себя совершенно свободно, но потом немного смутилась.

— А мать Хеспиры? — наконец спросил халдей. — Разве она не скучала по дочери?

— О, она смирилась, — сказала Эддис. — Все дочери уходят от матерей рано или поздно.

— Кроме того, она сошла с ума и бродила по пещерам в горе, бесконечно призывая

свою дочь, так что шахтеры иногда слышат и ее тоже, — добавил Евгенидис, не открывая глаз.

— Существует множество версий этой легенды, — признала Эддис.

— Удивительно, как много смысла может быть вложено в такую простую сказку, — сказал халдей.

Он привык иметь дело с сухим языком научных терминов, не понимая, какое влияние может оказать на аудиторию голос рассказчика и выразительная интонация. Он уже слышал, как рассказывает легенды Евгенидис, но не понимал, содержала ли история Вора нечто большее, чем личные аберрации.

— Ну, давайте, — сказал Евгенидис с улыбкой, по-прежнему не открывая глаз. — Скажите моей царице, что она исковеркала древние мифы, созданные гениальным поэтом тысячи лет назад.

— Я бы не посмел, — ответил халдей, качая головой.

— Конечно, разве эти истории не рассказывают повсюду? — спросила царица. — Вы, наверное, слышали их от матери, когда были ребенком.

Халдей покачал головой. Евгенидис подтолкнул царицу. Он знал, что халдея вырастили чужие люди, когда вся его семья погибла от чумы. Его очень молодым по его же собственному желанию отвезли учиться в город, и когда он получил достаточно знаний, чтобы зарабатывать себе на жизнь, он пошел служить солдатом. Вероятно, в дни молодости у него не оставалось времени для сказок.

После недолгого молчания царица спросила:

— Чем вы займетесь во время вашего пребывания в Эддисе?

— Может быть, постараюсь собрать побольше историй, — с улыбкой предположил халдей.

— А что насчет вашей «Истории вторжения»? — спросил Евгенидис.

— Так как большая часть материалов осталась в Сунисе, мне придется сократить работу над ней, — ответил халдей, хмуро глядя на него.

— Я могу украсть ее для вас, — предложил Евгенидис.

— Нет! — дружно сказали халдей с царицей.

Евгенидис снова улыбнулся, довольный, что они оба беспокоятся о нем.

— Лучше я перепишу ее заново, — сказал халдей.

— Вы можете работать в библиотеке, — милостиво предложила царица.

Евгенидис открыл глаза и уселся.

— Что? В моей библиотеке? Он будет путаться у меня под ногами каждый день?

— Это моя библиотека, — напомнила царица своему Вору.

— Ты сам виноват, — указал халдей, довольный сменой ролей.

— Ах, — сказал Евгенидис, упал на спину и закрыл лицо рукой.

Эддис улыбнулась, радуясь, что его плохое настроение на некоторое время развеялось.

* * *

— Ваше Величество? — Секретарь архива, стоя в дверном проеме, ждал, когда Аттолия разрешит ему войти.

Она уединилась для ужина и наслаждалась им в одиночку, будучи слишком занята,

чтобы поест в течение дня. Мидийский посол попытался присоединиться к ней, но она остудила его пыл и отослала в банкетный зал, ссылаясь на недомогание, которое позволяет ей есть только бульон и хлеб.

— Скучная пища сделает из меня плохого собеседника, Нахусерех, — предупредила она полушутя, и он вежливо извинился.

Он слишком любил мясо, и Аттолия знала это. Она обмакнула в суп хлебную корочку, когда Релиус постучал и вошел.

— Что случилось? — спросила она.

— Царский халдей из Суниса. Он нашелся.

— И что?

— Он в Эддисе, Ваше Величество. Видимо, его скрывали в охотничьем домике в прибрежной провинции.

Она ждала. Только Сунис удивился бы, узнав о появлении халдея в Эддисе. Она не верила, что Релиус прервал ее ужин из-за такой ничтожной новости.

— Царица Эддиса приехала за ним лично, — продолжал Релиус. — Она и ее Вор. Они так же устраивали пикники на обратном пути. Они, как нам сообщили... очень близкие друзья.

Это было самое мягкое выражения для описания сплетни, просочившейся из дворца Эддиса. Наверняка дело было достаточно давним, но его шпионы ничего не знали о нем. Если царица Эддиса и ее Вор делали вид, будто они не в ладах друг с другом, то только для того, чтобы скрыть свои усилия по разрушению ее планов: уничтожение флота Суниса и похищение халдея.

— Убирайся, — резко приказала царица.

Слуги и секретарь ждали у закрытых дверей столовой, прислушиваясь к звукам бьющегося фарфора, когда блюда с ужином были сметены со стола на пол, затем керамических амфор и одного тяжелого резного стула, когда обычно сдержанная царица подняла его и со всей силы обрушила на пол. Серебро со стола со звоном раскатилось по каменным плитам. Когда все стихло, слуги постучали и вошли, стараясь не поднимать глаз. Царица не оценила бы их сочувствия. Аттолия вновь сидела на своем стуле, подняв его с пола. Ее руки лежали на коленях, бесстрастное лицо ничего не выражало. Она размышляла. Пока слуги убрали беспорядок и заново сервировали стол, она пыталась оценить опасность, которую представлял собой новый Евгенидис.

* * *

Новый халдей доставил новость царю Суниса. Он не рассчитывал, что его пребывание в должности советника будет продолжительным и очень надеялся покинуть дворец с неповрежденной шеей.

— Значит, он работал на Эддис, — сказал царь.

Новый халдей поколебался мгновение, но затем любовь к истине взяла верх над желанием не раздражать и без того вспыльчивого царя. Он был скромным ученым, призванным ко двору по желанию государя. Он не был придворным. Вопреки здравому смыслу, он выбрал правду.

— Я считаю, что нет, Ваше Величество, — неохотно произнес он.

— Он не работает на Эддис? Тогда, черт побери, что он там делает? Отдыхает?

— Я считаю, что он покинул нас не по собственной воле, Ваше Величество.

— Что это значит? — нетерпеливо спросил Сунис.

— Я думаю, что ученик, который сообщил о встречах халдея с аттолийцами, ошибался.

— Это достаточно очевидно, иначе мой халдей был бы уже в Аттолии, не так ли? — отрезал царь.

Новый халдей решил проявить настойчивость.

— Он был намеренно веден в заблуждение, Ваше Величество. Я думаю, что это были эддисийцы, которые претворились аттолийцами и дали ученику золото, чтобы дезинформировать нас.

— Если ты не можешь говорить прямо, я найду того, кто сможет, — предупредил Сунис.

Новый халдей сдался.

— Ученик предполагал, что аттолийцы использовали вашего советника в своих целях и покончили с ним, когда поняли, что халдей разоблачен. Я думаю, что мой предшественник, наоборот, был совершенно невиновен. Вор Эддиса подкупил ученика золотом и сделал это только для того, чтобы халдей почувствовал угрозу своей жизни и вынужден был бежать в Эддис.

— Евгенидис? В Мегароне?

Сунис достаточно разгневался, когда ученик халдея пришел к нему и сообщил, что халдей позволил аттолийским шпионам бродить по коридорам дворца. Но появление в Мегароне Евгенидиса испугало его не на шутку.

— Что, черт побери он здесь делал? — прорычал царь.

— Ну, он украл вашего халдея, сир.

Царь несколько секунд сидел молча, моргая и тяжело дыша. Затем он вскочил на ноги и закричал, вызывая командира охраны.

Глава 10

На следующее после возвращения из путешествия утро Евгенидис встал рано, несмотря на то, что все его тело болело. Он плохо справлялся с лошадью одной рукой, хотя и не хуже, чем двумя. Зато царица осталась довольна прогулкой. Люди выходили на улицу из своих дворов, чтобы, стоя у дороги, смотреть, как они едут мимо. Они не приветствовали свою царицу. Они не проявляли признаков радости, но, узнав Евгенидиса, улыбались и начинали махать руками. Евгенидис мечтал только об одном: чтобы земля разверзлась и поглотила его прямо посреди города. Он вздрогнул, вспоминая взгляды людей. Когда его босые ноги коснулись холодного пола, он вздрогнул еще раз. По утрам в горах было прохладно.

Он выругался себе под нос и запустил руку в стопку аккуратно сложенных рубашек в шкафу. За время отсутствия Евгенидиса, камердинер его отца привел в порядок вещи Вора, и все старые лохмотья исчезли с полок.

— Ну, конечно, в Аттолии меня никто и не заметит в зеленом галстуке а-ля Эддис с золотым зажимом на пузе, — сказал он вслух.

Он снова выругался, когда не смог найти свой меч, обшарив все полки до самой нижней. Он решил проблему просто, скинув всю одежду с полок в большую кучу на полу. В комнате стало заметно уютнее.

— Мне просто надо вернуться в кровать, — проворчал он, но все же достал из шкафа меч с ножами и портупеей и бросил их на свою неубранную постель, испачкав маслом белые простыни. Кто-то позаботился, чтобы меч не заржавел за время вынужденного бездействия. Он распахнул занавеси на окнах, жалуясь самому себе — здесь некому было слушать, что на дворе еще темно, но он не мог игнорировать солнечные лучи, крадущиеся в долину через горные хребты. Он замолчал лишь тогда, когда сел за свой стол и взял в руку протез из металла и кожи с чашкой, подогнанной под обрубок правого запястья. Мгновение он сидел, держа его в руке, а потом положил обратно и посмотрел на рукав рубашки, скрывавший культю.

Он нашел гильзу, но не мог разыскать небольшой зажим, который фиксировал рукав и удерживал ткань от перемещения. Потом он вспомнил, что уронил его, раздеваясь предыдущим вечером, но не слышал звука падения на плитку пола. Вероятно, зажим упал на шерстяной ковер перед очагом, но понадобится не меньше получаса, чтобы разыскать его в пушистом ворсе.

Вздохнув, он выдвинул ящик стола и порылся в беспорядочной кучке вещей, пока не нашел замену. Он тщательно разгладил складки ткани и закрепил рукав, прежде чем, стиснув зубы, втолкнул руку в обшитый кожей стакан протеза. Крюк был подогнан очень плотно, чтобы дать ему возможность цеплять и тянуть различные предметы. При долгом использовании кожа руки под ним бледнела и немела, и хотя культя уже покрылась мозолями, новые волдыри появлялись довольно часто.

Еще больше его мучили фантомные боли в отрезанной руке. Однажды среди ночи

Евгенидис проснулся от рези в правой ладони, которую он поранил, пытаясь бежать из Аттолии. Этим ранам не суждено было зажить. Вор был уверен, что эта боль будет преследовать его до самой смерти. Он не хотел вспоминать о потерянной руке, но иногда ловил себя на том, что потирает левой рукой правую во время очередного приступа боли.

Опять заворчав, он сунул ноги в сапоги, которые заказал, когда обнаружил, что старые за прошедший год стали ему малы, накинул через плечо перевязь с мечом и заставил себя выйти в оружейный двор, где солдаты и ученики разогревали мышцы и проверяли оружие перед началом тренировки. Двери кузницы были распахнуты во двор, и Евгенидис направился туда, чтобы бросить меч на скамью.

Оружейник кивнул.

— Вам понадобится новый, — сказал он. — Этот сбалансирован для правой руки.

Голоса во дворе умолкли.

— У вас найдется подходящий меч? — спросил Евгенидис, стоя спиной к тишине.

Оружейник кивнул и снял один со стойки у стены. Вор взял меч и покачал его в руке; кто-то вошел в кузницу вслед за ним. Евгенидис повернулся и увидел своего отца. Он поздоровался кивком, а отец махнул рукой в сторону тренировочной площадки. Пока они шли рядом, Евгенидис заметил косой взгляд отца.

— Ты думаешь, она не заметила? — наконец спросил отец.

— Не заметила чего? — невинно спросил Евгенидис.

— У нее пропала брошь с рубинами и золотым бисером.

— С гранатами и золотыми шариками.

— Слуга сказал, что это были рубины.

— Гранаты так же отличаются от рубинов, как лжецы от дураков.

— И что же ты предпочитаешь? — в голосе отца звучала ирония.

— Брошь с гранатами была отвратительной дешевкой. Я предупреждал, что не стоит носить ее с тем оранжевым шелковым шарфом. Здесь всегда так тихо? — спросил он.

От звона мечей разве что не закладывало уши. На губах военного министра промелькнула быстрая улыбка.

— Начнем с разминки.

— Как пожелаешь, — неохотно ответил Евгенидис.

— Вот именно, — сказал отец.

Много позже, весь в поту, Евгенидис выругался громко и от души. Боль в мышцах от верховой езды сменилась новой более острой болью в плечах.

— Я и забыл, как сильно ненавижу фехтование, — сказал он.

Отец отвел:

— Не стоило так сильно перегружать себя в первый день, тогда ты чувствовал бы себя лучше.

Евгенидис поднял глаза к небу, где солнце уже повисло над самой высокой башней дворца.

— Уже поздно, — удивленно заметил он. Двор опустел, даже оружейник потушил свой огонь и исчез. — Неудивительно, что я так хочу есть.

Военный министр покачал головой. Он лучше всех знал, что его младший сын, несмотря на все его жалобы, имел терпение и способность к концентрации достаточные, чтобы стать выдающимся фехтовальщиком. Именно эти качества отметил в нем дед Евгенидиса. Военный министр снова пожалел, что его сын не захотел стать солдатом; пришлось напомнить себе,

что руку он с таким же успехом мог потерять и на военной службе. Ни одна профессия не гарантировала безопасности.

* * *

Царица проводила заседание Совета в Географическом зале, и Евгенидис направился туда. Его встретили удивленные взгляды министров, большинство из которых не были посвящены в обман с затворничеством Вора Эддиса. Когда уже стало невозможно делать вид, что он отошел от службы, царица попросила его присутствовать на Совете лично, чтобы слушать обсуждение дел самому, а не в ее пересказе. Однако, его должностные обязанности были довольно туманны. Он не был министром и не сел за стол. Он устроился в кресле у стены.

Слегка наклонившись вперед и глядя в просвет между фигурами двух министров, Эддис могла наблюдать за ним. В середине заседания он откинулся к стене с нарисованной на ней картой и закрыл глаза.

Карта изображала Сунис с прибрежными островами. На других стенах были представлены Эддис, Аттолия, а также другие более отдаленные страны. Чем дальше страна находилась от Эддиса, тем менее точна была карта. Нарисованные больше ста лет назад, они были скорее красивыми, чем полезными. Более информативные карты, тщательно нарисованные на больших листах пергамента, были разложены на столах по всей комнате.

Царица потеряла виски и подвела отчет:

— Мы не будем передавать пушки в Сунис. Он уже знает о халдее и понял, что не Аттолия уничтожила его флот. Его солдаты уже попытались перехватить последнюю поставку зерна почти у самого перевала. Они не смогли развернуть фургоны, поэтому высыпали все продукты в реку. Я сожалею, что мы не успели доставить эти запасы в горы, но у нас есть предыдущие караваны, и мы оставим пушки у себя.

Она побарабанила пальцами по подлокотнику кресла и продолжала дальше:

— Сунис собирается опустошить казну ради покупки кораблей. Я не знаю, чем он вооружит их без наших пушек, разве что найдет союзника, который обеспечит его корабли огневой мощью. Будем надеяться, что таковой не найдется. Аттолия торопится использовать свое превосходство на море. Я уверена, до вас дошли слухи, что она забрала назад Хиос и Сардинию. Она так же захватила Тикос. Мы хотели бы надеяться, что это удовлетворит ее, но нет никаких признаков того, что она отводит свою армию из предгорья. Наше предложение мира было отвергнуто. Торговля между Аттолией и Сунисом остановлена, и мы должны готовиться к суровой зиме. В конце лета начнутся бури, корабли встанут на якоря в гаванях, и мы должны быть готовы защищать оба фронта до зимы, пока снег не закроет перевалы.

Кто-то из советников спросил:

— А нейтральные острова? Попытается ли Аттолия захватить их тоже?

— Это зависит от того, насколько удачны ее морские сражения, и насколько она уверена в своих силах. Равномерно распределенная нейтральная территория является ценным активом для обеих сторон; это безопасная гавань с естественной защитой. Если Аттолия сохранит превосходство в силах, она может попытаться захватить нейтральные земли. Они были предупреждены об опасности сопротивления, и мы будем надеяться на

лучшее.

— А пираты? — спросил другой советник.

— Сейчас ни одна из сторон не имеет возможности патрулировать морские пути. Пиратство растет стремительными темпами, но я не уверена, что кого-то здесь это удивляет.

Несколько человек за столом рассмеялись. Нет, никто не был удивлен.

Один за другим министры предоставили свои отчеты о распределении зерна, потреблении ресурсов, расположении вооруженных сил и других жизненно важных данных. Когда совет закончился, все встали, вежливо поклонились и оставили царицу рассматривать доклады.

Евгенидис остался, он так же сидел, откинувшись в кресле, с закрытыми глазами. Эддис наблюдала за ним. Его брови сошлись вместе, лоб между ними прорезала глубокая вертикальная складка, это означало, что его рука, скорее всего, болит. Он никогда не жаловался и резко отвечал, когда кто-либо спрашивал его о здоровье. С прочими он держался очень вежливо и отстраненно. Он редко заговаривал первым, а люди стеснялись обращаться к нему, когда угрюмая складка между бровей напоминала о его боли в плохие дни.

Эддис не была уверена, что Евгенидис все еще совершает подношения своему богу. Никто из придворных больше не жаловался ей на пропавшие серьги и дорогие безделушки. Сама Эддис, конечно заметила, когда ее брошь появилась на воротнике рубашки Евгенидиса, но эта кража случилась еще до его последнего визита в Аттолию. Эддис слышала, как некоторые из придворных за спиной Вора сожалели об утраченном им едком чувстве юмора, но обнаружила, что больше скучает по его улыбке. Она многое готова была отдать за его прежнюю улыбку, но он больше не улыбался.

Царица вздохнула.

— У Аттолии отличный советник, — сказала она.

Евгенидис приоткрыл один глаз, затем снова закрыл.

— Кто? — спросил он.

— Мидийский посол. Я уверена, это он посоветовал ей взять Тикос и атаковать Симорену. Она не имеет большого стратегического значения для нее, но понадобится Мидии для контроля прибрежной территории. Очевидно, Аттолия и Мидия так же сблизилась, как мы с тобой, по слухам.

— Орнон сказал, что она не повесила меня только из-за него, — сказал Евгенидис.

Орнон был послом, которого Эддис отправила на помощь своему Вору.

— Ты ничего не помнишь?

Евгенидис покачал головой.

— Очень туманно, — ответил он.

Эддис не стала спрашивать, что ему запомнилось лучше. Она догадывалась и так.

— Наверное, я в долгу перед ним, — сказала она.

Передние ножки кресла резко опустились на пол, он открыл глаза и уставился на нее. Он был оскорблен.

— Я должна была желать твоей смерти, Ген? — спросила она.

Они смотрели друг на друга. Наконец он поднял подбородок и сказал:

— Нет, ты не должна была желать моей смерти. Нет, ты не должна себя чувствовать в долгу перед этим мидийским ублюдком. И нет, я не нуждаюсь в лекциях о том, как мне повезло, я также не хочу слышать, что каждую зиму люди по всей стране отмораживают себе

руки и ноги.

Он снова уперся спинкой кресла в стену позади него и, скрестив руки на груди, угрюмо уставился в пространство.

— Ты сегодня обижен на всех, Ген?

Он вздохнул.

— О, заткнись.

— И сколько же людей теряют зимой руки и ноги, — мягко спросила она.

— Не так уж много на самом деле. И обычно им отрезают только пальцы рук или ног.

— Это Гален тебе рассказал?

— Хмм.

— Как он тактичен.

Евгенидис болезненно скривился.

— Это я спросил его.

Эддис так же болезненно улыбнулась в ответ.

— О чем ты думаешь, когда так смотришь на меня? — спросил Евгенидис.

— Я думаю, как прикончить царицу Аттолии, — призналась Эддис.

Евгенидис встал и повернулся к ней спиной, чтобы посмотреть в одно из высоких узких окон.

— Я ненавижу этого мидянина, — сказал он.

— Ген, ведь это Аттолия отрезала тебе руку, не так ли? — спросила Эддис.

Евгенидис пожал плечами.

— Ты бы начала войну, если бы меня повесили?

— Да, — сказала Эддис. Любовь к истине заставила ее добавить: — Скорее всего.

— Можешь ли ты отрицать, что война началась из-за этого? — Евгенидис поднял изуродованную руку.

— Нет, — Эддис пришлось уступить. — Но, как я уже сказала, это Аттолия приказала отрезать тебе руку.

— Из-за мидянина, — ответил Евгенидис. — Если бы он не отговорил ее, меня бы повесили. Орнон разозлил ее достаточно, чтобы меня четвертовали. Конечно, — добавил он, желая быть правдивым в свою очередь, — не могу сказать, что мне очень хотелось быть четвертованным.

— Может быть, мидиец понимал, что он подстрекает нас к войне? — спросила Эддис.

— О, да, — ответил Вор.

Эддис помолчала, глядя на стол, заваленный докладами о жертвах и расходах на войну с Аттолией.

— Тогда я не буду считать себя его должницей. — она положила руку на стопку бумаг, где подробно перечислялись ее оставшиеся ресурсы, численность армейских батальонов, снабжение боеприпасами и продовольствием. — Он вызвал военные транспортные суда в проливы, — сказала она. — Они, как вороны, ждут падали. Интересно, знает ли Аттолия.

* * *

Аттолия знала. Она узнала о них прежде, чем мидийские корабли покинули свой порт. Корабли предназначались для патрулирования ее берегов, и она была осведомлена об их

количестве, огневой мощи и численности команды. Она знала, что ее бароны так же были прекрасно проинформированы. В последнее время они притихли, как маленькие птички в кустах, увидевшие лису. Она так же знала, что мидийский Император выбрал для нее посла не только политически дальновидного, но и физически привлекательного. Ее придворным было отлично известно, что царица не терпит подхалимов и редко прислушивается к лести, но она неизменно улыбалась Нахусереху и откровенно наслаждалась его комплиментами. Но приятнее комплиментов был ужас на лицах ее баронов, когда она отвечала послу долгим взглядом из-под ресниц, или когда ее слуги открыто лебезили перед мидянами.

Аттолия действительно получала удовольствие от общества мидянина. Ей было приятно, что он считает ее прежде всего красивой женщиной, а не воинственной правительницей. Когда он сопровождал ее на прогулках, она безмятежно позволяла ему касаться ее руки и подходить ближе, чем это было необходимо. Нахусерех утверждался в роли обольстителя, и она от всей души надеялась, что никто не расскажет ему, как она поступила с последним из желающих соблазнить ее. Впрочем, если кто-то и проболтался, мидянин должен был только больше увериться в своей неотразимости.

Все ее служанки согласились с ее оценкой внешности Нахусереха. Царица слушала их воркование по утрам и вечерам, когда они одевали и причесывали ее. Аттолия разрешала им сплетничать, пока они не переходили границ скромности. Она наслаждалась их болтовней, хотя сама никогда не принимала в ней участия.

— Говорят, что мидиец заказал новую тунику, затканную золотом и расшитую изумрудами по вороту.

— Говорят, что у него несколько изумрудных гарнитуров, и его камердинер пришивает их на костюм, который он выбирает утром.

— Пора бы ему купить другие камни, — сказала Фресина.

Она была старшей из служанок и сидела у окна с иглой, подшивая подол на одном из платьев царицы. Она разгладила пальцами шов.

— Рубины, например, — добавила она, взглянув на свою хозяйку, чью прическу украшала тщательно вплетенная в косы лента с рубинами.

Это был смелый намек, и позволить себе его мог лишь тот, кто видел, как Аттолия улыбалась мидийскому послу, позволяла ему удерживать ее руку в ладонях и называть ее «дорогой царицей», а иногда и просто «моей дорогой».

— Или те, что лучше подойдут к его бороде, — пробормотала одна из молодых женщин.

Ее слова вызвали неловкое молчание. Служанки осторожно посмотрели на свою царицу.

— Хлоя, — сказала Аттолия.

— Ваше Величество?

— Пойди принеси мне...

— Что желаете, Ваше Величество?

— Не знаю. Подумай сама.

— Да, Ваше Величество, — прошептала Хлоя и поспешила прочь.

После ее ухода разговор перешел в более безопасное русло.

Глава 11

Весь Эддис молился, и как бы в ответ на эти молитвы ветры этезий^[4] пришли позже обычного. Сунис использовал остатки своего военного флота, чтобы перевезти армию на острова для их защиты. Аттолия атаковала неустанно и постепенно закрепляла их за собой, один за другим. Мидянин нашептывал свои советы ей на ухо, и она внимательно слушала его. Она всегда умела слушать, и Нахусерех мог видеть, как воплощаются в жизнь его советы. Он был весьма проницателен, и царица это ценила.

— Она знает о кораблях? — спросил Камет.

— Сомневаюсь, — ответил мидиец. — Все свои умственные усилия она тратит на своих баронов, пытаясь удержать их в узде. Она мало интересуется происходящим за пределами своей маленькой страны, и кажется, не очень ориентируется в международной политике. Я начинаю думать, что она обязана своим тронem тем самым баронам, которых она подозревает в измене. Не знаю, кто еще мог привести ее к власти.

— Вы спрашивали ее о дипломатическом городке на Симорене? Этот остров понадобится нам в качестве плацдарма.

— Да. Она была осторожна и остановила меня, но со временем я смогу ее переубедить. Я смогу внушить ей, что это небольшое посольство будет использоваться исключительно для осуществления почтовых сношений между нашей дружественной империей и ее царством.

— Нам также нужно будет получить землю здесь, на материке.

— Получим, — сказал посол. — Пока нам нет необходимости спешить, но как только мы закрепимся здесь, будем стоять непоколебимо.

Когда наконец задули этезии, Сунис отозвал войска с островов, оставив гарнизоны на тот маловероятный случай, если Аттолия рискнет своим флотом в сезон ураганов. Он собрал корабли в безопасных гаванях и переключил внимание на сухопутного врага, Эддис. Аттолия сделала то же самое.

Горы защищали Эддис лучше любой армии, но и в этой защите имелись бреши. Например, Иркейский сосновый лес, покрывавший один из пологих горных склонов. Однажды Сунис уже пытался провести свою армию через лес, и Эддис пообещала поджечь деревья. Сунис ушел. Когда в морской войне наступил период вынужденного перемирия, Сунис вернулся в Иркей, сжег его сам, а затем прошел по пепелищу.

Горы со стороны Аттолии были более неприступными. Но пушки на перевале вновь остановили аттолийскую армию от нападения. Единственным проходом к горным долинам оставался каньон, старое русло Арактуса, по которому он спускался с гор, чтобы впасть в Сеперхи. Старое русло и проложенная по нему дорога были защищены воротами у подножия горы. Дополнительной защитой служили крутые берега Сеперхи, служившей естественной границей между Аттолией и Эддисом.

Не сумев ввести армию в Эддис, Аттолия отправила в горы небольшие диверсионные отряды, чтобы под покровом темноты напасть на фермы в изолированных горных районах.

Многие из ферм пустовали, мужчины воевали в армии, а их семьи перебравшись поближе к безопасной столице, оставив свои дома на разорение рейдерам Аттолии.

Переполненные зимой овечьи пастбища вблизи столицы ближе к весне опустели, многие стада вернулись на высокогорные луга в прибрежных провинциях, но еще больше овец было зарезано, чтобы прокормить население. В каждом храме курилась на алтарях жертвенная кровь, люди молились о дождях, которые смоют с гор их врагов, и снеге, который закроет проходы в горах.

Когда наконец пришли холода, Аттолия отозвала своих диверсантов, Сунис, проиграв битву за Иркей, увел свою армию, и Эддис наконец смог перевести дух. Измученные солдаты вернулись на отдых к своим семьям. Работа в железных рудниках кипела днем и ночью, здесь дробили руду и плавилы железо, чтобы отлить пушки в дополнение к тем немногим, что были установлены над останками Иркейского леса. Дожди падали на сгоревшие леса и размывали горные склоны. Вода прорыла глубокие борозды в пологих склонах, потом стенки этих борозд обрушились, образовав канавы; канавы расползлись по всей поверхности склона и превратились в овраги, способные задержать продвижение любой армии, которая попытается подняться вверх к перевалу. По дну оврагов текли потоки красной грязи, так страшно напоминавшие кровь.

Дворец Эддиса снова заполнили бароны и офицеры в вышитых туниках. Яркие свечи, горящие во время официальных ужинов в Большом зале, освещали попытку возвращения к привычкам мирного времени.

Однажды зимой врач одного из военных госпиталей пришел на встречу с Евгенидисом. Во второй половине того же дня слуга принес записку для Эддис и она, отменив встречу с мастером литейного цеха, поднялась по лестнице на крышу дворца. Вдоль парапета, где в теплые дни прогуливались придворные, были проложены широкие дорожки, мощенные плиткой. Евгенидис сидел на парапете. Эддис подошла и остановилась в пяти футах от него. Она не хотела его испугать неожиданным появлением. Его ноги покачивались в пустоте на высоте четырех этажей над землей.

Он слегка повернул голову, достаточно, чтобы увидеть ее краем глаза.

— У меня за спиной еще кто-нибудь стоит? — спросил он. — Разве мне не разрешили сидеть на крыше в один прекрасный день?

— Сегодня день совсем не прекрасный, — быстро ответила Эддис. Было и в самом деле очень холодно, ветер швырялся пригоршнями снега. — Ты сидишь здесь больше часа, так что охрана начала нервничать.

Она опустилась на низкий камень рядом с ним.

— Ты слышала, что случилось? — спросил Евгенидис.

— Я слышала, что один из врачей госпиталя попросил тебя навестить его подопечных, и ты пошел с ним.

— Он отвел меня к раненым с ампутированными конечностями.

— О.

— Потому что пушечное ядро взорвалось прямо посреди роты пехотинцев, и потом врачи отрезали разбитые руки и ноги и зашили раны.

— Евгенидис...

— Потому что мы, конечно, не хотим, чтобы солдаты умирали от потери небольшой части тела.

Он смотрел вниз в долину. Перед ними возвышалась гора Гефестии, самая высокая в

горном хребте с водохранилищем Хамиатеса на одном плече.

— Этот проклятый врач попросил меня посетить раненых. Он шел передо мной среди всех этих искалеченных людей, как бы говоря: «Смотрите, вот идет Вор Эддиса, он прекрасно обходится без руки». Как будто я священный талисман, способный исцелить их, и они смогут выпрыгнуть из постелей и снова зажить счастливой жизнью.

— Евгенидис...

— Ну, я похлопал каждого из них по плечу, как какой-то жрец, а потом вышел на улицу и разрыдался.

Он немного наклонился вперед, чтобы бросить взгляд между носками сапог на склон холма далеко внизу. Эддис уперлась ногами в стену и изо всех сил сдерживалась, чтобы не вцепиться в его рукав и не стащить с парапета в безопасное место. Вор напомнил ей виденного в детстве жонглера с кинжалами, и она боялась вздохнуть, чтобы он не порезал себя.

— Этот врач, — пробормотал Евгенидис. — Почему он не сказал: «Смотрите, вот неудачливый Вор Эддиса, это он причина всех ваших страданий»?

— Ген, — твердо сказала Эддис, — не ты виноват в этой войне.

— А кто же? Это я попал в ловушку Аттолии.

— Это я послала тебя туда.

— Ты послала и я пошел. Она поставила ловушку и я попался, потому что Сунис преследовал ее, а Суниса подстрекал его халдей, который боится мидян, а император Мидии, полагаю, так же находится под давлением обстоятельств. Так кого же, в конце концов, мы можем обвинить в этой войне? Богов?

Он поднял лицо к облакам, теснившимся в сером небе. Эддис предупреждающе положила руку ему на плечо.

— О, я придержу свой язык, — сказал Евгенидис. — Я научился помалкивать и не хочу, чтобы облака раздвинулись и Мойра в потоке солнечного света велела мне заткнуться; но я хочу знать, если мы воюем и люди умирают по желанию богов, то с какой целью? Хочет ли Великая Богиня уничтожить Эддис?

Эддис покачала головой.

— Мы были и остаемся людьми Гефестии. Я верю в это. А больше я ничего не знаю. Никакие жрецы не заставят меня думать, что я всего лишь исполняю волю богов, но, Ген, я знаю, что за свои решения должна отвечать я сама. И если я становлюсь пешкой в руках богов, то не потому что они управляют моими поступками, а потому, что слишком хорошо понимают меня. — она вспомнила тяжесть Дара Хамиатеса на своей груди и добавила: — Мы не можем просить богов разъяснить нам нашу собственную суть. Я, например, не хочу.

Евгенидис задумался, припомнив свой собственный опыт владения камнем Хамиатеса, и кивнул в знак согласия.

Они оба помолчали, а потом Эддис снова заговорила. Ее слова удивили Гена.

— Ты больше не маленький герой, — сказала она.

— Разве я был им? — спросил он, приподняв бровь.

Она улыбнулась, снова спросив себя, у кого он перенял это выражение лица.

— Ну, конечно, ты был золотым мальчиком, — сказала она. — Ты поразил всю страну. А после того, как ты поставил на колени Сунис, ты стал любимцем двора.

— Халдей сказал что-то в этом роде. Что-то про славу и все такое, но я не обратил внимания, — печально сказал Евгенидис.

Эддис засмеялась и наклонилась ближе, чтобы положить одну руку ему на плечо. Евгенидис размышлял над ее словами.

— Но не для наших дорогих кузенов, — заметил он.

— Даже для них, — возразила царица. — Они разозлились, страшно разозлились, когда тебя... привезли домой.

Она запнулась, не зная, как коснуться больной темы отрубленной руки. Он сам иногда упоминал о своей потере, но лишь мельком. Он шутил, что это не повлияло на его умение ездить верхом, но по-прежнему вздрагивал от чужих взглядов и ненавидел говорить о ранах и протезах.

Сидя рядом на холодных камнях, они стали вспоминать своих двоюродных братьев, погибших с начала войны. Степис, Хлор, Соасис с отрядом в начале войны. Тимос погиб, отражая продвижение Аттолии к главному перевалу прошлой весной. Два других, Клеон и Эрмандер, были ранены в тех боях и умерли от заражения крови уже летом. Еще несколько погибли после пожара в Иркейском лесу. Эддис помнила, каким мрачным был Евгенидис в течение нескольких дней, после того, как их привезли во дворец. Никто не рвался, как они, отомстить за своего Вора.

— Я думаю, они считали право вывешивать тебя за ноги из окна исключительно своей прерогативой, и никто больше не смеет коснуться тебя. Тереспидес неохотно признал, что будет восхищаться тобой всю оставшуюся часть жизни.

— Мне показалось, ты сказала, что все кончено. Я все утратил.

— Я сказала, что ты больше не юный герой. Ты вырос и повзрослел. Люди очень многого ожидают от тебя, особенно после того, как ты украл халдея и снова поставил Сунис на колени, причем одной рукой.

— Может быть, и одной рукой. Но эта рука управляла твоими лучшими солдатами. Что я могу сделать еще?

— Все, что угодно, — сказала Эдис. — Ты способен перевернуть мир, как говорят некоторые, иначе Аттолия не боялась бы тебя так сильно.

Евгенидис с удивлением посмотрел на нее.

— О, да, она боится. Она возьмет Сунис весной или летом. Тогда мы снова предложим ей мир, и она согласится, потому что боится того, что ты можешь сделать, как только Сунис перестанет отвлекать наше внимание.

Евгенидис продолжал молчать в замешательстве, и Эддис кивнула головой.

— Я хочу, чтобы она проиграла эту войну, но понимаю, что тогда бароны сожрут ее живьем. Тем не менее, она не настолько глупа, чтобы продолжать войну, как только она одержит небольшую победу, чтобы успокоить их. И после поражения Суниса в Иркейском лесу она знает, что наши солдаты так же хороши, как о них говорят. — наконец она спокойно произнесла. — Ген, ты действительно стал священным талисманом для тех людей в госпитале.

— То есть ты намекаешь, что мне хватит ныть?

— Вот именно.

— Я не чувствую себя героем. Я чувствую себя идиотом.

— Наверное, так чувствуют себя все герои, но эти люди верят в тебя.

— Я сильно отстал от жизни, пока сидел у себя в комнате.

Весной начались дожди. В низинах зацвели вербы. В Эддисе таяли снега, и паводковые воды перекрыли доступ к горным долинам. Народ Эддиса молился о нескончаемом дожде, даже если он зальет страну грязью по колено. Аттолия и Сунис торопились засеять поля, прежде чем вернуться к своим военным столкновениям. Эддис с напряжением ждала, начнут ли они снова нападать друг на друга или двинутся в горы.

Дожди шли и шли. Сунис больше не предпринимал попыток отвоевать у Аттолии свои острова, но зато внезапно напал на Тегмис, лежавший напротив гавани столицы Аттолии. Царицы в городе не было, связаться с ней не удалось, генералы оплошали, и Тегмис пал.

Сунис контролировал остров, но потерял в битве за него свой последний большой корабль и больше не имел возможности усилить свой гарнизон в островной крепости или снять его. Аттолия обложила Тегмис блокадой с моря и стала ждать. Сунис предложил заключить мир, но Аттолия, рассчитывая на преимущество в силах, отвергла его предложение. В горах Эддис и ее военный министр выразили надежду, что Сунис поглупел без советов своего халдея, но обеспокоились.

— Он не такой дурак, — сказала Эддис.

— Ты говорила с халдеем? — спросил ее военный министр.

— Конечно. Он ничем не помог, может быть, преднамеренно, но он сказал, что ничего не знает о планах Суниса.

— Тогда подождем и посмотрим, — предложил министр.

По вечерам перед ужином придворные собирались в старом тронном зале. Четверо военных, уже осушивших по несколько кубков разбавленного вина, решили пошутить над угрозами царицы Аттолии, переданными в Эддис через шпионов. В наступившей тишине их слова разнеслись над толпой.

— ... Отправить его на тот свет слепым и глухим, отрезать язык и...

Глаза всех присутствующих обратились к Евгенидису, стоящему посреди комнаты с несколькими из своих дядей. Все поняли, что слова Аттолии относятся к нему. Евгенидис повернулся к толпе и опустил голову.

— С нетерпением жду следующего визита, — сказал он с притворной досадой, и, посмеиваясь, люди вернулись к своим разговорам.

Эддис, стоя у очага, внимательно наблюдала за Вором, но он повернулся к дядюшкам с непроницаемо-безмятежным лицом. Царица подозвала церемониймейстера и вполголоса дала ему несколько указаний по изменению порядка размещения гостей за ужином.

Позже из центра стола Эддис смотрела, как Евгенидис занимает свое место между отцом и Агапе, младшей дочерью барона Фороса. Царица находилась слишком далеко, чтобы услышать, что он сказал, усевшись за стол, но Агапе ответила, и они, казалось, хорошо ладили. Эддис пробормотала под нос короткую молитву и повернулась к своим соседям.

— Вас, кажется, обременяют моей компанией чаще, чем я того заслуживаю, — сказал Евгенидис.

— Они боятся, что вы можете огрызнуться на кого-нибудь еще, — серьезно ответила Агапе.

Евгенидис удивился.

— Никто не в силах огрызаться на вас, — сказал он.

— Да, — заявила Агапе по-прежнему серьезно, — ведь я такая душечка.

Евгенидис рассмеялся и мрачное выражение лица Агапе сменилось улыбкой. Она была младшей из четырех сестер и такой же хорошенькой, как они. Красота старших сестер не способна была компенсировать их ворчливый характер, но Агапе любили при дворе за доброту и остроумие.

— Вы в ужасном настроении? — спросила она, положив руку на рукав Евгенидиса. — Ваш отец предупредил, что вы можете быть не в духе.

Евгенидис взглянул на своего отца, который внимательно изучал свою тарелку, хотя, конечно, прекрасно все слышал.

— Да, — согласился Евгенидис, возвращаясь к Агапе. — В ужасном. Вам лучше поменяться местами с вашей сестрой Эгитой. Мы с ней будем достойны друг друга сегодня вечером.

— Вы недобры к бедной Эгите.

— Я бы взял себя в руки, если бы она сидела рядом со мной.

Агапе улыбнулась.

— Думаю, сегодня нам всем повезло, — сказала она.

— А я думаю, что везение здесь совершенно ни при чем, — ответил Евгенидис, посмотрев на царицу, — но я ничуть не возражаю против ужина в такой прекрасной компании. Вы уже пели на празднике?

Они заговорили о предстоящем празднике, который закончится обрядами в храме Гефестии, и будет сопровождаться пением хоров и отдельных солистов. Агапе пела в прошлом году и обещала петь снова после того, как проведет следующие несколько недель в уединении на территории храма, занимаясь вокалом.

В середине ужина Евгенидис поднял свой кубок и с интересом заглянул в него.

— Что случилось с этой чашей? — спросил он.

— Что такое?

— Я не могу никого дозваться, чтобы наполнить ее. — мальчик с кувшином вина несколько раз проскакивал мимо, старательно делая вид, что не замечает Евгенидиса. — Простите, — сказал он Агапе, а затем повернулся и потянулся через отца.

Левой рукой тянуться пришлось довольно далеко, но он ловко подхватил кубок отца, заменив его своей чашей.

— Вот, — сказал он, — я уверен, что ты сможешь его наполнить.

Вор с вызывающим видом посмотрел на отца, и старик кивнул.

— Уверен, что смогу, — согласился он и помахал рукой виночерпию.

Мальчик с кувшином подошел и налил в чашу вина. Евгенидис быстро осушил отцовский кубок и поднял свой. Мальчик в замешательстве посмотрел на военного министра.

— Демос, — сказал Евгенидис. — Перестань смотреть на моего отца и наполни мой кубок.

Военный министр повернулся, чтобы окинуть взглядом зал. Кубок был наполнен, и Евгенидис осушил его.

— Теперь налей еще, — приказал он, мальчик повиновался, а военный министр вздохнул и отвернулся.

— Молодец, — сказал Евгенидис. — Теперь следи за этой чашей, потому что я не хочу, чтобы она опустела, понял?

— Да, господин, — ответил мальчик и попятился.

— Вы все-таки в ужасном настроении, — заметила Агапе.

— Да, — согласился Евгенидис. — И уговаривать меня не пить вина будет только хуже.

— Тогда лучше напиться, — ответила Агапе.

Евгенидис бросил на нее быстрый взгляд.

— Агапе, я думаю, вам это не нравится.

— Да.

— Но вы не собираетесь меня останавливать?

— Нет.

Она улыбнулась, и Евгенидис, несмотря на дурное настроение, улыбнулся в ответ. Капитулировав до поры до времени, он больше не прикасался к вину. После ужина он вежливо извинился и исчез. Отец не нашел его среди придворных, небольшими группами расположившимися по всему залу для приятной болтовни. Никто так же не видел Вора поднимающимся вверх в свою комнату.

С кувшином неразбавленного вина он шагнул из залитого дождем двора на порог казармы. Вино, как он знал, обеспечит ему теплый прием и избавит от вопросов. Через несколько часов Вор вернулся во дворец и поднялся в библиотеку. Пошатываясь, он остановился в дверях, и посмотрел на халдея, склонившегося над бумагами за отведенным ему на время пребывания в Эддисе столом.

— Я задержался допоздна в надежде, что вы уйдете, — сообщил Евгенидис, зевая.

— В отличие от твоего отца, я тебя не ждал, — сухо ответил халдей. — Мне есть чем заняться, и я предпочитаю не терять времени даром.

— Мой отец был здесь?

— Ушел полчаса назад. Метался по комнате, как василиск.

Евгенидис рассмеялся и направился через библиотеку к своей комнате.

— Рад, что не застал его, — сказал он.

Халдей, принимая во внимание его неустойчивое состояние, согласился.

— Я тоже рад, что вы разминулись, — ответил он.

— Ваша муза продержит вас за работой всю ночь? — спросил Евгенидис.

— Может быть.

— Если вам ничего не мешает, — загадочно сказал Вор, закрывая дверь.

Халдей собирался поработать до полуночи, но углубился в свои мысли и продолжал писать, пока из-за двери спальни не донеслись хриплые крики. Он отложил перо и прислушался.

Он был солдатом, а потом ученым, но ему до сих пор не доводилось слышать, чтобы мужчины так кричали. Он потер переносицу пальцем. Затем, скрепя сердце, встал, подошел к двери Евгенидиса и постучал. Он громко колотил в дверь в течение некоторого времени, пока крики не начали стихать. Последовала тишина, затем задвижка на той стороне двери была поднята, и Евгенидис выглянул в библиотеку. Его лицо немного опухло ото сна, а волосы были влажными от пота.

— Просто дурные сны, — сказал он тихо.

— Сядешь к огню? — спросил халдей.

Евгенидис, пошатываясь, пошел к свету, сел в кресло и застонал.

— Бедная моя голова, — сказал он.

— Это подействует лучше, чем нотации твоего отца, — сообщил халдей, забавляясь его видом.

Евгенидис сомневался, соглашаться ли ему.

— Вы просто никогда не слушали нотаций моего отца.

— Хочешь о них поговорить? — спросил халдей, усаживаясь в соседнее кресло.

— О нотациях? Спасибо, нет. Он всегда говорит коротко и по делу.

— О кошмарах.

— О, — сказал Вор. — Нет. Совсем не хочу.

— Тогда о погоде?

— Спасибо, нет. И не об урожае. Расскажите мне, почему царь Суниса хочет жениться на царице Эддиса?

Он уже задавал халдею этот вопрос.

— Политическое значение этого брака очевидно, — ответил халдей.

Евгенидис покачал головой, но сделал это осторожно, боясь взболтать задремавшее похмелье.

— Я не имею в виду политические преимущества. Ему нужно что-то другое.

— Эддис является для него блестящей партией, Ген, она очень молода, почти так же молода, как ты сам, но уже проявила себя как талантливый правитель и успешный руководитель. Ее правовые реформы за семь лет изменили Эддис больше, чем можно было ожидать, когда она заняла трон. А в личном плане она вполне... привлекательна.

— Она некрасива, — возразил Евгенидис.

Халдей колебался.

— Может быть, не в общепринятом смысле.

— Она низенькая, плечистая, да еще со сломанным носом. Я бы сказал, нет, она далека от идеала.

— У нее чудесная улыбка, — возразил халдей.

— О, да, — согласился Евгенидис. — Ради ее улыбки люди готовы бежать за ней по раскаленным угольям.

Халдей пожал плечами.

— Полагаю, моему царю нравится она сама, — просто сказал он.

Евгенидис кивнул и уставился в огонь.

— Агапе, — сказал он.

— Хм? — отозвался халдей, озадаченный резкой сменой темы.

— Агапе двоюродная сестра царицы. Они с Эддис очень похожи.

— Разве она и не твоя кузина также?

— Ох, знаете, мы тут все двоюродные братья и сестры, — сказал Евгенидис, по-прежнему глядя на огонь. — Просто с разных сторон. Агапе дочь сестры матери царицы, а я в родстве с ней через моего отца, который является братом ее отца. Дед Агапе был единоутробным братом моего. — он махнул рукой, опуская подробности генеалогии. — У нас есть специальные жрецы, которые отслеживают родственные связи и тратят месяцы, выясняя, кому на ком можно жениться. Агапе теснее, чем я, связана с царицей и очень на нее похожа.

— Пожалуй, — согласился халдей.

— Может быть, вы сможете убедить Суниса жениться на ней? — предложил Евгенидис.

— Возможно.

— Бедняжка Агапе, — задумчиво сказал Евгенидис.

— У него не такой уж дурной характер, как ты думаешь, — сказал халдей, защищая своего царя.

— Уверен, что нет, — вежливо согласился Евгенидис, — но он пролил слишком много крови, желая получить женщину, которая его не хочет.

— Не новая вещь в мировой истории, — заметил халдей.

— Нет, — задумчиво согласился Евгенидис, — и, возможно, мне следует быть более отзывчивым, но я просто вернусь в постель.

— Мне остаться? — спросил халдей.

— Нет, — сказал Евгенидис. — Я откажусь от вина, как снотворного, и приму немного опиумной настойки Галена.

Он плавно помахал в воздухе левой рукой и скрылся в своей комнате.

* * *

Утром Вор попросил аудиенции у царицы, причем сделал это в официальном порядке через камергера, что было весьма необычным событием. Раньше, когда ему хотелось поговорить с ней, он просто так и делал; если он должен был говорить с ней тайно, он мог в любой момент появиться из воздуха рядом с ней, когда никого вокруг больше не было. Как-то после нескольких недель молчания и затворничества в библиотеке он разбудил ее среди ночи в ее собственной спальне, когда ее служанки спали в соседней комнатке, и попросил одолжить ему колесницу и несколько человек для того, чтобы уничтожить флот Суниса.

Теперь Эддис встретила его в небольшом зале в новом крыле дворца. Это был зал для официальных приемов с тронном, возвышавшимся над полом на три ступени. Сидя на нем, она всегда чувствовала себя канарейкой на жердочке, а не государыней на престоле. Царица посмотрела на своего Вора.

— Ты просишь моего разрешения сбежать и спрятаться? — спросила она.

Евгенидис вздрогнул, но затем кивнул. Он стоял перед ней, одетый в самый строгий костюм, его волосы были аккуратно подстрижены, а подбородок чисто выбрит.

— Да, — признался он. — Я прошу твоего разрешения сбежать и спрятаться.

— Евгенидис, я не могу позволить тебе бежать куда глаза глядят в порыве отчаяния. Только не сейчас.

— Я выгляжу настолько отчаявшимся? — спросил он, разводя руки в стороны.

— Я полагаю, что ты скрываешь под этим предлогом настоящую причину.

— Она хуже, чем приступ отчаяния, — ответил он, вдруг став очень мрачным.

— Существует что-то хуже? — Спросила она.

— О, да.

Он переступил с ноги на ногу и оглядел пустую комнату. Потом отвернулся, казалось, заинтересовавшись бордюром из золотых квадратов под потолком.

— Я в ужасе, — признался он.

Эддис подумала, что он шутит и рассмеялась. Он посмотрел на нее, потом отвел взгляд,

и она замолчала. Он скрестил руки на груди и, по-прежнему не глядя на нее, заговорил в стену:

— Эти люди в зале прошлым вечером...

— Они шутили.

— Я знаю, что они шутили. Но мне было не смешно, — рявкнул он и остановил себя. Его голова упала на грудь и он снова заговорил со стеной: — Единственное, что я мечтаю сделать прямо сейчас, это запереться в своей комнате и спрятаться под одеялом. Я хотел бы заснуть навсегда, но это недопустимо для героя Эддиса, — сказал он с горечью.

Он откинул волосы со лба и засунул руку под мышку.

— Я помню, как меня везли в горы. Помню почти все. Я думал, что со мной больше не случится ничего плохого, потому что я уже дома. Потом я услышал, как Гален говорит, что я могу ослепнуть. — он покачал головой. Эддис усилием сдержала дрожь. — И теперь я слышу, как люди смеются тому, что меня могли ослепить, оглушить и даже...

Евгенидис начал ходить по комнате.

— Ее новый удар был так же меток, как ее атаки, — сказал он. — Я слишком напуган, чтобы выходить из комнаты, и тем более быть полезным моей царице.

— Но ты сейчас не в своей комнате.

— Нет, и я делаю все возможное, чтобы не замереть от ужаса, как заяц-беляк перед волком, но я не знаю, как долго еще смогу продержаться, и вот почему мы обсуждаем это сейчас, а не на утреннем приеме перед лицом половины придворных.

Он перестал метаться из угла в угол, резко повернулся спиной к своей царице и сел на ступеньку у ее ног. Он подтянул колени к подбородку и плотно обхватил их.

— Я просто трус, — сказал он, корчась от отвращения к себе.

Глядя на него, Эддис заметила, что его туника стала слишком мала и трещит в плечах. Она вспомнила его многочисленные комментарии о ее плохо подогнанных платьях и сделала мысленную зарубку сказать ему в более подходящий момент о необходимости заказать новую одежду. Деньги у него были. Она передала ему все средства, вырученные за десять конфискованных у Аттолии караванов.

— Евгенидис, — сказала она, тщательно подбирая слова. — Ты позволяешь расстраивать себя глупой болтовней. Это пустые угрозы. Они ничего подобного не сделает.

— Ты так не думаешь, потому что она отрезала язык этому изменнику Малеверасу и держала его в клетке посреди двора целую неделю, прежде чем казнить его.

— Тогда она была царицей всего год. Он под видом ее союзника подговорил половину ее баронов восстать против нее и чуть не сверг ее. К тому времени, когда она обнаружила измену, у нее было очень мало реальной власти. Если бы она не запугала других поджигателей войны, она лишилась бы трона и, скорее всего, жизни.

— А тот барон, что грабил ее казну? Она отрезала ему руку, не так ли?

— Она казнила его. Я бы поступила точно так же, если бы один из моих сборщиков налогов финансировал восстание против меня из моей же собственной казны. Она велела отрезать ему руку уже после смерти для пущего эффекта. Я не думаю, что могла бы сделать то же самое, но я никогда не оказывалась в такой ситуации.

Евгенидис уставился на нее через плечо.

— Ты защищаешь ее, — заметил он.

Царица Эддиса недовольно фыркнула.

— Ничего подобного. Я считаю ее порочной, дикой и думаю, что она уже стоит на

границ безумия, но я заставляю себя быть честной. Аттолия творила все эти зверства не для личного удовольствия, — сказала она твердо. — И не из мести. Она делала все это для защиты своего трона.

Эддис перевела дух, чтобы продолжить:

— Я не хочу верить, что защищала бы свой трон такими средствами, но и свое поведение в этой войне я нахожу... не похвальным. Ген, я бы не начала эту войну, чтобы отомстить за тебя или даже, чтобы спасти тебя. И все же я думаю, какие дипломатические возможности я упустила, когда была так зла на нее?

Евгенидис лежал на спине на нижней ступени трона, сложив руки на груди и перекрестив лодыжки. Его манжета и крюк были инкрустированы золотом, чтобы соответствовать золотому канту на воротнике и рукавах куртки. Это было так похоже на него — дотошно следовать моде и одновременно иронизировать над ней. Эддис подумала, что он похож на нарядного покойника. Евгенидис повернул голову, чтобы посмотреть на нее и лежал молча еще несколько секунд.

— Если она не получает удовольствия от пыток, почему она не сделала разумную вещь и не повесила меня? — тихо спросил он. Это был неоспоримый аргумент. За ним последовал еще один. — Если она поймает меня снова, что помешает ей выполнить свое обещание?

Эддис колебалась. В прошлом Аттолия доказала, что не остановится ни перед чем для защиты своего трона. Насколько серьезную угрозу представлял для нее Евгенидис? Не такую большую, думала Эддис, но кто может ее измерить? Она тщательно обдумала свой ответ, прежде чем заговорить.

— Если она когда-нибудь снова схватит тебя, она тебя немедленно убьет. Она будет душой, если не сделает этого, но, Евгенидис, — она наклонилась и пристально посмотрела ему в глаза, — она никогда не получит тебя.

Евгенидис закрыл лицо рукой.

— Я тоже так думаю и верю в это, когда иду спать. Я говорю себе, что ей не удастся ничего мне сделать. Но потом мне становится страшно, — прошептал он. — И тогда я жалею, что она не повесила меня. Я молюсь своему богу, чтобы она повесила меня, и ненавижу мидянина.

Он засмеялся, а Эддис поморщилась.

— Итак, — сказал он, снова овладев своим голосом, — я получил разрешение исчезнуть, пока не перестану походить на испуганного кролика? Потому что не думаю, что смогу в ближайшее время соблюсти приличия.

— Как долго? — спросила Эддис.

— Несколько дней. Не больше десяти.

— Десять?

— Может быть.

— Бери столько времени, сколько тебе нужно, — мрачно сказала она. — Я объявлю, что послала тебя в прибрежную провинцию.

Это было лучше, чем он надеялся, но Евгенидис ничего не сказал. Он сел, потом встал и поклонился царице. Затем он вышел.

Он уехал на десять дней и вернулся ранним утром одиннадцатого. Эддис заметила его у стены тронного зала во время утреннего приема. Он выглядел усталым, но спокойным. Евгенидис лениво наблюдал, как она занимается делами: распределение налоговых льгот, пособий для сирот и вдов погибших солдат, компенсаций за сгоревшие фермы. Аттолия с Сунисом, казалось, полностью сосредоточились на войне друг с другом, но Эддис заботилась о том, чтобы все клочки ее пахотных земель были тщательно засеяны и ее люди получили еду, чтобы выдержать еще одну зиму без торговли. Блокада войск Суниса на Тегмисе продолжалась. Он предлагал мирные переговоры. Аттолия отвергала их.

Следующая неделя принесла известие, что Сунис вел переговоры о покупке кораблей с анонимной континентальной державой, готовой поддержать его в войне с Аттолией. Доставка кораблей планировалась в ближайшее время, чтобы прорвать блокаду Тегмиса и поддержать наземное вторжение до наступления осенних ураганов. Одним росчерком пера Сунис удвоил размеры своего флота, а Аттолия потеряла возможность заключить мир.

— Он знал о кораблях, когда напал на Тегмис, — сказала Эддис.

— Почти наверняка.

Военный министр взял слово на Совете Эддиса.

— Аттолия борется не только с Сунисом, но и со своими баронами тоже. Она не может одновременно командовать действиями сухопутных войск и флота, а ее новоиспеченные генералы не смогут вести войну, если бароны будут саботировать интересы Аттолии. Поражение при Тегмисе полностью лежит на совести барона Стадикоса. Сунис уже готовится отвоевать утраченные острова. Он начнет, как только получит новые корабли. Если он возьмет под контроль острова, Аттолии будет очень трудно остановить наземное вторжение.

— Она тонкий стратег. Вы уверены, что Сунис сможет вернуть острова даже с превосходящей огневой мощью? — спросил кто-то.

Военный министр пожал плечами.

— Кто знает? Сунис, конечно, не тонкий мыслитель, но и далеко не дурак. В последнее время мы надеялись, что Аттолия потеснит Сунис, не удовлетворившись тем, что он больше не угрожает ее трону, в то время как цель Суниса заключается в расширении своей гегемонии. Если он возьмет под контроль Аттолию, он может продолжить войну с Эддисом, нападая на нас с двух сторон. Единственным облегчением, на которое мы сможем надеяться, это то, что ему понадобится время, чтобы закрепиться на новой территории.

— Тем не менее, присутствие Мидии у побережья представляет для всех реальную опасность, и она усиливается. Сомнительно, что Сунис сможет быстро добиться победы и захватить в плен царицу. Если царица сбежит в Мидию, Император сделает все возможное, чтобы восстановить ее на троне в качестве своей марионетки. Он получит повод для высадки на побережье и, скорее всего, захватит Сунис, а потом и Эддис. Даже если он воздержится от прямого нападения, наша ситуация будет только ухудшаться без доходов от регулярной торговли. Так что, обращение Аттолии к Мидии за помощью будет для нас худшим из вариантов.

Царица попросила начать обсуждение, и все утро прошло за пересмотром деталей военных действий.

— Ваше Величество, — наконец подал голос ее Вор.

Он никогда раньше не говорил на заседаниях Совета, и все с удивлением повернулись к нему.

— Наша цель заключается в том, чтобы свергнуть Аттолию без привлечения Мидии. Если противоречия ее правления будут устранены, и правительство Аттолии станет более стабильным, но враждебным по отношению к Мидии, это может означать союз Эддиса и Аттолии против Суниса.

— Верно, — согласилась Эддис.

— Я думаю, — тихо сказал Евгенидис, — что смогу устранить нестабильность царицы Аттолии.

— Говори, — приказала Эддис, и Совет затаил дыхание.

— Сейчас Аттолия находится не в столице. Она живет в Эфрате на побережье. Там нет настоящего замка. Ее дом представляет собой укрепленный Мегарон в старом стиле, что несколько затрудняет мое перемещение в нем по сравнению со столичным дворцом или Мегароном царя Суниса. Тем не менее, Эфрата не очень хорошо защищена. У Суниса пока еще нет кораблей для нападения на нее с моря, а низкие хребты прибрежных гор и крутые берега Сеперхи защищают ее от внезапной атаки со стороны Эддиса. Чтобы добраться до нее, нашей армии придется прорвать блокаду в нижней части прохода, а потом пересечь реку и горы. Поэтому она не опасается нападения и держит в Эфрате только маленький гарнизон, состоящий из ее личной гвардии.

Совет смотрел на него с надеждой, боясь пропустить хоть слово.

— Если бы я мог попасть в Эфрату, я смог бы захватить царицу.

В прошлом он не нуждался ни в чьей помощи, и потому обсуждал свои дела наедине с царицей. Теперь же он говорил с ней в присутствии всего Совета, и его отдельные члены, стараясь не смотреть на него и его руку, быстро переглянулись друг с другом, все еще помня о юном Евгенидисе, поклявшемся не брать в руки оружия и публично заявившем об отказе от убийства людей.

— Нам потребуется достаточно большой отряд, — сказал Евгенидис.

— Как мы сможем захватить Эфрату? — спросил один из сидевших за столом. — Ты сам сказал, что вся ее армия располагается между нами и Сеперхи.

Евгенидис объяснил. Когда он изложил свой сложный план, стало ясно, где он находился последние десять дней. Царица смотрела на него суженными глазами, пока он объяснял, как диверсионный отряд проникнет в Аттолию и обойдет армию, разбившую лагерь на берегах Сеперхи.

— Она патрулирует границу вдоль подножия гор. — один из генералов, присутствовавших на Совете, решил высказаться. — Как вы сможете незаметно провести в страну такую большую группу солдат?

— Она не патрулирует антиутопию.

— По понятным причинам.

Антиутопия представляла собой черную каменистую равнину, возникшую после извержения Священной горы. Земля там была плодородной, но слишком грубой для обработки и сухой. Ее единственным источником воды был несудоходный Арактус, стекавший с плеча Священной горы через антиутопию к широкой Сеперхи.

— Как вы собираетесь незамеченными добраться до антиутопии, а затем пересечь ее?

Евгенидис посмотрел на отца.

— По Арактусу? — предположил тот.

Евгенидис молча кивнул.

— Что насчет гарнизона Эфраты? — спросил военный министр.

— Пятьдесят человек, — ответил Евгенидис.

После недолгой паузы отец кивнул.

— Это может быть сделано, — сказал он наконец.

Евгенидис повернулся к Совету.

— Как видите, — заявил он, — используя меньшие силы, мы избежим столкновения с аттолийской армией. Мы сможем захватить Мегарон, и нам не потребуется удерживать его, потому что после исчезновения царицы ее резиденция потеряет свое значение.

— А ты уверен, что она там?

— Да.

— И что она будет там, когда мы нападём?

— Мы сможем это определить.

Прежде чем кто-то еще успел заговорить, царица прочистила горло. Все глаза, кроме Евгенидиса, повернулись к ней. Он смотрел в пол.

— Прошу вас извинить меня, — сказала царица очень тихо, — я хочу поговорить с моим Вором.

Неуверенные в причине ее гнева, советники поспешно собрали бумаги и исчезли. Эддис смотрела на пустой стол.

— Пятьдесят человек, — сказала она.

— Да.

— Ты точно сосчитал?

— Я старался.

Эддис махнула рукой в сторону пустых стульев за столом.

— Они думают, что это я послала тебя. Они думают, ты опять отправился в Аттолию по моему приказу. Я разрешила тебе уйти и спрятаться, а не ползать вокруг Мегарона Аттолии, чтобы она могла изловить тебя снова. Ты в своем уме? — закричала она, вскочив и рассыпав бумаги, лежащие перед ней, отшвырнув перо так, что по столу за ним потянулась цепочка расплывшихся капель.

— Мне было страшно. Но я не мог сидеть здесь, трястись от страха и ничего не делать.

— Поэтому ты решил сделать это? Будь ты проклят, Евгенидис. Что бы я стала делать, если бы она поймала тебя?

— Я сидел в лесу, наблюдая, как люди входят и выходят из Мегарона. Я не приближался к ней.

— И сколько раз ты выходил из леса?

Евгенидис поколебался.

— Я вышел в город всего один раз.

Эддис смотрела на него и ждала.

— И я осмотрел наружные стены Мегарона.

— Что бы я делала, — повторила Эддис низким голосом, более страшным, чем ее крик, — что бы я делала, если бы она разрубила тебя на куски и прислала их мне обратно?

— Похоронила бы, — сказал Евгенидис.

Эддис откинулась на спинку трона и скрестила руки на груди. Она долго смотрела на Евгенидиса, а он терпеливо ждал.

— И теперь ты хочешь вернуться туда, — сказала она.

— Да.

— Евгенидис, ты ведешь себя как ребенок, который обжегся о горшок, а затем сказал,

что хочет прыгнуть в костер.

— Я не ребенок, — возразил Вор.

— Мы можем послать кого-нибудь другого, — сказала Эддис, не обращая на него внимания, полностью занятая поиском альтернативы.

— Никого другого не существует, — твердо заявил Евгенидис, прерывая ее размышления. — И я хочу сделать это сам.

— Не могу поверить. Если ты действительно этого хочешь, я прикажу запереть тебя, пока не придешь в себя. Там должен быть кто-то другой.

— Нет, — сказал Евгенидис.

— Да, — сказала его царица.

— Кто?

— Ген, — вынуждена была признаться Эддис, — хуже, чем потерять тебя, может быть только послать тебя снова туда и стать похожей на нее.

Он подошел и сел на низкую скамеечку у ее кресла.

— Я твой Вор. И как ты однажды напонила, член царской семьи. Кроме меня идти некому. И, моя царица, я хочу этого. — он посмотрел на нее. — Я не могу объяснить тебе, почему. Наверное, она самая страшная злодейка, раз заставила меня чувствовать это, но даже если я потом буду всю жизнь ненавидеть себя, я этого хочу. — он покачал головой, вероятно, презирая себя, и пожал плечами. — Она снится мне по ночам.

Эддис посмотрела на него сверху вниз и сухо сказала:

— Мы слышали, как ты кричишь.

Его резкий смех напоминал треск расколотого дерева.

— Я не могу этого сделать без твоего согласия. — он откинулся на ее ноги и поднял голову, чтобы заглянуть ей в лицо. — Моя царица, — тихо сказал он, — Ты не можешь говорить мне, что я уже взрослый герой, и держать меня на привязи, как маленького мальчика. Отпусти меня.

— Ах, Ген, когда я сказала, что ожидаю от тебя большего, я имела в виду совсем не это.

Она долго сидела и смотрела на свои руки.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Иди и укради царицу Аттолии.

Глава 12

Подготовка к плану Евгенидиса требовала времени. Весенние ливни сменились теплыми дождиками. Эддис под жемчужно-серыми небесами засветился молодой зеленью. Независимые купцы высаживались в маленьких бухтах на побережье Эддиса, и их небольшие караваны проникали в горные долины прибрежных провинций. В столице женщины и мужчины, слишком старые для армии, шили стеганные куртки для солдат. Двоюродный брат Евгенидиса Кродес, служивший личным курьером царицы, по несколько часов в день занимался с учителем, оттачивая свое произношение, а Евгенидис, в свою очередь, брал уроки верховой езды, горько жалуясь на отбитый зад.

* * *

Поздно вечером в своем Мегароне в Эфрате царица Аттолии отложила в сторону перо. Она несколько часов корпела над бумагами за письменным столом, списывая страницу за страницей, свертывая конверты, скрепляя свои письма воском и запечатывая перстнем, одной из многих своих печатей. Завтра утром царские курьеры сложат их в почтовые кожаные сумки с царской эмблемой. Кто-то из них поскачет по Аттолии, а кто-то взойдет на борт маленького быстроходного судна, ожидающего в гавани Эфраты.

Она устала, так устала, что с трудом держала голову, пока Фрезина ласково расчесывала ее волосы и заплетала их перед сном в косу. Фрезина укоряла царицу за тени под глазами.

— Вы исхудаете до костей, потеряете всю свою красоту и ваши женихи перестанут интересоваться вами.

— Это всего лишь личина, Фрезина. Женихи и так мной не интересуются.

— Ну, вы скоро останетесь без своей личины, если не будете о ней заботиться.

— Тогда я заменю ее другой.

— Какой же?

— Энергичной правительницы. Такую предпочитают носить мужчины, но не возражают видеть и на своих женщинах.

— Может быть, вам следует выйти замуж, пока ваша красота не исчезла?

Фрезина ступила на опасный путь. Служанки слишком хорошо знали Ее Величество, чтобы затевать подобные разговоры. Фрезина никогда не видела, чтобы ее царица теряла самообладание, но ее видимую безмятежность не стоило принимать всерьез. Она была неизменно вежлива и сдержанна со своими женщинами. Может быть, потому что она никогда не допускала излишней близости, любой знак доверия с ее стороны высоко ценился ее слугами. Тем не менее, она правила своим двором и страной твердой рукой. Замерев с гребнем в руке, Фрезина подумала, что царица на самом деле столь безжалостна, какой кажется своим врагам, и положение старшей служанки ценится слишком высоко, чтобы

болтать лишнее.

— Фрезина, — сказала царица, не поворачивая головы, — я умею читать твои мысли.

Служанка проворно вернулась к своей работе.

— Тогда вы знаете, что старая Фрезина не желает вам зла, — сказала она.

Фрезина вышла, и тишину в комнате не нарушало ничего, кроме непрерывного шума волн, долетающего через открытое окно. Узкий серп луны плыл по небу, пока его лучи не упали на ковер посреди комнаты, но Аттолия все еще не спала. Она поднялась с постели и взяла халат, висевший на спинке кровати в ногах. Еще год назад в комнате появилась бы женщина, готовая служить беспокойной царице, но Аттолия давно приказала своим служанкам не покидать своих комнат в ночное время. Она сама могла надеть халат и налить воды в стакан, если бы захотела пить. Ей хотелось побыть одной.

Она сунула руки в широкие рукава халата, завернулась в него и передвинула кресло, чтобы сидеть в полосе лунного света у окна.

— Черты бы его побрал, — выругалась она тихо, — чтобы его разорвало, гореть ему в преисподней, черт, черт, черт, — как будто ее проклятия могли стать камнями, под которыми будет погребен Вор Эддиса.

Она вздохнула и попыталась привести в порядок свои мысли. Если она не собирается спать, ей следует обдумать некоторые стратегические задачи. Мидийский посол был настойчив в своем внимании к ней. Близкий родственник Императора и брат наследника Императора, он являлся вполне приемлемым женихом. Несомненно, эти качества повлияли на выбор посла для Аттолии. Но ей бы хотелось, чтобы он не смазывал свою бороду так густо. Запах его масла был слишком навязчив.

Ее мысли полетели к запаху масла для волос, которым она пользовалась в детстве. После того, как она разбила амфору, она больше никогда им не пользовалась. В тот день ее старший брат упал с лошади и умер, и земля перевернулась под ее ногами. Весь знакомый мир изменился, она сама стала другим человеком, очутившись в новой комнате дворца, с новым видом из окон, с новыми слугами, сменившими ласковую няню. Из принцессы царского дома, которая могла через несколько лет выйти замуж за приятного молодого человека, она превратилась в принцессу, муж которой станет следующим царем Аттолии. Золотые украшения ее матери были отобраны у отцовских наложниц и переданы ей. Гребни в волосах стали красивее, серьги в ушах тяжелее, а масло для волос душистее.

Через месяц отец выбрал ей мужа, продав ее сыну самого могущественного барона страны в обмен на мирное окончание царствования. Сидя в лунном свете у окна, Аттолия вспоминала год перед свадьбой, проведенный по обычаю в семье ее будущего мужа. Окруженная незнакомыми людьми, полностью изолированная от друзей, она слушала, как ее свекор и жених строили планы по уничтожению царя и захвату трона, чтобы, пользуясь украденной властью, высасывать все соки из страны для удовлетворения собственного аппетита.

Тихо сидя в своем углу с прялкой или шитьем, она наблюдала, как жених пытается следовать запутанной интриге отца и злорадствует каждой измене или смерти соперника. Это ее жених стал называть ее тенью принцессы. Он сказал, что она тиха и уныла, как тень, и это было правдой. Резко перейдя в подростковый возраст, она стала слишком высокой и неуклюжей. Ее лицо было бледным, и так как она не красила его, то выглядела простой и бесцветной. Ее дамы красовались золотыми серьгами и браслетами, строили глазки ее жениху, и он уходил к ним после своих визитов. Он называл ее тенью принцессы и обещал,

что когда-нибудь она станет тенью царицы.

У Аттолии было несколько собственных безделушек, но сидя в своем углу и прилежно работая иглой, она мысленно составляла список царских драгоценностей, которые когда-нибудь перейдут в ее распоряжение. Она прислушивалась к планам свекра и строила собственные планы. И еще она собирала листья колеуса. Его можно было разыскать в саду под живой изгородью во время прогулок вокруг виллы. Она связала листья в пучок одной из своих лент и повесила среди платьев в шкафу. За шесть недель до ее возвращения во дворец, где ей следовало готовиться к свадьбе, пришло известие о смерти отца. Ее жених явился в ее комнату с видом настолько торжествующим и самодовольным, что это уже было оскорблением само по себе, и сообщил, что ее отец был отравлен неизвестным убийцей. Принцесса чувствовала, как ее лицо каменеет и превращается в неподвижную маску. Она убежала к себе в спальню и ждала, когда смерть отца будет отомщена, но этого не случилось. Наконец, она поняла, что сделка выполнена. Разве он не получил то, чего ожидал? Разве он не достиг мирного конца своего правления?

Она вернулась в столицу под осторожный надзор шпионов жениха. Она оставалась тенью принцессы, тихой и скучной, и пассивно ждала похорон отца и собственной свадьбы. А затем на свадебном пиру, когда ее придворные были заняты друг другом, она отравила своего жениха.

У него была скотская привычка лезть в ее тарелку, когда он опустошал свою. Когда его кубок опустел, он потянулся к ее вину, отметив, что она уже попробовала вино. Сидя за свадебным столом с губами, горящими от яда колеуса, она прикасалась ими к краю чаши, делая вид, что пьет, а затем наблюдала, как он взял ее кубок, так же небрежно, как ее страну, выхлебал в несколько глотков и умер.

Бароны Аттолии набросились друг на друга, обвиняя в убийстве, а царица удалилась в свои покои и ждала, пока бароны решат, кто станет следующим царем. Поздно ночью ее, наконец, вызвали посмотреть на человека, который с помощью посолов и угроз смог завербовать достаточно союзников, чтобы провозгласить себя царем. Ее пальцы снова сжались, когда она вспомнила презрительный взгляд служанки, посланной за ней. Она помнила, как бароны смотрели на нее — так мужчины глядят на рабынь — и один из них рассмеялся, когда она шла через комнату, чтобы сесть на трон. Этот же человек приказал ей быть готовой к завтрашней свадьбе. Она бесстрастно кивнула, и капитан ее телохранителей поднял арбалет и выстрелил в сердце претенденту на ее руку.

Эффект превзошел все ожидания. В ошеломленной тишине она разделила имущество умершего барона между его соперниками и сообщила им, что самостоятельно выберет следующего царя Аттолии. Затем она удалилась, чтобы дать им время свыкнуться с новыми реалиями своего правления: жизнь под ее надзором, заложники под ее опекой и армия под ее контролем.

Больше ее никогда не называли тенью царицы. Знания, полученные ею от отца жениха, когда он пытался вбить в тупую голову сына сложную интригу для захвата трона, и царские драгоценности были ее единственным ресурсом.

Она тщательно оценивала окружавших ее мужчин и женщин и осторожно передавала им свои сокровища. Золотые серьги в виде пчел, которые были старше царской династии, броши и булавки, рубиновые серьги, золотые браслеты и ожерелья постепенно перетекали в руки надежных людей. За год она узнала все, что следовало знать о самых могущественных баронах отца, и хоть они еще спорили между собой, кто может стать следующим царем, она

взошла на престол в одиночестве.

Она не заключала сделок с армейскими офицерами, но содействовала становлению внефеодальной иерархии, создавая армию нового типа, служащую ее целям, а не вечно враждующим баронам. Она использовала свою новую армию, чтобы уничтожить бывшего свекра, и снова обращала ее против своих противников, чтобы утихомирить баронов и обогатить своих сторонников.

Ее каменная маска, скрывающая чувства, становилась все тяжелее и тяжелее по мере того, как она была вынуждена переходить ко все более крайним мерам для удержания трона. Окруженная людьми, которые боялись и ненавидели ее, она не доверяла никому и говорила себе, что не нуждается в доверии. Однажды, сразу после захвата трона, она позвала к себе свою прежнюю няню, предложив ей стать личной служанкой, но женщина отказалась приехать во дворец. В ярости Аттолия сама отправилась к ней в деревню, желая увидеть, как ее арестуют за отказ служить своей царице.

Няня, которая пришла когда-то во дворец молодой женщиной, стала дородной матроной. Она вышла замуж и родила детей. Теперь она стояла во дворе, глядя на царицу, и спрашивала:

— Где мои дети? Где мой муж, Ваше Величество?

Аттолия не заметила их отсутствия и не беспокоилась о них, пока женщина сама не спросила ее. Няня подошла ближе к царице и пояснила:

— Двое мужчин пришли в мой дом и сказали, что заберут к себе моих детей, пока я буду служить царице. Разве это не вы посылали их?

Удивленная Аттолия покачала головой.

— Я тоже подумала, что нет. Сейчас мой муж увел детей и прячется с ними, но разве они будут в безопасности, если я уеду во дворец? Сможете ли вы доверять мне, если моим детям станут угрожать?

Она протянула руку, чтобы коснуться колена Аттолии в знак мольбы и доверия, и так же покачала головой.

— Ваше Величество, вы ищете служанку, которой можете доверить свою жизнь, но ее здесь нет. Здесь нет ни одного человека, которому вы сможете доверять.

Аттолия развернула свою лошадь и ускакала.

В том же году она приказала изготовить головной убор с рубинами, чтобы носить его в волосах вместо царских драгоценностей. Это была копия золотой ленты с головы знаменитой статуи богини Гефестии в главном храме Эддиса. Гефестия повелевала старыми богами так же, как Аттолия намеревалась управлять своими баронами: единолично.

Она вернула себе золотых пчел и прочие царские украшения, выкупив их у людей, ранее подкупленных ею; иногда драгоценности возвращались к ней без частей, которые уже невозможно было восстановить, но она ежедневно продолжала носить ленту, напоминающую подданным о ее власти. Ночью рубины лежали на бархатной подушке возле ее кровати.

Однажды утром она обнаружила, что лента немного сдвинута со своего места, а рядом с ней красуется пара рубиновых серег. Сначала она подумала, что это подарок одного из льстецов, действующего с попустительства служанок: недавно прибывшего мидийского посла, например, или одного из придворных, ищущих ее расположения. Но прежде чем она успела допросить своих женщин, в ее душе начало расти беспокойное подозрение, что это вовсе не приношение неизвестного поклонника, а новая насмешка вора из Эддиса. Она

никогда не носила рубинов, а эти серьги были выполнены в том же стиле, что и золотая лента.

Она снова вздохнула, устало поднялась со стула и пошла еще раз посмотреть на них в лунном свете. Она открыла шкатулку и ногтем указательного пальца пошевелила их на бархатной подкладке, избегая прикасаться, словно они могли обжечь ее. Она захлопнула шкатулку, положила одежду на кресло, легла в постель и, наконец, заснула.

* * *

— Она вернула себе Тегмис.

Нахусерех сидел у себя в кабинете, похлопывая сложенным письмом по колену. Камет остановился в дверях.

— Будет ли это достаточным поводом для вашей высадки? — спросил он.

Нахусерех перебрал письмо Императора на стол секретаря. Император ждал новостей о развитии ситуации и не обрадуется, узнав, что Тегмис благополучно вернулся в руки Аттолии. Посол не стал отвечать на вопрос секретаря, но решил высказать свои мысли вслух.

— Я почти не знаю ее генералов. Она достаточно умна, чтобы держать их от меня подальше, отсылая прочь сразу после аудиенции наедине и никогда не оставляя мне возможности изучить их. Если бы я знал, кто будет руководить захватом Тегмиса, я мог бы убить или искалечить его. Она обращается к нам только тогда, когда отчаянно нуждается в помощи.

— Если вы не сможете определить ключевых генералов и не обезглавите ее армию, что тогда? — спросил Камет. — Император не начнет войну с континентальными державами? Они связаны договором и будут защищать этот берег, если вы атакуете его.

— Так или иначе, мы получим наше приглашение, и однажды впустив нас сюда, царице очень трудно будет отправить нас обратно домой, — сказал мидянин. — Но, Камет, в последнее время я заметил у тебя неприятную привычку путать местоимения. Ты сказал «вы атакуете» вместо «мы атакуем».

Секретарь опустил глаза и тихо ответил:

— Извините меня.

— Конечно, — сказал мидиец. Он, прищурившись, посмотрел на секретаря. — Ты склонен выдать индульгенцию варварам, Камет?

Раб слегка покачал головой, все еще глядя в стол перед ним.

— Я надеюсь, что не рассердил вас.

Он поднял голову и осмелился на самоотверженную улыбку.

— Боже мой, — заметил Нахусерех. — Камет, ты влюблен.

Камет снова опустил глаза.

— Она очень красива, — заявил он в свое оправдание.

Нахусерех рассмеялся.

— О, да. Ее красотой будут восхищаться даже кошки при императорском дворе, но я не ожидал, что ты падешь жертвой красивого лица.

Секретарь пожал плечами, мудро решив не признаваться, что он всего лишь сочувствует варварской царице, чья страна и свобода ускользает из ее рук.

Глава 13

Царский инженер фиксировал уровень воды, проходящей через шлюзы плотины на водохранилище Хамиатеса, и сообщал результаты измерений царице Эддиса. В период обильных весенних дождей и таяния снега в горах шлюзы оставались открытыми. Закрытие их угрожало прорывом дамбы.

Когда поток воды ослабел, на равнины уже пришло лето, и Аттолия с Сунисом продолжили свою войну, оставив на границе с Эддисом часть армии: Аттолия со своей стороны, а Сунис со своей. Аттолия отступила от островов, захваченных Сунисом, терпеливо ожидая ошибки противника. Наконец инженер сообщил, что можно будет закрыть створки шлюзов на целый день или ночь и превратить полноводный Арактус в небольшой ручей без риска повреждения плотины. Армия Эддиса получила приказ спуститься с главного перевала до границы с Аттолией, оставив небольшие силы для защиты моста на случай, если Сунис узнает о передислокации и решит атаковать.

Многочисленные костры эддисийского лагеря дали знать Аттолии о накоплении сил противника на ее фронте, и ее армия в свою очередь начала подготовку. Аттолия ожидала, что царица Эддиса приложит усилия, чтобы потеснить своих врагов, в противном случае ее народ мог оказаться следующей зимой на грани голода.

* * *

— Она не заключила союз с Сунисом? Ты уверен? — спросила она Секретаря архива.

— Наверняка ничего не известно, Ваше Величество. — после возвращения вора Релиус стал осторожнее в своих суждениях. — Если даже Сунис и заключил какое-либо соглашение с Эддис, никому об этом не известно. Это не означает, что он пропустит возможность напасть, как только вы окажетесь вовлеченной в сухопутный конфликт.

— Мы можем контролировать побережье, — спокойно сказала Аттолия, — и если мы потеряем острова, то мы, в конечном итоге, сможем получить их обратно. Пока мы держим Тегмис и Солон, ему нелегко будет начать вторжение. Думаю, Эддис сделала тактическую ошибку, если считает, что сможет зажать нас в тисках между ней и Сунисом.

— Используете ли вы мидийские корабли, чтобы потеснить флот Суниса?

Аттолия покачала головой.

— Нет. Для этого мне их помощь не нужна.

* * *

Когда солнце наполовину скрылось за горизонтом, инженер водохранилища приказал

затворить главные шлюзы на дамбе и внимательно наблюдал за выполнением работ. Вода пенилась у деревянных ворот и струйками просачивалась в узкие щели, но створы выдержали. Царский курьер передал новость во дворец, где люди ждали команды к отправлению. Эддис в последний раз переговорила с офицерами и командиром экспедиции, а так же с Вором. Дав им последние наставления, она послала их в путь. Когда Вор уже стоял в дверях, она окликнула его.

— Моя царица? — он повернулся, не зная, чего она хочет.

— Удачи, — сказала Эддис.

Евгенидис улыбнулся и склонил голову.

— Моя царица, — повторил он, возможно, в последний раз.

Затем он исчез за порогом.

По руслу обмелевшего Арактуса, по колено в воде, колонна солдат начала свой трудный путь в темноте; многие оглядывались через плечо на плотину, пока она не исчезла из вида.

Учитывая, что свет факела можно было заметить за много миль со стороны Аттолии и сообщить в столицу, диверсанты спускались с гор, следуя друг за другом, освещенные только светом полной луны. Скалистые берега опустевшего русла образовывали глубокий узкий каньон. Кое-где в каменных стенах зияли провалы с черными тенями, казавшиеся ответвлениями ущелья. Русло реки под ногами было неровным и каменистым, а многие из солдат были обременены лестницами, а также оружием и снаряжением. Те, кто замыкал колонну, тащили колесные лафеты с блоками, деревянными балками квадратного сечения и пушками.

Время от времени мимо проходили офицеры, поглядывающие в сторону верховьев реки и подсчитывающие время с помощью карманных часов. Солдат не нужно было подгонять, она сами торопились идти как можно быстрее, насколько позволяли груз и вода, местами доходившая им до пояса. Евгенидис держался ближе к пушкам и волновался не меньше царских офицеров.

Все вздохнули с облегчением, добравшись к концу первой ночи до места отдыха. Солдаты установили лестницы вдоль стен каньона, остальные выстроились в очередь, чтобы подняться из воды. Кое-кто, стремясь быстрее выбраться из русла реки, вскарабкался на крутой берег самостоятельно. Поднявшись из ущелья, солдаты постарались как можно удобнее устроиться на узком выступе, тянувшемся вдоль русла Арактуса. Здесь река начинала крутой спуск вниз, и скалистые выступы, не поддавшиеся эрозии, образовали ступени гигантского порога, скрывавшие солдат от любого случайного наблюдателя из долины.

Ксенофонт, возглавлявший экспедицию, стоял на каменном козырьке над Арактусом и наблюдал, как поднимаются люди и втаскивают наверх снаряжение. Последний человек достиг безопасного убежища, и лестницы были подняты и уложены, когда в небе на мгновение блеснула вспышка прожектора. Это был зеленый свет, сообщающий, что ворота шлюза открылись в заранее согласованное время, а не красная, несущая вест, что плотина не выдержала, и сокрушающая все на своем пути водяная стена несется вниз.

Ксенофонт высматривал Евгенидиса. Он, как мог, сопротивлялся, не желая брать под свою команду Вора. С военной прямоотой, вытеснивший тактичность придворного, он указал своей государыне, что Вор не имеет понятия о дисциплине и никогда никому не подчинялся. Царица только улыбнулась и заверила его, что Вор обещал быть послушным. Скрепя сердце, Ксенофонту пришлось уступить, но Евгенидис так хорошо держался в период подготовки

операции, что командир начал коситься на него с осторожным одобрением.

Вор сидел дальше по краю каньона с часами в руках, пытаясь разглядеть циферблат в лунном свете.

— Работа вашего брата? — спросил Ксенофонт, подойдя ближе.

— Да, — сказал Вор. — Он сделал их специально для меня.

— Что со временем?

— Чуть не опоздали. Они пустили воду полчаса назад, а мы использовали это время, чтобы подняться сюда. Должно быть, вода движется дольше, чем мы рассчитывали.

— Это нельзя считать неожиданностью. На следующих этапах они увеличат пределы безопасности.

Потом они ждали, пока уровень Арактуса не поднимется до прежней высоты, уменьшая давление на шлюзы и достигнув прежней скорости течения. После весеннего паводка течение Арактуса часто перекрывали заторы мусора и топляка, и эддисийцы надеялись, что снижение уровня воды не будет заметно в низинах, где каналы оросительной системы уже были разрушены после наводнения и не восстанавливались, так как могли быть затоплены снова.

Они ждали весь день. Те, кто мог, спали, остальные смотрели в голубое небо, опасаясь появления облаков. Летние дожди не представляли опасности для плотины, но если тучи скроют луну, скалистое русло станет почти непроходимым.

Когда солнце зашло, и небо потемнело, вода в реке иссякла; солдаты спустились вниз и пошли дальше.

К концу второй ночи марш-броска Ксенофонт остановился посреди русла, глядя на отвесные стены по обе стороны от него.

— Ни черта не вижу, — сказал он.

— Вот одно, — Евгенидис указал на черное отверстие в скале, подозрительно напоминавшее квадрат. — Остальные тянутся за ним на том же уровне.

Ксенофонт помахал людям с лестницами, и они подняли и установили их рядом с отверстиями, вырезанными в каменных стенах. Работая осторожно, с большой долей риска, они смогли поднять и закрепить в стенах ущелья ряд поперечных балок. Здесь было самое узкое место реки, чуть выше крутого обрыва. За водопадом солдаты получили бы место на берегу, но рассвет приближался, и у них не оставалось времени, чтобы спуститься вниз по скалам до возвращения Арактуса. Выбраться из каньона также не было возможности. Даже если бы они могли взобраться на отвесные скалы, на их вершинах они оказались бы выставленными на всеобщее обозрение всем, находящимся ниже по течению.

Балки точно и аккуратно вошли в узкие пазы, высеченные в камне.

— Как давно это здесь? — спросил Ксенофонт.

Вор только пожал плечами.

— Вам следовало спросить моего отца. Это военный объект, и я узнал о нем случайно. На него ссылались в свитке столетней давности, — сказал он. — В Аттолии тогда случились какие-то беспорядки, и царь разместил здесь часовых. Отверстия уже существовали.

— А вы уверены, что они находятся выше уровня воды во время половодья?

— Сто лет назад так и было, — ехидно ответил Евгенидис.

Ксенофонт нахмурился и мрачно уставился на Вора.

— Ваш отец дал мне слово, что эти отверстия существуют и смогут удержать балки над пропастью, и что эти балки будут находиться выше уровня реки.

Евгенидис смягчился.

— Мы присылали сюда каменщиков убедиться, что они не разрушены. Они находятся много выше уровня паводковых вод.

Ксенофонт посмотрел на сооружение у себя над головой. Сети, натянутые между балками, образовали несколько платформ.

— Пора подниматься наверх, я полагаю.

Он посмотрел на Вора, а затем быстро отвел глаза в сторону, в последнюю секунду воздержавшись от вопроса, сможет ли Евгенидис подняться без посторонней помощи. Очевидно, он мог, так как прошлой ночью всем уже пришлось воспользоваться лестницами. Вор промок до самой шеи, должно быть, он несколько раз падал в воду, но так выглядели почти все. Те солдаты, которые на занимались сборкой платформ, стояли по колено в воде и дрожали от холода.

Евгенидис заметил взгляд Ксенофонта и догадался о его смысле. Он напрягся, а Ксенофонт вздрогнул. Он совсем не хотел обидеть Вора. На всякий случай он отвернулся и приказал солдатам перейти к следующей позиции. Они закончили сборку второй платформы, и им предстояло установить третью чуть ниже по течению.

Позже, когда первый свет зари показался над горизонтом, Ксенофонт осторожно пересек платформу и уселся рядом с Евгенидисом. Он был впечатлен способностью молодого человека идти в одном темпе с остальными солдатами, и колебался, не зная, следует ли ему выразить свое одобрение, когда Вор заговорил:

— Я думал, что нам должны сообщить с верхней платформы, когда пушки и лафеты будут подняты вверх, — сказал он.

— Наверное, они не были уверены, что связной успеет спуститься по скале до прихода воды, — ответил Ксенофонт. — А каньон здесь слишком глубокий, чтобы увидеть сигнал фонаря.

— Думаю, что вода уже поднялась до обычного уровня, — произнес Евгенидис, но в это время удар сотряс платформу.

Как и остальные солдаты, Ксенофонт вцепился в сеть под собой. Хладнокровие сохранял один Вор. Он наклонился вперед и смотрел на реку внизу.

— Что это было?

— Я не уверен, — ответил Евгенидис. — Что-то большое. Может быть ствол дерева, смытый с берега, когда из шлюзов пустили воду. — в его голосе звучало сомнение. — Но это могла быть одна из пушек, — сказал он. — Это был скользящий удар.

Они одновременно представили, во что превратились бы деревянные балки под ними после прямого удара.

* * *

Царица Аттолии вздрогнула во сне и проснулась. Она медленно села, пытаясь развеять остатки неприятного сна, и оглядела комнату. При свете ночника она могла рассмотреть стопку бумаг на столике у кровати, но в дальние углы свет не проникал. Черная тень таилась за шкафом, достигая края занавешенного шторой окна. Она села, опершись спиной на подушки и натянула одеяло до подбородка, борясь с детским желанием позвать свою старую няню. Ей было страшно отвести взгляд от угла за шкафом, в котором мог таиться враг.

Царица сидела, глядя в угол, до утра. Поднялось солнце, тень посветлела и исчезла.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

* * *

Когда последние проблески солнца в небе поблекли, и вода Арактуса иссякла, люди с платформ спустились на влажное дно реки. Связной сообщил, что три лафета с пушками смыло в реку, когда воды Арактуса прокатились по каньону. Они потеряли шестнадцать человек, когда два из упущенных лафетов обрушили балки платформы, находящейся ниже по течению. Четырем из двадцати солдат удалось зацепиться за сети и прибиться к берегу. Остальных обнаружить не удалось.

Пушки были найдены у подножия большого водопада, где Арактус спускался к антиутопии. Две из них оказались разбиты и непригодны для использования. Ксенофонт осмотрел третью и решил, что она еще сможет окупить трудности транспортировки. Он фыркнул, увидев ее на берегу и сказал:

— Хвала богам, что нам не придется доставать ее со дна.

Промойка под водопадом, куда падали воды Арактуса, была очень глубока, дна не было видно, так что извлечь пушку из нее было бы попросту невозможно.

Ущелье здесь расширялось, вдоль берега тянулась полоса песка, так что солдаты смогли провести день в относительном комфорте. Зажигать огонь по-прежнему опасались, но люди достали из непромокаемых заплечных мешков сухие куртки и штаны и переоделись. Когда солнце зашло, Ксенофонт начал осторожное движение через антиутопию. Пушки ехали невероятно медленно, и тащившие их солдаты ругались шепотом себе под нос.

— Пограничные патрули Аттолии далеко отсюда? — уточнил Ксенофонт у Евгенидиса.

Они неоднократно обсудили все детали в Эддисе, но Евгенидис был счастлив успокоить его, малодушно радуясь, что вся ответственность за руководство операцией лежит не на нем, а на Ксенофонте.

— Сомневаюсь, что они повернут своих лошадей в сторону антиутопии без уважительной причины, тем более ночью, — сказал он.

Ксенофонт уже не радовался тому, что Вор не выказывает обиды за оплошность командира предыдущим вечером.

— Это самый глупый план за всю мою карьеру, — сказал он.

— Я люблю глупые планы, — ответил Евгенидис. — Как долго мы будем идти через антиутопию?

— В два раза дольше, чем без этих дурацких пушек.

Евгенидис рассмеялся.

Эддисийцы добрались до края антиутопии и вышли на опушку Елеонского моря, простиравшегося до подножия гор Гефестии. Они перегруппировались в боевые единицы и устроились на отдых. Костров по-прежнему не разжигали, а оливковые деревья скрывали их от посторонних взглядов. После полудня офицеры вывели солдат на одну из узких дорожек, выходящих между рощами, и они начали движение к Сеперхи. Прежде чем эддисийцы достигли большой дороги, они встретили лошадиного барышника. Купец выглядел настоящим скрягой, но он отдал всех своих лошадей эддисийцам, не взял ничего взамен, и исчез среди олив, чтобы вернуться в Эддис.

Лошади были впряжены в лафеты, и отряд, возглавляемый Ксенофонтом, свернул с тропы на дорогу, а с потом с дороги к небольшому городку у реки. Горожане равнодушно смотрели на солдат в стеганых куртках, которые заменяли им доспехи. Все они были окрашены в небесно-голубой и желтый цвета аттолийской армии. Замаскированные эддисийцы прошли через город к докам, где их уже ждали четыре корабля. Без лишних слов офицеры развели солдат к речным судам и отправили их вверх по сходам. Командиры орудий, сопением и вздохами маскируя свой акцент, пробормотали команды распрячь лошадей и сложить пушки на краю дока, где их с помощью лебедки погрузили на один из кораблей.

Евгендис смотрел, не смея вмешаться, но прошептал на ухо Ксенофону:

— Боги всеблагое, пусть никто не заметит, что мы погрузили все двенадцать пушек на один корабль.

Ксенофонт вздрогнул, но тоже смолчал. Его приказ или ответ солдата могли разоблачить их перед аттолийцами. До сих пор они выглядели просто солдатами, торопящимися выполнить свое задание. Через час они отчалили, лодки двинулись вниз по реке, а агент Эддиса, нанявший суда, отчитался перед Ксенофоном. Он был купцом и гражданином одного из городов-государств на Полуострове, и не питал особой преданности ни Аттолии ни Эддису. Он был всецело предан своему кошельку и обещал остаться с эддисийцами, пока потребность в его услугах не будет исчерпана.

Корабли были оснащены запасом провианта и имели небольшие очаги для приготовления пищи. Каждый солдат получил по кружке горячего кофе и устроился поудобнее на своем месте у борта. Они не планировали рисковать, причаливая к берегу, пока не придет время высадки.

Глава 14

В Эфрате Аттолия сидела в большом кресле на возвышении, которое служило ей тронem во время приездов в резиденцию. До нынешней войны с соседями ее визиты сюда были редкостью. Замок в Эфрате был совсем небольшим. Как в большинстве поместий мелких баронов Суниса и Аттолии, в нем был только один большой зал, который при необходимости превращался в укрепленную крепость.

Слово «Мегарон», которым первоначально называли здание, состоящее из одного помещения, теперь обозначало вид замка с большим залом внутри.

Рядом находилась гавань, тоже небольшая и плохо защищенная от летних бурь, а так же крошечный городок, не знавший времен процветания. Теперь это место вполне соответствовало целям царицы, позволяя ей находиться вблизи своей армии, блокировавшей проход к Эддису, и поддерживать связь с кораблями, перемещавшимися от гавани к гавани по ее приказу. Ни один из кораблей не задерживался в доках надолго. Ее флот был не настолько велик, чтобы она позволила себе роскошь поставить боевые корабли на якорь в Эфрате, мелкая гавань которой сама по себе представляла опасность для больших судов. Все корабли ее военного флота курсировали между островами. Она передавала приказы морякам с курьерами на быстроходных почтовых парусниках, но два дня назад один из них был отправлен в столицу — он вез обратно Секретаря архива, наблюдающего оттуда за событиями, и гавань опустела.

Сидя на троне, Аттолия слушала доклады генералов из армии и от шпионов Релиуса. Доклады шпионов касались, в основном, ее собственной армии, в первую очередь офицеров, получивших должность по наследству, но они так же подтверждали информацию о том, что армия Эддиса разбила лагерь у подножия главного прохода.

Аттолия сочла это тактической ошибкой, и осталась довольна. Эддис вывела свою армию из-под защиты установленных на перевале пушек, и не могла быстро отступить вверх через узкий проход. Армия Аттолии была больше и лучше вооружена. Она уже собиралась вызвать министров на военный совет, когда дворецкий объявил посла Мидии. Царица отпустила курьеров и улыбнулась мидянину.

— Вашему Величеству вряд ли стоит прерывать свои дела ради меня, — сказал он, выходя вперед.

— Дела можно отложить ради удовольствия, Нахусерех. Я думала, вы в столице, в десятках миль отсюда.

— Там стало слишком скучно без вас, — ответил он, склоняясь над ее рукой. — И невыносимо тревожно думать, что вы здесь, возможно, нуждаетесь в моей помощи.

Он произнес это с улыбкой, как бы уверяя ее, что он шутит и полностью уверен в ее способности управлять армией и баронами.

— Как приятно видеть рядом надежного друга, — сказала царица, пожав его руку, прежде чем отпустить ее. — Но лучшей помощью для меня всегда является ваше общество.

Она знала, что военные корабли Императора Мидии курсируют в нейтральных водах за пределами внешних островов, ожидая ее призыва о помощи.

— Ради этих слов, — еще раз поклонился мидянин, — можно было проехать любое расстояние.

Он с любопытством обвел взглядом комнату и быстро оглянулся. Царица уловила его тонкий намек, кивнула одному из слуг, и стул был поставлен рядом с троном.

— Ваше Величество очень любезны, — сказал посол, усаживаясь. — Но мне кажется, ваши слуги не очень усердны.

Он снова с неодобрением осмотрел комнату. Простые белые стены без всяких украшений поднимались к скромно раскрашенному потолку. Узоры на расписных полах вытерлись со временем и были нечеткими.

— Это очень старое здание, — с улыбкой ответила царица. — Этот Мегарон стоял на вершине холма еще в те времена, когда на месте дворца вашего Императора в Сидосиане паслись козы.

Мидийский посол явно предпочитал роскошь старине. Он не сказал этого, но царица его поняла. И все же она была царицей Аттолии, а это был ее Мегарон, и потому она предпочитала его всему великолепию мидийских дворцов с их обложенными расписной плиткой стенами и золотыми куполами.

Мидянин сменил тему.

— Эддис перемещает войска?

— Возможно.

— И ваши бароны воздерживаются от предательства?

— Скорее воздерживаются от глупости. — Аттолия отмахнулась от войны и баронов небрежным взмахом руки. — Скажите, как вы добрались?

Мидянин плыл на корабле и высадился на побережье всего в нескольких милях от порта Реи, но очень убедительно пожаловался царице на дурные дороги между столицей и Эфратой и на совсем отвратительные пружины своей кареты.

— Бедный Нахусерех, — сказала царица, — так страдать из-за меня.

Она томно откинулась на спинку кресла.

— По крайней мере мне повезло не попасть под дождь.

— Собирается дождь? Я замуровала себя в этом зале с этими утомительными людьми на весь день и не видела неба.

— Да, — сказал Нахусерех. — Безусловно, будет дождь.

* * *

Облака еще не опустились достаточно низко, чтобы накрыть горы, и дозорные Эддиса видели, как в берегу причалил мидийский корабль. Они передали сообщение о высадке, а также о погоде своей царице, которая разбила шатер над армейским лагерем.

— Аттолия не станет атаковать в дождь, — сказала Эддис. — Сегодня мы можем надеяться на что-то посущественнее летнего дождика, и, возможно, она вызовет своих баронов, чтобы передать указания. — она боялась, что царица может оставить резиденцию для проверки расположения своей армии. — Пока она в Мегароне, думаю, мидянин сам по себе не нарушит планов Евгенидиса.

Царица Аттолии с нетерпением ждала прибытия последнего из приглашенных баронов, когда капитан ее стражи Телеус вошел в комнату и приблизился к трону. Он наклонился, чтобы что-то тихо сказать на ухо царице. Она слушала неподвижно, сосредоточенно сощутив глаза. Когда он закончил, она быстро встала. Все сидящие за столом Совета встали также, в то время как царица покинула комнату.

Она вышла на крыльцо, когда со двора уводили усталых лошадей. Шестеро забрызганных грязью солдат стояли в центре двора, окруженные любопытными. При виде царицы зрители исчезли. Грязные солдаты встали по стойке «смирно», а один из них шагнул вперед.

— Царский курьер? — спросила Аттолия.

Стоявший у нее за спиной капитан гвардии ответил:

— Только что убит из арбалета на опушке леса.

— А письмо, которое он вез? — царица обратилась к прибывшему лейтенанту.

— Мы успели забрать почтовую сумку, Ваше Величество, — сказал он, подойдя еще на один шаг.

Он передал сумку с царским знаком в руки Телеуса.

— Хорошо, — похвалила царица.

Она взяла сумку, открыла ее, достала сложенное письмо и вернула сумку обратно Телеусу. Аттолия быстро осмотрела отпечаток на воске, прежде чем сломать печать, и начала читать послание. Закончив, она подняла голову.

— Отправьте их в казарму и накормите, — сказала она капитану и начала подниматься по ступеням лестницы к дверям Мегарона.

Лейтенант поклонился Телеусу и кивнул своим людям, направляя их к двери, ведущей со двора в казарму. Телеус понял, что лейтенант не впервые в Эфрате, и оставил его размещать своих солдат самостоятельно. Он последовал за царицей.

Нахусерех видел, как они вышли, и принял к сведению почтовую сумку, покачивающуюся на ремне в руке Телеуса. Он удивленно приподнял бровь. Он был уверен, что перекрыл все пути в Эфрате и держит под наблюдением всех царских курьеров.

Перед дверью зала Советов, Аттолия повернулась к Телеусу.

— Сообщи в столицу Хопсису, — сказала она. — И Релиусу тоже. Барон Эфкис предал нас. Один из его слуг сообщает, что он позволил эддисийскому отряду, приплывшему по Сеперхи, высадиться на этом берегу реки. Они, скорее всего, уже в лесу.

— В гавани нет почтового корабля, — сказал Телеус. — Один сегодня не вернулся. Следующий будет только завтра.

Царица выругалась со свирепостью, несомненно, ошеломившей бы мидийского посла.

— Возьми одну из рыбацких лодок в деревне, — приказала она. — В Рее должен быть корабль.

— Как эддисийцы смогли незаметно пробраться до Сеперхи? — спросил Телеус.

— С помощью предательства, — ответила царица, пожав плечами. — Я не думаю, что это кто-то из офицеров на мосту у старого русла Арактуса, но если на них напали и перебили всех до единого, то эддисийцы, возможно, могли пройти незаметно. — она снова выругалась. — В письме сообщают о пушках, — сказала она.

— Мы не продержимся против пушек, — возразил Телеус. — Мы должны послать за армией.

— Попробуй, Телеус, — сказала царица. — Но я боюсь, что уже слишком поздно.

Она подошла к окну над воротами замка, чтобы посмотреть через поле на лесистый гребень, закрывавший берег Сеперхи. Холмы, заросшие лесом, тянулись до дальних полей. Сами поля были больше похожи на лоскутное одеяло, раскинутое вокруг Мегарона и соседней деревни. Эддисийцы смогут, оставаясь под прикрытием деревьев, направить всю огневую мощь своих пушек на ветхие стены Мегарона. Капитан указал на тело гонца, все еще лежащее в сумерках на дороге.

— Вы не можете забрать тело? — спросила она.

Капитан покачал головой.

— Эддисийские арбалетчики держат ворота под прицелом. Мы попытались отправить людей в деревню, но они не смогли пройти из-за арбалетного огня и вернулись.

Царица кивнула. Ей стало страшно.

— Если бы мы смогли достать лодку, мы послали бы кого-нибудь на побережье в Рею, но, думаю, что барон уже успел ее захватить, — сказала она.

Они с Телеусом помолчали, наблюдая за передвижением людей в лесу.

— Пилоксидис услышит, если они начнут обстреливать замок, — резко сказала царица. — Тогда он придет.

— Да, — сказал гвардеец.

Ему эта мысль в голову не приходила.

— Значит, нам просто нужно продержаться до прихода Пилоксидиса.

Пока не стемнело, они смотрели как эддисийцы размещают свои пушки вдоль кромки леса. Они даже могли слышать ругань работающий солдат. Одна из пушек сорвалась со строп и скатилась в оросительную канаву на краю поля. Эддисийцы, рискуя попасть под арбалетный огонь со стен Эфраты, поспешили вниз, чтобы закрепить веревки и втянуть пушку обратно на склон.

— Одиннадцать пушек, — сосчитал капитан. — Они смогут начать стрелять уже утром.

Прогредел отдаленный гром, и оба они поглядели на облака.

— Летняя гроза, — сказала Аттолия.

— Это странно, — заметил Телеус.

Гром прогредел еще раз, они замолчали, прислушиваясь.

— Это пушки Пилоксидиса, — наконец сказала царица. — Должно быть, эддисийцы атаковали со стороны перевала. Он ничего не услышит.

Она снова посмотрела в сторону темных деревьев.

— Черт побери, — сказала она.

— Ваше Величество? — Телеус был застигнут врасплох.

— Они могут захватить Мегарон, — с горечью признала Аттолия, — и всех моих баронов тоже. В конце концов, Пилоксидис отвоюет его обратно. Передай им, что мы сдадимся до полудня. — она с мрачной улыбкой повернулась к своему капитану гвардии. — Я сожалею, что оставляю тебя, Телеус. Ты понимаешь, что меня здесь не будет, когда эддисийцы возьмут Мегарон?

— Я понимаю, Ваше Величество.

Телеус поклонился.

— Вызывай переговорщиков, — сказала царица и вышла из комнаты.

Пока Телеус подавал знаки эддисийцам, она вернулась в свою спальню и отпустила служанок. В спешке она собрала кое-что из вещей и теплый плащ, а потом села, чтобы написать несколько писем. Закончив, она вызвала из-за двери охранника и послала его за капитаном.

После того, как он ушел, и коридор опустел, она вышла из спальни и поспешила к маленькой запертой двери, нащупывая в кармане ключ. За дверью начиналась узкая винтовая лестница, ведущая вниз. Дождавшись, когда залы Мегарона опустеют, царица осторожно передвигалась от одной двери к другой, к новым лестницам, ведущим к более глубоким коридорам, прорезанным в скале под Мегароном.

Она захватила лампу, но та не понадобилась. Лампы по всему коридору уже горели на стенах, зажженные гвардейцем, которого Телеус выслал впереди нее. Они никого не видела, пока не дошла до последней двери. Рядом с ней ожидал охранник Телеуса. Он услышал ее шаги и встал по стойке «смирно», когда она повернула из-за угла. Если он и считал ситуацию неординарной, то ничем этого не выказывал. Глядя на противоположную стену, он с готовностью повернулся ухом к царице и ждал ее приказа.

— Лодка готова?

— Да, Ваше Величество.

Лодка всегда была готова. Она сама открыла дверь, и охранник последовал за ней. За дверью было темно, холодно и сыро. Они находились в пещере под Мегароном, в секретной гавани. Было слышно, как вода плещет о причал, а через устье пещеры царица могла разглядеть белые гребешки волн. Свет из коридора озарял док, и царица не стала тратить время на лампу. Лодка с парусом, обернутым вокруг мачты, ждала ее. Это была небольшая лодка, но вполне достаточная для двух человек, и Аттолия была уверена, что она сможет послужить своей цели. Ей не нужно было плыть далеко. Она направится к мидийским кораблям, а позже придумает, как избавиться от их предложений о военной помощи и объяснит Нахусереху, что для него места в лодке не нашлось.

В тусклом свете она прошла по доскам причала и остановилась около лодки. Причальные канаты позволили суденышку отплыть на несколько футов в сторону. Она приказала стражнику подтащить лодку ближе. Краем глаза она заметила, как он покорно вошел по колено в воду и двинулся к лодке. Он спокойно зацепил деревянный борт крюком вместо отсутствующей правой руки.

* * *

Телеус стоял на стене над воротами и смотрел вниз на эддисийца. Он ожидал, что переговорщик прибудет на лошади, и удивился, когда солдат пешком вышел из-под прикрытия деревьев и пошел через поле к Мегарону.

— Хотите сдаться? — крикнул человек в стеганой куртке.

— Утром, — ответил Телеус.

— Ладно. Мертвого так и оставите лежать до утра?

Царский курьер лежал на дороге в сгущающихся сумерках.

— Мы заберем его сегодня вечером, если не возражаете, — сказал Телеус.

— Я передам своим, — ответил солдат и махнул рукой Телеусу, прежде чем вернуться в лес.

— Позвольте мне, капитан, — сказал голос за спиной Телеуса.

Он повернулся и узнал лейтенанта, привезшего почтовую сумку.

— Он был моим другом, — сказал солдат. — Я заберу его.

— Хорошо, — согласился Телеус.

Чуть позже капитан остановился около одного из столбов, поддерживающего широкое крыльцо Мегарона, и заметил лейтенанта, верхом на лошади ожидающего, когда откроют ворота. Его сопровождали четверо остальных прибывших с ним солдат. Телеус раздраженно пробормотал, ни к кому конкретно не обращаясь, что для того, чтобы забрать одно тело, пятерых человек не требуется. Он начал спускаться по ступеням, но ворота распахнулись, и всадники исчезли. Он ждал во дворе, чтобы поговорить с лейтенантом, когда тот вернется. Вдруг со стены раздался крик, он бросился вверх по лестнице к стражнику над воротами. Вглядываясь в сгущающуюся темноту, он не мог разглядеть на дороге никого. Ни всадников ни трупа не было видно.

— Курьер? — спросил он.

— Вскочил на ноги, как только они подъехали, — ответил охранник. — Оказался не мертвее нас с вами. Один из посыльных поднял его в седло, и они умчались в лес.

Телеус уставился на гвардейца. Пять человек. Шесть новых солдат минус один.

— Следуйте за мной, — приказал он ближайшим охранникам и побежал вниз по лестнице еще быстрее, чем поднялся.

Когда он опустился на колени, Аттолия повернулась, чтобы рассмотреть его лицо. Он вырос, поняла она. Мальчишки часто словно выстреливают вверх, становясь мужчинами, но ее шпионы то ли не заметили, то ли не догадались сообщить ей. Он был чуть ниже ее и с коротко остриженными волосами под шлемом; она не обратила на него внимания, когда увидела во дворе среди грязных солдат. Тогда у него вместо крюка была прицеплена фальшивая рука. Она догадалась, что он скрыл ее под перчаткой для верховой езды. Но больше всего перемену в нем выдавал не рост, не длина волос, а выражение лица. Он смотрел на нее так же бесстрастно, как, Аттолия знала, смотрит она сама. Она чувствовала неподвижную маску на лице. Ей пришло в голову, что если поискать гвардейца, посланного Телеусом, она найдет его где-то рядом, но не связанного и оглушенного, а мертвого.

— Ты изменился, — сказала Аттолия.

— Я это уже слышал. В лодку, Ваше Величество, — сказал Евгенидис, кивнув головой.

Он по-прежнему сидел на корточках рядом с лодкой, совсем близко от нее. Черная вода колыбалась у него под рукой, готовая поглотить ее тело.

Аттолия вспомнила, как он выглядел в замке на Сеперхи, где она впервые увидела его: избитый, бледный от потери крови. Тогда он сказал ей, что она красивее Эддис, но не так добра, и улыбнулся удовлетворенной улыбкой лучника, чья стрела попала в цель. Аттолия удивилась, что он не улыбается сейчас, даже чтобы позлорадствовать. После недолгого колебания она вошла в лодку. Корпус лодки качнулся под ней, и она быстро села на деревянную скамью около мачты. Она плотнее запахнулась в плащ, чтобы прогнать озноб.

— Пока есть жизнь, есть надежда, Ваше Величество? — спросил Евгенидис, его голос ничего не выражал.

Аттолия не ответила. Она смотрела на мачту перед собой, в то время как вор остро заточенным внутренним ребром крюка обрезал веревку, стягивающую парус. Веревка упала к ее ногам, и освобожденный парус захлопал на ветру. Евгенидис отвязал лодку и, держа канат в руках, протащил ее к краю причала.

Они услышали отдаленный крик, Евгенидис заторопился. Он оттолкнулся от причала и прыгнул на корму. Лодка снова вздрогнула. Аттолия схватилась за скамью. В раскрытом дверном проеме показались силуэты мужчин, но лодка уже вылетела из пещеры навстречу ветру. Внезапно парус наполнился, суденышко рванулось вперед, и Аттолия откинулась назад. Евгенидис упал на заднее сиденье и положил крюк на рулевое весло, чтобы править. Он поправил парус, и лодка прибавила скорость, оставляя пещеру позади. К тому времени, когда солдаты Аттолии добежали до причала, лодка была вне досягаемости, невидимая в темноте.

В гавани было беспокойно, и лодка мячиком прыгала с волны на волну. Аттолия чувствовала, как брызги летят ей в спину, и порадовалась, что плотная ткань плаща почти непроницаема для воды. Она плотнее завернулась в теплую ткань.

Очень скоро они оставили гавань и вышли в темное море. Евгенидис, казавшийся черным силуэтом на корме лодки, повернул в направлении береговой линии Эддиса, и теперь ветер дул им в спину. Аттолия через плечо смотрела, как исчезают огни Мегарона, пока они совсем не скрылись за скалистым мысом. Они плыли все дальше, вода постепенно просачивалась сквозь плащ Аттолии, плеща через нос лодки у нее за спиной.

— Вы умеете плавать, Ваше Величество? — Спросил Евгенидис.

— Нет, — коротко ответила она.

* * *

Телеус повел солдат из пещеры на нижний этаж Мегарона. На верхней площадки лестницы их ожидал мидянин.

— Не хотите мне сказать, что стало причиной этой суеты, капитан? — спросил он, и Телеус поколебался, но не нашел причины скрывать факт похищения царицы. Мидиец мрачно улыбнулся.

— Вор Эддиса очень умен. Не сомневаюсь, что он уже утопил ее, пока мы тут с вами мило беседуем, — сказал посол. — Возможно, он и сам утонет, если собирается плыть вдоль побережья в условиях нулевой видимости.

Кажется, идея утопить царицу пришла к Нахусереху по душе. Телеус наблюдал за ним, сузив глаза.

— Мы должны послать весть армии на перевале, — сказал Телеус.

— Зачем? — поинтересовался мидянин, удивленно подняв брови. — Чтобы организовать торжественные похороны?

— Она не могла умереть, — рявкнул Телеус.

— Пожалуй, да, — задумчиво согласился мидянин. — Наверное, я ошибся. Пожалуйста, извините, эта весть застала меня врасплох. Думаю, мне сегодня стоит поужинать в своей комнате.

* * *

— Ваше Величество, — сказал Евгенидис несколько часов спустя. — Будьте любезны, нагните голову, я собираюсь сделать поворот через фордевинд.^[5]

Аттолия открыла глаза и посмотрела на него. Ветер прогнал облака, и луна освещала воду вокруг лодки и высокие черные скалы на берегу.

— Я перекину парус на другой борт, — пояснил Евгенидис. — Вы ведь не хотите, чтобы рангоут ударил вас.

Аттолия молча наклонилась вниз. Евгенидис перевел румпель на другую сторону, и лодка качнулась. Парус прокатился над головой и захлопал на ветру. Лодка накренилась, и Аттолия бросилась к поднимающемуся борту, но Евгенидис сидел неподвижно, откинувшись назад и крепко держа руль. Скорость лодки, вставшей к ветру боком, казалось, увеличилась вдвое; Аттолия вцепилась в деревянное сиденье под собой и смотрела, как быстро приближаются отвесные скалы.

Она напряглась, и ее пальцы сжались, когда Евгенидис, провел лодку между острыми

зубцами, окруженными белой пеной, и поплыл прямо к каменной стене, в которой она не видела ни единой трещины. Потом он снова перекинул парус, и она заметила прямо по курсу узкое отверстие. Минуту спустя они уже двигались между его стенами. Ветер стихал, и вода успокаивалась, плавно поднимаясь и опускаясь. Скорость, набранная лодкой, влекла ее вперед, а Евгенидис осторожно обходил опасные участки, которые царица не могла разглядеть.

Двигаясь все медленнее, они скользили по маленькой бухте, окруженной скалами. Здесь совсем не было ветра, и гладкая, как зеркало, вода отражала луну, сияющую у них над головами. Тишина гавани после шума бурного моря казалась нереальной. Аттолия снова пересела на середину скамьи, глядя прямо перед собой.

— Ваше Величество, — спокойно произнес Евгенидис и ждал, когда Аттолия поднимет глаза и посмотрит на него.

Его лицо хранило все то же непроницаемое выражение. Глядя на него, Аттолия вспомнила день, когда в зале для аудиенций она стала царицей «де юре» и «де факто». Ее капитан гвардии, предшественник Телеуса, устранил ее самозваного жениха, а она оставила баронов одних осознать реалии ее правления и ушла к себе в спальню. В последний раз она вошла в эту комнату, прежде чем переселиться в царские апартаменты. Она стояла перед гладким серебряным зеркалом и изучала свое лицо, иногда прикасаясь к щекам и подбородку, спрашивая себя, неужели ее кожа действительно настолько затвердела, как ей кажется. В зале, еще не зная, выполнит ли капитан свое обещание, она чувствовала себя больной от страха и напряжения, но ни единого признака ужаса или отвращения не отразилось на ее лице. С тех пор она стала царицей с каменным лицом. Маска была необходима ей, чтобы править людьми, и она была рада спрятаться под ее защитой. Теперь она спрашивала себя, рад ли своей маске Евгенидис.

— Теперь вы должны сделать выбор, — сказал вор. — По собственной воле или нет вы можете зайти в воду. Я останусь в лодке и прослежу, чтобы вы не вышли обратно.

Он толкнул цепь, лежащую у его ног, она звякнула и Аттолия опустила глаза. Цепь была в пять или шесть футов длиной с двумя крюками на конце. Она представила, как эти крюки запутаются в складках ее одежды, как вор выбросит прикрепленное к цепи ядро за борт, заставляя ее погружаться в воду все глубже и глубже.

Она бесстрастно посмотрела на Евгенидиса. Она считала, что он проделал слишком долгий путь, чтобы просто утопить ее, но нельзя было не учитывать, что в своей профессии он был чрезвычайно дотошен и привык продумывать все мелочи, чтобы быть уверенным в результате.

Он не пошевелился, но снова заговорил:

— Или вы сможете предложить мне нечто более интересное, чем держать вашу голову под водой до тех пор, пока из легких не выйдет весь воздух.

Аттолия представила, как она по собственной воле или нет вдохнет черную воду, но не смогла себе представить, что может заменить Евгенидису жажду мести. Это было все, о чем она мечтала бы на его месте.

— Я хочу стать царем Аттолии, — сказал он.

Царица моргнула. Она окинула взглядом маленькую гавань и откашлялась, прежде чем заговорить.

— Ты привез меня сюда и спрятал за камнями свидетелей, чтобы я перед смертью объявила тебя своим наследником?

— Я не собираюсь становиться вашим наследником, — сказал вор.

— Тогда кем? — спросила Аттолия.

— Для мужчины существует очень простой способ стать царем, — ответил Евгенидис и приготовился ждать, когда она поймет, что именно он предложил.

Аттолия уставилась на него.

— Ты хочешь жениться на мне? — недоверчиво спросила она.

— Если вам неприятно выходить замуж за однорукого мужчину, можете винить в этом только себя.

— И когда это ты дорос до мужчины? — спросила Аттолия, приподняв бровь; в ее голосе звучал неприкрытый сарказм.

Евгенидис не попался на ее удочку.

— Это ваш выбор, Ваше Величество, — тихо сказал он.

— А если я решу умереть здесь?

Единственным ответом был плеск воды о дно лодки и шепот волн у подножия скал.

Наконец Евгенидис заговорил:

— Тогда в Аттолии разразится гражданская война, и придут мидяне. Они будут править Аттолией и Сунисом, а Эддис отступит в горы.

— Эддис не выживет без торговли Суниса и Аттолии. Вы не прокормите себя. Если твоя царица разрушит Аттолию, она разрушит собственную страну.

— У нее есть пираты.

Царица снова оглядела гавань, прекрасно понимая, насколько полезной она могла оказаться для страны, не имеющей собственного флота.

— Очень остроумно с ее стороны. Конечно, у нее есть пираты. Но сможет ли она управлять ими?

— Ну, достаточно, чтобы служить нашим целям. И достаточно, чтобы спасти Эддис от голода.

— Это только ваши ожидания.

Евгенидис пожал плечами.

— Эддис очень долго будет бедной страной, пока Мидию не вынудят уйти с этого берега, но Эддис будет существовать еще много лет после того, как с карты мира исчезнут и Аттолия и Сунис. Мы сможем укрепиться в горах.

— А если я решу не умирать?

— Тогда я провожу вас к моей царице, чтобы начать переговоры о брачном контракте. Армии Эддиса и Аттолии вместе смогут защититься от Мидии и принудить Сунис к миру.

— И ты будешь царем Аттолии?

— Да.

— А я стану тенью царицы?

— Вы будете править. Я не буду вмешиваться, но вы примете эддисийских советников.

— И буду наблюдать, как моя обескровленная страна платит дань Эддису, казна пустеет, налоги поднимаются, крестьян продают в рабство, а бароны снова становятся истинными правителями страны, свободными творить, что им заблагорассудится?

— Вы беспокоитесь о своем народе, — спросил Евгенидис, — как добрая царица, да?

— Да, — прошипела Аттолия и наклонилась вперед, сжав кулаки.

Евгенидис оставался бесстрастным. Аттолия видела его лицо в лунном свете, но не могла понять, радуется ли он, что смог ее разозлить. Она выпрямилась на скамье и взяла

себя в руки.

— Да, я беспокоюсь. Это моя страна.

Вор подумал, прежде чем заговорить.

— Если я стану царем, Эддис получит мир, а не дань.

Царица недоуменно фыркнула, а затем села и обхватила себя руками, чтобы согреться, пока она думает. Она промокла и замерзла и, сидя напротив Евгенидиса, чувствовала себя почти старой. Ее кости ныли. Евгенидис, она была уверена, был слишком молод, чтобы знать, как ноют кости. Что бы он о себе ни думал, он был только чуть больше, чем мальчик. Однорукий мальчик. Она откинула влажные волосы со лба, спрашивая себя, когда она успела опуститься так низко, чтобы мучить детей. Этот вопрос она задавала себе ночь за ночью, лежа без сна в своей постели или сидя в кресле у окна в лунном свете, глядя как звезды медленно движутся по небу.

— Я слушала за дверью твоей камеры каждую ночь, прежде чем отправить тебя в Эддис, — неожиданно сказала Аттолия.

Евгенидис молча ждал продолжения.

— В первую ночь ты плакал, — сказала она.

Она подождала его реакции, но ничего не заметила.

Она стояла за дверью его камеры в тусклом свете фонарей, одна, потому что отпускала сопровождающих. Одна, потому что не хотела уподобиться тюремщикам, издевающимся над раненым вором. Он плакал, задерживая дыхание, мучительные рыдания вырывались из его горла снова и снова, когда ей уже казалось, что он обессилел. Наконец, он заснул, но царица спать не могла. С того самого вечера звук его стонов не давал ей уснуть и будил среди ночных кошмаров.

— На следующую ночь ты снова и снова повторял одни и те же слова. Наверное, к тому времени у тебя началась лихорадка. Ты помнишь, что ты говорил?

— Нет.

Зато она помнила каждое слово. Его голос, хриплый и запинаящийся, заполнял ее сны, пока она не начинала плакать во сне, проливая о нем те слезы, которыми никогда не могла оплакать отца или себя саму.

— Oxe Harbrea Sacrus Vax Dragga... — начала она.

Евгенидис приподнял подбородок, услышав первые слова.

— Мы призываем Великую Богиню на ее весеннем празднике, — спокойно сказал он, — моля ее о помощи нуждающимся. Старинный гимн.

— Разве она приходит на помощь нуждающимся? К тебе она не пришла.

— Вы должны принять решение, Ваше Величество, — напомнил Евгенидис. — У нас осталось не так много времени.

Стояла тишина, пока Аттолия думала, в том числе о мидийском после, его приятном лице и быстрой улыбке.

Евгенидис ждал.

— Хорошо, — сказала царица, глядя ему прямо в глаза. — Стань царем Аттолии. Но никогда не пей из моего кубка, если хочешь жить.

— Вдоль бортов лежат весла, — указал Евгенидис, его голос был лишен триумфа. — Вам придется грести к пристани.

Он руководил, наклонившись вперед и указывая крюком вместо руки, а она наклонялась вперед и откидывалась назад, опуская весла в черную воду и толчками продвигая лодку к

маленькой пристани, построенной на берегу у основания скалы.

Она не умела грести, и им потребовалось полчаса, чтобы добраться до причала. Аттолия привязала лодку, и Евгенидис вышел. Он повернулся и предложил ей руку. Уже стоя на досках пристани, он закрыл глаза и потянулся, чтобы размять плечи. Аттолия сунула руку в прорезь в складках платья на боку, где она носила нож в кожаных ножнах, но он исчез. Пропал также ритуальный кинжал с ее пояса и даже маленький стилет, замаскированный под шпильку в волосах.

Она повернулась к Евгенидису и увидела, что его глаза широко открыты, а в руке поблескивают все три ножа, разведенные веером. Действуя одной рукой, он по очереди подбросил их в воздух и поймал за лезвия, а затем протянул царице рукоятками вперед. Она колебалась, ожидая, что он отдернет руку, но он стоял неподвижно.

— Здесь все три, — сказал он.

Когда она взяла их, он указал место на груди чуть ниже сердца.

— Удар сюда, — сказал он, — будет наиболее эффективным, но можно бить практически в любое место. Вы сможете столкнуть меня в воду, — добавил вор. — Я не знаю, выплыву ли с одной рукой.

Аттолия молчала, ожидая ловушки. Луна скрылась за облаком, Евгенидис казался черной фигурой на фоне темной воды.

— Перед тем, как принять решение, — продолжал он, — я хочу, чтобы вы знали, что я люблю вас.

Аттолия рассмеялась. Евгенидис покраснел в темноте.

— Я всю жизнь была окружена лжецами, но никто не умеет лгать так забавно, как ты, — сказала Аттолия, улыбаясь.

— Это правда, — пожал плечами Евгенидис.

— Ты понял это внезапно? Во время наше прогулки?

— Нет, — спокойно сказал вор. — Когда я украл Дар Хамиатеса, я уже любил вас. Только не понимал. Тогда я думал, что вы исчадие ада, — признался он, склонив голову набок, — но я уже любил вас.

Он продолжал:

— Незадолго до смерти дед привел меня во дворец, чтобы я смог увидеть его своими глазами. Однажды ночью у вас был праздник, дворец был полон людей и все танцевали. Я решил спрятаться на огороде, потому что там должно было быть пусто, но как только я вошел внутрь, дверь из цветника открылась и появились вы. Я видел, как вы прошли между рядами капусты, а потом стали танцевать под апельсиновым деревом. Я сидел у вас над головой на одном из деревьев.

Аттолия посмотрела на него. Она помнила ту ночь.

— И сколько тебе было лет? — спросила царица. — Шесть?

— Чуть больше, — ответил Евгенидис, улыбаясь воспоминанию.

— Телячья любовь, — сказала царица.

— Телячья любовь обычно не выживает после ампутации, Ваше Величество.

— Я отрезала тебе руку, вместо того, чтобы вырвать сердце, — жестко сказала Аттолия. — Ты думаешь, что все еще любишь меня?

— Да.

— И ты думаешь, что я тебе поверю?

Евгенидис опять пожал плечами.

— Вы можете убить меня здесь, Ваше Величество, и покончить с этим. Или можете мне поверить.

Он снова видел ее бледно-голубое платье, танец в лунном свете, словно череда девушек окружала ее хороводом, ее руки, раскинутые для объятия братьям и сестрам, существующим только в ее воображении. Он никогда не видел ничего столь же прекрасного и печального. Он вспомнил, как ее щеки окрасились румянцем, когда он назвал ее жестокой. Позже, когда халдей предложил снабдить его более актуальной политической информацией, чем имелась в его собственной библиотеке, Евгенидис внимательно приступил к чтению, пытаясь разобраться, действительно ли Аттолия дьявол во плоти, как о ней говорят, или всего лишь женщина, правящая страной без поддержки баронов. В конце концов, он принял данный ему много лет назад совет деда и решил проверить все лично.

— Я люблю вас, — повторил он. — Вы можете мне верить.

Аттолия посмотрела на него чуть дольше, все еще держа нож наготове. Потом она убрала его в потайные ножны и шагнула вперед. Она приложила одну руку к его щеке. Он стоял неподвижно.

— Вот что я думаю, — сказала она. — Вверху на лестнице тебя ждут твои люди, и если я поднимусь одна, меня там убьют.

— Там лодка, — тихо сказал Евгенидис, не шевелясь под теплом ее руки.

— Если я сяду в нее, смогу ли я выгрести между скал?

— Нет.

— Тогда поднимемся по лестнице вместе, — сказала царица и отвернулась от него.

Глава 16

Каменные ступени, ведущие с берега были кое-где прорезаны трещинами. Некоторые трещины были закрыты деревянными досками. Евгенидис пропустил царицу вперед, чтобы она сама задавала темп, и чтобы ему было легче следить за ней. Подъем согрел ее и позволил размять мышцы, но ноги в войлочный туфлях все еще были мокрыми и замерзшими. Каждый шаг отдавался болью в уставшем теле. Она несколько раз проверяла, на месте ли ножи. На первой площадке, где деревянный мост вел на другую сторону узкого ущелья, она повернулась, чтобы заговорить с Евенидисом. Он стоял ниже нее, предусмотрительно держась вне пределов досягаемости.

— Вы не подкупали Эфкиса, — сказала она.

— Нет, — ответил Евгенидис. — Это была ложь. Мы подделали письмо. Лейтенантом был мой двоюродный брат Кродес. Он несколько месяцев шлифовал свой аттолийский акцент. Почтовую сумку с царским знаком мы взяли у вашего посланника в Эддисе.

— Но вы провели своих людей мимо дозоров Эфкиса. И пушки... — сказала она. — Одиннадцать пушек. Как вы их доставили?

— Они были деревянными.

— Деревянными?!

— Деревянными, — подтвердил Евгендис. — Фальшивыми. Мы переправили их вниз по Сеперхи на лодке, а затем сбросили за борт и вытянули на берег.

— Ублюдок, — сказала Аттолия.

— Еще какой! — ответил Евгенидис, и на его лице снова мелькнула знакомое Аттолии выражение меткого лучника.

Через мгновение улыбка исчезла. Аттолия повернулась, чтобы подниматься дальше. Она не желала смотреть назад на Евгенидиса. Она поднималась решительно и быстро, словно гнев жег ей пятки. Евгенидис следовал за ней, слушая, как ее дыхание становится все более натужным, и ожидая, что она устанет и пойдет медленнее. Но царица отказывалась сбавить скорость. Пытаясь справиться с одышкой, она продолжала подъем.

— Ваше Величество, — сказал Евгенидис.

Царица остановилась и повернулась, глядя на него сверху вниз. Евгенидис заговорил прежде, чем придумал что сказать. Он просто хотел, чтобы она остановилась, надеясь, что после перерыва она пойдет медленнее. Он смотрел на нее, утратив дар речи от ее красоты и презрения.

— Я хотел спросить, понравились ли вам серьги? — неуверенно сказал он.

Казалось, он слышит яростный шум крови, затопляющий ее разум.

— Мне могли понравиться твои серьги? — язвительно спросила она. — Настолько, что я захотела бы выйти за однорукого мальчишку? Однорукого «босняка»? — она использовала кличку, которой жители равнины называли горцев Эддиса. — Когда я в самом деле захочу выйти за тебя, я одену твои серьги. Но не жди, что это случится скоро, вор.

Она повернулась спиной к Евгенидису и стала подниматься так же быстро, как раньше.

— Ваше Величество, — позвал он.

— Что еще?

— Это долгий подъем, — сказал он, очень подавленный. — Если вы будете идти так же быстро, вы умрете от удара, не добравшись до вершины.

— Уверена, что мне хватит сил выдержать еще и это, — отрезала Аттолия, но возобновила подъем в более медленном темпе.

Евгенидис шел за ней, по-прежнему держась на безопасном расстоянии.

Они поднимались в молчании еще полчаса. Они уже видели конец лестницы над головой, когда Евгенидис поддался искушению и испустил очень умелую имитацию козьего блеяния. Аттолия услышала его. Она подняла голову и замерла на мгновение, сжав руки в кулаки. Непроизвольно она потянулась к ножам и не нашла их на месте, хотя проверяла совсем недавно. Убийственно злая, она повернулась и пошла прямо на Евгенидису. Вор спускался вниз шаг за шагом, по мере того, как царица надвигалась на него.

— Чем ниже мы спустимся, тем дольше нам придется подниматься снова, Ваше Величество, — заметил Евгенидис.

Царица остановилась. После нескольких лет интриг и открытой войны с баронами, она знала, когда следует признать поражение. Без посторонней помощи она не могла избавиться от вора. Его вооруженные люди ждали их наверху, чтобы проводить на свадьбу, и не было никакой помощи под рукой. Она приучила себя к терпению, обретя свое лучшее преимущество, и потому снова повернулась к ступеням наверх.

С вершины лестницы прибрежные холмы уже не были видны, они скрылись за высокими горами. Неровная линия гор темнела на фоне светлеющего неба, но было еще темно, и она не могла разобрать, что за люди стоят перед ней. Царица хладнокровно оглядела их. Большинство из них носили военные туники армии Эддиса, но Аттолия разглядела нескольких пожилых мужчин в штатской одежде. Вон тот толстый, подумала она, был одним из министров Эддиса. Вероятно, остальные старики также были министрами и царскими советниками. Сама Эддис не удостоила ее своим обществом.

Здесь не было никаких признаков лагеря. Лошади и мулы стояли оседланные, их поклажа была привязана к седлам.

Подожли офицеры и министры, кто мрачный, кто смущенный. Когда они приблизились, Аттолия смогла узнать многих из них. Министр торговли, министр казначейства. Немного впереди стоял человек, не выглядевший ни мрачным, ни смущенным. Его лицо было абсолютно непроницаемо. Прищурившись, Аттолия узнала его, это был церемониймейстер царицы Эддиса, посланный для организации предстоящей свадьбы. От кончиков сапог до кончиков усов он выглядел так, словно стоял посреди Большого зала дворца. Только раз он пошевелился, оглянувшись через плечо.

— Он сказал, что это будет не здесь, — громко прошептал один из министров, и церемониймейстер вышел вперед, чтобы приветствовать царицу Аттолии от имени царицы Эддиса.

— Что дальше? — спросила царица, обращаясь к пустому пространству перед собой.

— Мы поедем так быстро, как сможем, по направлению к руслу Прикаса. Там мы сможем свернуть на главный проход к перевалу, — произнес Евгенидис у нее за спиной. — Потом мы проведем переговоры и заключим брак в присутствии ваших баронов в качестве свидетелей.

— Унылая церемония, — заметила царица.

— Позже мы с блеском отпразднуем коронацию.

Аттолия оглянулась, чтобы окинуть его холодным взглядом. Она улыбнулась ледяной улыбкой и повернулась к мужчинам, которые подошли, чтобы присоединиться к ним.

— Неожиданные трудности? — спросил министр торговли.

— Нет. Все прошло гладко, — сообщил Евгенидис.

Министр торговли обратился к царице Аттолии:

— Ваше Величество, я сожалею, что не могу предложить вам отдых после вашего утомительного путешествия, но боюсь, нам нужно как можно скорее добраться до главного прохода. У нас есть лошадь для вас. Вы можете ехать?

— Могу, — ответила Аттолия.

Она предпочитала ехать самой, чем оказаться привязанной к седлу. Церемониймейстер откашлялся.

— Могу ли я предложить вам сухой плащ, Ваше Величество?

— Вы можете предложить мне плащ, — сказала царица.

Он посмотрел на ее ноги.

— А также сухую обувь. С вашего позволения.

Он вежливо поклонился и исчез, чтобы принести плащ и мягкие кожаные сапожки. Он опустился на колени, снял размокшие туфли и надел взамен них теплые сапоги. Они точно подошли, и царица с тихим вздохом облегчения поджала холодные пальцы.

К царице подвели лошадь и помогли сесть в седло, в то время как Евгенидис стоял в стороне и наблюдал. Аттолия не смотрела в его сторону. Она вскочила на коня и отъехала, ни разу не оглянувшись.

Они поднялись выше по склону, а затем свернули и поехали по узкой тропе. Весь день они провели в седле под низко нависшими облаками. Путь через прибрежные горы отличался от равномерного подъема по склону горы Гефестии. Тропа поднималась и опускалась, извиваясь среди вздыбленных складок земли. В сумерках они выехали на склон холма с видом на Аттолию, и обнаружили лагерь на горных террасах. Лагерь был пуст, за исключением одного солдата, оставленного сообщить, что Ксенофонт не встретил никаких трудностей при отступлении от Эфраты.

Аттолия дрожала от усталости и приняла помощь одного из солдат, помогшего ей спешиться. Он выглядел самым старым из людей в форме, но на воротнике отсутствовали знаки, показывающие, что он является офицером. Он, казалось, не сильно благоговел перед царицей Аттолии. Возможно, он служил во дворце своей собственной царицы. Старик казался странно знакомым, и она спросила себя, не видела ли его на каком-нибудь официальном приеме в Эддесе или в собственном дворце? Его руки обхватили ее за талию, когда она соскользнула с седла. Он задержался, и на мгновение она почему-то испугалась, повиснув в нескольких дюймах над землей. Его взгляд казался тяжелым. Она посмотрела на него, он опустил глаза и осторожно поставил ее на землю.

Она отвернулась и спросила министра, находящегося поблизости, что произойдет, когда они встретят царицу Эддису.

— Начнутся переговоры, Ваше Величество. Я полагаю...

— По вопросу о приданом? — уточнила царица, приподняв бровь.

— Полагаю, да, Ваше Величество. Церемониймейстер Ее Величества проводит вас к палатке.

Министр извинился. Старый солдат исчез.

Для нее предназначалась самая большая палатка. Церемониймейстер подвел ее к дверям и остановился рядом, чтобы поклониться. Он был очень пунктуален в своей вежливости к пленной царице, и Аттолия подумала, что эту вежливость ей труднее перенести, чем открытое презрение. Она не видела Евгенидиса весь день.

В палатке для ее удобства был расстелен ковер и поставлен низкий диван с подушками. Она осталась одна. Охранник ждал снаружи. Царица быстро осмотрела пустую палатку. На низком столике около дивана стоял поднос с холодным ужином, значит, сегодня ей не следует ждать гостей. Она присела на диван и поела. Закончив, она почувствовала себя слишком усталой, чтобы встать, но все же заставила себя доплестись до двери в палатку и откинула полотнище, закрывавшее вход. Охранник нервно покосился на нее одним глазом. Молодой человек не привык к присутствию монархов, догадалась Аттолия.

— Я хочу видеть Евгенидиса, — произнесла она как можно величественнее.

Часовой предложил передать сообщение Вору Ее Величества.

— Лучше проводите меня к нему, — скомандовала Аттолия. — Так будет быстрее, а я устала и хочу отдохнуть после разговора с ним.

Солдат замешкался и взглянул на освещенную палатку рядом с царской. Аттолия повернулась к ней. Пусть часовой попробует остановить ее силой, если осмелится. Сочтя ситуацию безвыходной, он поспешил опередить ее. Двери были открыты и, подойдя ближе, Аттолия заглянула мимо плеча часового в палатку, освещенную теплым светом лампы под потолком.

Евгенидис сидел на низком табурете. Высокий человек в зеленой тунике врача, стоял на коленях перед ним и расстегивал манжету протеза. Глаза Евгенидиса были закрыты. Когда манжета соскользнула с культи, он вздрогнул и бессильно уронил голову на плечо врача.

Аттолия замерла, вспомнив, как накануне вечером думала, что Евгенидис слишком молод, чтобы чувствовать боль.

— Евгенидис, — часовой использовал титул, который так же был именем Вора.

— Что? — молодой человек резко выпрямился и поднял голову, широко раскрыв глаза.

Он увидел царицу, стоящую за дверью, на мгновение замер с болезненной улыбкой, а потом повернулся, схватил лежавшее рядом полотенце и обернул его вокруг голого обрубка руки. Потом он встал и шагнул к двери, все еще сжимая руку, его лицо и голос ничего не выражали.

— Чем могу помочь, Ваше Величество? — вежливо спросил он.

— Что случилось с армией Пилоксидиса?

— Я еще не получил новостей, — сказал Евгениис. — Нападение на Пилоксидиса было отвлекающим маневром. Настоящего сражения не было.

Аттолия молча вернулась в свою палатку.

* * *

Во сне она слышала шуршание дождя, падающего на крышу палатки, и проснулась от крика. Она сидела, все еще завернутая в одеяло, когда Евгенидис откинул крыло палатки и вошел внутрь. Фонарь в палатке не потушили, и в его свете она различила блеск клинка в левой руке вора.

— Вы здесь, какое счастье, — сказал он, подходя к дивану.

Она не хотела прятаться и подняла подбородок, когда он пересек палатку и встал перед ней. Он остановился, но не поднял меч, как она ожидала, а наклонился и быстро поцеловал ее в губы.

Потрясенная, она отпрянула в сторону и выпуталась из одеял. К тому времени, когда она, вне себя от ярости, вскочила на ноги, Евгенидис исчез, и клапан палатки упал за его спиной. Она подбежала к дверям и отвела ткань в сторону.

Часовой, все тот же молодой человек, стоял у входа.

— Пожалуйста, оставайтесь в палатке, Ваше Величество, — сказал он тверже, чем раньше, надеясь, что она подчинится.

Солдаты с обнаженными мечами бежали мимо нее. Аттолия вышла наружу, отпустив занавес и отрезав полосу света из палатки. Снова шел дождь, хотя и не сильный. Луна скрылась за тучами, и трудно было понять, что происходит. Когда глаза Аттолии привыкли к темноте, она разглядела солдат на хребте, огибающем край горной террасы.

— Кто это? — спросила царица.

Ее сердце колотилось где-то в горле.

— Ваше Величество, пожалуйста, вернитесь внутрь, — сказал часовой, повысив голос.

Аттолия стояла на месте. Своими просьбами часовой не мог заставить ее войти в палатку, и он выглядел не более готовым применить силу, чем раньше. Она заметила гребни на железных шлемах солдат, спускающихся с хребта, и ее глаза расширились. Это были мидяне.

В лагере эддисийцев царил хаос, солдаты вскакивали из-под одеял, на ходу вытаскивая мечи из ножен и хватая щиты, прежде чем беспорядочной толпой броситься в атаку. Мидяне шагали вниз стройной фалангой, которая помогла им завоевать их империю, держась плечом к плечу и сомкнув щиты. Они казались бездушной военной машиной, и Аттолия отвернулась, когда на них нахлынула первая волна эддисийцев.

Однажды она пыталась объяснить Нахусереху тактику эддисийцев. Он настаивал на высадке своей армии, чтобы предпринять поход в Эддис, считая пушки на вершине перевала эфемерной угрозой, которую они сметут одним ударом и завоюют горные долины. Она отказалась, совершенно уверенная, что ее армии не удастся подняться под огнем пушек без огромных потерь. Нахусерех отнес ее нежелание на счет вполне понятной женской робости. Он, казалось, не верил, что люди Эддиса оказались способны всего за одну зиму развить превосходные навыки производства оружия и ведения войны.

Когда мидийские солдаты достигли первой линии защиты эддисийцев, те бросились на колени, оставляя свои спины незащищенными, чтобы поразить ноги мужчин в передней шеренге фаланги. Следующие эддисийцы, подбежав, ринулись на щиты, толкая мидян назад, в то время как их товарищи сзади напирали вперед. Первые нападавшие пали под мидийскими мечами, но стройная шеренга прогнулась, а затем рассыпалась. Размахивая мечами, остальные эддисийцы ворвались в центр хаоса, только что бывшего боевой единицей. Мидяне пытались перестроиться, но были разбросаны в стороны. На мгновение Аттолии показалось, что она видит Евгенидиса, но в темноте она могла и ошибиться.

Тьму прорезали вспышки горящих стрел из луков и арбалетов. Они медленно падали на землю, позволяя отличить гладкие шлемы эддисийцев от хохлатых мидийских. В резком свете горящего шара магния Аттолия разглядела Вора Эддиса. Рядом с Евгенидисом она узнала солдата, который помог ей сойти с лошади. Хотя они не стояли плечом к плечу,

Аттолия поняла, что они бьются в паре. Евгенидис теснил противника. Мидийский солдат отступил в сторону и попал в зону доступа второго эддисийца, который аккуратно ткнул его мечом и снова повернулся к своему сопернику. Евгенидис с партнером вместе вырезали широкое пространство внутри остатков мидийской фаланги.

Но тут бой вступили мидийские арбалетчики.

— Ваше Величество, зайдите в палатку. — прокричал часовой рядом с ней.

Он поднял занавес, осветив их обоих светом из палатки. Он схватил ее за руку и потянул. Аттолия дернулась, но его рука уже ослабела. Когда она повернулась, часовой уже падал на землю с арбалетной стрелой в горле. Темная кровь хлынула фонтанчиком, чтобы смешаться с дождем. Его тело дернулось и затихло.

Крыло палатки упало, свет исчез, и царица боком скользнула от дверного проема, чтобы ее силуэт не был виден на фоне освещенной стенки. Она продолжала наблюдать за боем с небольшого пригорка. Эддисийцы один за другим падали на мокрую землю. Аттолия искала Евгенидиса в центре рукопашной схватки, но не могла найти снова.

— Мир, — кричали мидяне с холма. — Мир, Эддис.

Оставшиеся в живых эддисийцы замерли, опустив мечи. Мидийские солдаты прекратили стрельбу и тоже ждали.

Евгенидис стоял там, его грудь вздымалась; не выпуская из левой руки меча, он локтем откинул со лба мокрые волосы. Старый солдат стоял рядом с ним. Он заговорил, и Евгенидис повернулся к нему лицом. Через мгновение Евгенидис покачал головой и отвернулся. Он посмотрел вверх по склону холма, где скрывались невидимые мидийские арбалетчики.

— Мир! — крикнул он и бросил свой меч в грязь.

Второй эддисиец сделал то же самое. Мир и капитуляция.

Седой человек снова что-то сказал, и Евгенидис ответил. Он сказал нечто такое, что заставило старика кисло усмехнуться. Потом они оглянулись в сторону палатки, словно могли увидеть Аттолию через ее стенки. Она видела их бледные лица, немного нечеткие за пеленой дождя. Евгенидис сказал что-то еще своему напарнику, тот кивнул и отошел, дистанцируясь от вора.

На гребне над ними на мгновение возник новый силуэт. Аттолия знала, кто осторожно спускается с холма теперь, когда бой был закончен, и вышла на открытое место, чтобы встретить его. Когда мидийский посол подошел к ней, она протянула ему обе руки и улыбнулась.

— Сейчас я за многое должна поблагодарить вас, Нахусерех, больше, чем за простое удовольствие от вашего общества.

— Это великая честь для меня, Ваше Величество. Но я сожалею, что не смог уберечь вас от напряжения этой ужасной поездки.

Он склонился к ее рукам, чтобы поцеловать обе. Даже под дождем его волосы лежали аккуратными волнами. Его плащ спускался до носков ярко начищенных сапог, на которых капли дождя сверкали в свете факелов, как драгоценные камни.

Он выпрямился, и она подняла взгляд от его сапог к лицу.

— Блестящая операция, — сказала царица.

— Я приказал своей армии высадиться в Рее и идти к перевалу, чтобы поддержать ваших солдат. Я могу только надеяться, что Ваше Величество простит меня, — сказал мидянин, — за то, что провел своих людей незванными через вашу страну.

Аттолия стиснула руки.

— Был ли у меня выбор? — тихо сказала она.

— Возможность служить вам — дар богов, — продолжал мидиец, снова кланяясь.

Она напряглась.

— Чьих богов? — спросила Аттолия.

— Я уважаю их всех, на всякий случай, — ответил он. Он шутил, уверенный, что боги являются для нее не более чем предметом суеверия. — Может быть, они заключили договор ради всех нас?

Царица снова улыбнулась.

— Может быть, — сказала она.

Она посмотрела в сторону кучки эддисийцев, ища Евгенидиса. Мидяне двигались между ними, отделяя офицеров и тех, кто был не в форме. Когда он подошли к Евгенидису, он отпустил комментарий, который заставил всех рассмеяться.

— Вы привезли наручники? — спросила Аттолия Нахусереха.

— Несколько пар, — ответил мидянин. — Но я думаю, они не подойдут вашему однорукому вору, — напомнил он ей.

Раздраженная его легкомыслием, Аттолия сделала вид, что удивлена.

— Я привез ошейники с цепями, — сказал Нахусерех.

— Как это умно. Прикуйте его к двум солдатам, будьте любезны. К двум офицерам.

— Как пожелаете, — согласился Нахусерех и подозвал одного из своих людей взмахом руки.

Аттолия оставила его и подошла по скользкой грязи к Евгенидису. Мидийские солдаты обматывали веревку вокруг его плеч и привязывали руки к бокам. Он стоял, опустив плечи и глядя в землю, когда они закончили и отошли.

При ее приближении Евгенидис поднял голову и посмотрел на мидянина через плечо царицы. Евгенидис знал, что он давал советы Аттолии относительно морских сражений. Его любят некоторые из баронов, возненавидят остальные, но уважать будут все. Он льстил царице Аттолии и командовал мидийскими кораблями у берегов ее страны, а также солдатами на суше. Он не участвовал в самой битве, но кто бы усомнился, что он имеет такие же полномочия перебить всех пленных, как на все, что он делал раньше? Он так хорошо подходил на роль царя и уже готов был снизить до Аттолии, чтобы принять ее царство. Евгенидис ненавидел его.

Когда царица подошла, вор опустил глаза. Ему отчаянно хотелось умереть на месте или упасть на колени, закрыть лицо руками и зарыдать. Если он не будет смотреть ей в лицо, он сможет сохранить остатки мужества.

— Где есть жизнь, там есть надежда, Евгенидис, — сказала Аттолия, глядя на него.

Его волосы мокрыми прядями прилипли ко лбу. Капли дождя бисеринками осыпали лицо. Одна щека была забрызгана грязью, смешанной с кровью. Она внимательно осмотрела его, но не увидела никаких признаков раны и решила, что это чужая кровь. Она немного наклонилась вперед, чтобы видеть его глаза и проследить направление взгляда. Он смотрел на пятна грязи на левой ноге. Она выпрямилась.

— Ты будешь прикован за шею к двум другим пленникам, — сказала она. — Если вы втроем живыми дойдете до моего Мегарона в Эфрате, они оба благополучно вернутся в Эддис без выкупа.

Евгенидис не шевелился. Он так внимательно смотрел на пятно грязи на своем сапоге,

словно видел в нем последнюю надежду.

— Ты понял? — спросила она.

— Да, — ответил он.

— Что ты теперь будешь делать?

— О, — он безуспешно пытался сохранить иронию в голосе, — пресмыкаться, может быть.

— Я слышала, ты уже делал это раньше, — сказала Аттолия, улыбнувшись, сама того не желая.

Евгенидис сглотнул.

— Это была всего лишь просьба о пощаде, — теперь он казался почти безмятежным. — В последнее время у меня не было достаточно возможностей поупражняться в... низкопоклонстве. — он запнулся, а потом добавил. — Но у меня есть потенциал.

— Все, что угодно ради сохранения своей шкуры? — спросила Аттолия.

— Ничего ради спасения шкуры, — твердо сказал Евгенидис.

Она ухватила его за подбородок большим и указательным пальцами и почувствовала, как у него перехватило дыхание от ее прикосновения. Мгновение он сопротивлялся, а потом поднял голову и посмотрел ей в глаза. Даже в красном зареве факелов его лицо было бледным. Мышцы челюсти дернулись, когда он сжал зубы. Ему было страшно.

Аттолия не удивилась исчезновению маски, скрывающей его чувства. Его сила была не в страхе и дипломатии, а в тишине и скрытности. Когда он смотрел на нее, в его глазах светилась тоска. Он помнил ее угрозы и знал, что она их выполнит. Она видела, что он не ждет от нее милосердия. Не было надежды, что она проявит что-то, кроме жестокости и черствости.

Евгенидис боялся и знал, что это глупо. Он почти забыл, каково это — зависеть от милости царицы Аттолии. Кровь стучала в ушах, и все тело окаменело, чтобы сдержать дрожь в коленях. Он просто был болен от страха. Он вспомнил, что уже чувствовал это, но думал, что это состояние вызвано головной болью. Теперь не было никакой боли, но то же самое чувство возникло внизу живота. Он попросил бы ее проявить милосердие, но не нашел ни одной причины, по которой она должна была бы пощадить его. Даже если она не захочет мстить за себя, она накажет его за оскорбление трона, а также ради мидянина, чтобы доказать ему, что она готова отдать ему себя и свою страну. Судорога неудержимой дрожи сотрясла вора. Он потеряет зрение, слух и способность говорить, прежде чем, наконец, умрет. Я умру, повторил он себе снова и снова. Умру. Но хуже смерти было понимание, что он примет ее от руки царицы. Потому что она ненавидит его.

Он мог сказать ей, что любит ее. Он жаждал выкрикнуть эти слова перед лицом богов, чтобы все слышали его. Но кто в это поверит? Легче довериться лунному свету, чем обещанию Вора Эддиса. Он прославился своей ложью в трех странах. Почему она должна верить ему теперь, когда он стоит перед ней с мидийским мечом у горла?

Аттолия почувствовала, как он вздрогнул под ее рукой. Два года он пытался защититься от нее, и теперь она видела, как его стеклянная стена разлетается на куски. Уверенная, что он не выстоит против нее, Аттолия отступила, забыв, что даже беззащитное существо может броситься в атаку.

Евгенидис сделал глубокий вдох и медленно шагнул вперед. Затем он кивнул в сторону Нахусереха, отдававшего приказы своим людям. Вор наклонился ближе к царице и сказал ей почти на ухо:

— Одним ходом превратить королеву в пешку, — прошептал он. — Это впечатляет. Надеюсь, когда он будет править твоей страной и говорить, что любит тебя, ты ему согласишься.

Он ожидал ее удара и успел откинуться назад. Ее рука только скользнула по щеке, не достигнув цели.

— По крайней мере, одной ложью меньше, — сказал Евгенидис.

Он открыл рот, добавить что-то еще, но Нахусерех подошел ближе, и она ударила снова, на этот раз в ухо крепко сжатым кулаком. Евгенидис отступил, поскользнулся в грязи и упал спиной на связанные руки. Его лицо исказилось от боли, он выгнулся, чтобы перенести вес с раненой руки и повернуться на бок. Она надеялась, что падение заставит его замолчать, но для надежности пнула еще раз. У нее не было ни малейшего желания выслушивать его возражения против брака с мидянином, но он мог оказаться страшно упрямым, когда наконец раскопал истину под горами лжи. Она подумала, неужели из одного упрямства он пытается сделать плохую ситуацию еще хуже?

— Он оскорбил вас? — спросил Нахусерех.

Аттолия обернулась.

— И не в первый раз, — сказала она, стирая с руки пятнышко грязи.

Она взяла мидийского посла под руку и ушла.

Евгенидис не заметил, кто помог ему подняться. Когда кто-то протолкнул железный ошейник ему под подбородок, он поднял голову и посмотрел в небо. Капли дождя стекали по его лицу, и он подумал, что боги наблюдают за ним. Ошейник сомкнулся с громким щелчком, и ключ повернули в замке. Послышался скрежет, когда цепь протянули через кольцо. Цепь дернули, и он машинально отклонился назад, чтобы сохранить равновесие. После резкого толчка он встал и пошел вместе с другими пленниками через грязную лужу, не видя перед собой ничего, кроме зияющей черной бездны, в которую он спускался все глубже с каждым шагом. Еще он видел царицу, танцующую в своем саду, и не мог думать ни о чем, кроме ее светло-зеленого платья с белыми цветами, в котором она смотрела, как ему отрубают руку. Боги, подумал он, как мне страшно. Боги, если вы не хотите спасти меня, заберите мой страх. Он споткнулся и упал на крутом подъеме.

Евгенидис упал лицом вниз, и грязные камешки впились ему в щеку. Цепь немного замедлила его падение, но не удержала на ногах, и оба пленника, скованные с ним, упали тоже. Они, по крайней мере, могли опереться на свои скованные руки и подняться на ноги самостоятельно. Руки Евгенидиса были приоткрыты к телу, а ноги, стремясь найти опору, только скользили по мокрой земле. Один из пленников поднялся на ноги, но сделал это слишком быстро. Евгенидис задохнулся, когда цепь стянула ошейник, и его вес заставил второго пленника снова опуститься вниз. Кто-то засмеялся в темноте под дождем. Пленник снова поднялся на ноги, но в этот раз наклонился и помог встать Евгенидису. Выпрямившись, Евгенидис встретился взглядом с Нахусерехом, которого эта ситуация, похоже, забавляла. Вспышка ослепительной ненависти обожгла вора. Если он и не обрел надежды, то, по крайней мере, снова мог мыслить ясно.

— Господин, — прошептал человек рядом с ним, — на следующей скале мы прыгнем вместе с вами.

Евгенидис повернулся, чтобы впервые посмотреть на людей, прикованных к нему с обеих сторон. Оба дружно кивнули, уверяя его, что готовы пожертвовать своей жизнью, но Евгенидис покачал головой. Аттолия пообещала, что эти двое невредимыми вернутся в Эддис, и он верил ей. Если этим людям не суждено умереть в застенках Эфраты, он не потянет их за собой. После его смерти Эддису понадобится каждый солдат. Он снова покачал головой и подумал, что же пошло не так, где он допустил ошибку?

К рассвету они достигли подножия горы и были встречены мидийскими солдатами с лошадьми. Аттолия огляделась в поисках своих людей.

Нахусерех объяснил их отсутствие.

— Ваш капитан решил охранять Мегарон до нашего возвращения, — сказал он. Аттолия кивнула. — Признаюсь, я был удивлен его робости, — продолжал мидянин. — Может быть он привык больше заниматься охраной, чем войной.

— Может быть, — согласилась Аттолия. — Возможно, он понял, что его присутствие

будет излишним, потому что вы лично поехали защитить меня.

— Ах, — сказал мидянин, — конечно.

Или количество мидийских солдат, оставленных Нахусерехом в варварской лачуге побудило Телеуса не выходить за ее пределы.

— Нам с вами следует поговорить о вашем капитане гвардии, — сказал Нахусерех Аттолии, придерживая ее под локоть. — Видите ли, одна необыкновенная женщина проинформировала меня о вашем местонахождении. Только благодаря ей я смог спасти вас.

— Необыкновенная женщина? — резко переспросила царица.

Неужели ревнует, подумал Нахусерех.

— Да, ведь она сумела проскользнуть мимо Камета в дверь моей спальни, чтобы разбудить меня в собственной постели. Разве это не замечательно?

— Пожалуй. Она коснулась вашего плеча или просто позвала по имени?

— Она произнесла мое имя. — мидянин с любопытством посмотрел на царицу, удивляясь ее догадливости.

* * *

Нахусерех спал чутко, независимо от того, где он находился, поэтому когда он открыл глаза и увидел в темноте своей комнаты мерцающее белое пятно, мгновенно сунул руку под подушку и достал нож, прежде чем перекатиться на бок. Он обнаружил женщину, покойно стоящую у его постели и глядящую на него сверху вниз. Он был озадачен, увидев, что она одета в темное платье служанки царицы, а не в белое, и оглянулся в поисках второго нападавшего, но женщина была одна, и он отнес белое платье на счет игры лунного света.

— Нахусерех, — она снова повторила его имя. — Готов ли ты услышать послание?

Это был странный оборот речи. Нахусерех не слышал раньше ничего подобного. Конечно, он был готов услышать ее, ведь он лежал на кровати в менее чем трех футах от нее.

Он хотел спросить, как на прошла, и что случилось с Каметом, который спал в прихожей, но если она явилась с одним сообщением, он готов был выслушать ее.

— Что такое? — спросил он.

— Царица Аттолии не утонула, — сказала женщина. — Евгенидис отвезет ее к прибрежным горам.

— Правда?

Женщина абсолютно казалась бесстрастной.

— Он повезет ее к руслу Прикаса, а оттуда вниз до берегов Сеперхи, где их будет ждать царица Эддиса.

— Откуда ты знаешь?

Женщина промолчала.

— Почему я должен тебе верить? — спросил Нахусерех.

— Я не прошу мне верить, только выслушать послание, — ответила служанка, улыбнулась и вежливо склонила голову.

* * *

Нахусерех слово в слово пересказал послание царице Аттолии.

— Она могла знать такие вещи, только состоя в заговоре против вас, — пояснил он. — Или, возможно, будучи любовницей заговорщика, — добавил он. — И если вы подумаете, кто мог быть этим заговорщиком, то, вероятно, сочтете капитана вашей гвардии возможным кандидатом. Кто впустил эддисийцев в Мегарон Эфраты? Кто позволил им уйти? Кто послал Евгенидису к лодке, и кто пришел слишком поздно, чтобы спасти вас?

— Понимаю, — сказала царица.

— Конечно, — ответил Нахусерех, — если это женщина Телеуса рассказала мне о цели Евгенидису...

— Его цели? — перебила Аттолия.

— О Прикасе, — пояснил мидянин.

Мысли царицы, казалось, витали где-то далеко, и Нахусерех подумал, что ее застало врасплох обвинение честного Телеуса в заговоре против нее.

— Да, конечно, — задумчиво сказала Аттолия. — Если бы у Телеуса была любовница, она смогла бы узнать о планах от него.

— На следующий день я вызвал ваших служанок, но той женщины среди них не было. Они утверждали, что ни одна из них не пропала, но я уверен, что вы обнаружите, кто отсутствует, и тогда позвольте мне поговорить с ней лично.

— Конечно, она заслуживает награды, — сказала Аттолия.

— Вы ошибаетесь, — ласково поправил ее Нахусерех. — Если бы она заговорила раньше, ее можно было бы наградить. Теперь я прослежу, чтобы она получила по заслугам.

— Я всецело доверяю вам, — тихо ответила Аттолия.

Нахусерех улыбнулся и теснее прижал к себе ее локоть, когда вел вниз по горе. Он не пытался связать вместе события, последовавшие за исчезновением таинственной женщины. Доставив свое послание, в которое Нахусерех волен был верить или нет, она ушла так тихо, что он даже не услышал скрипа двери.

* * *

— Камет! — крикнул он и испытал одновременно облегчение и раздражение, услышав, как секретарь скатился со своей постели, чтобы ответить ему.

— Господин? — раб стоял в дверном проеме, потирая заспанные глаза.

— Хороший же сторож из тебя получился. Я думал, тебя зарезали или, по крайней мере, отравили, — сказал Нахусерех, убирая нож под подушку и откидывая одеяло в сторону. — У меня был посетитель.

Он рассказал Камету о послании женщины.

— Распорядись насчет светового сигнала, чтобы предупредить нашу лодку у берега. У нас есть карта прибрежной провинции Эддиса?

— Вы ей верите? — спросил Камет.

— Еще не знаю. Я должен посмотреть карту, прежде чем решить.

— Но вы можете поверить ей?

— Смерть Аттолии не выгодна Эддису, — сказал Нахусерех, размышляя вслух, пока затапливал ноги в тапочки.

Они были сшиты из оленьей кожи со стельками из овечьей шерсти, один из немногих

предметов роскоши, привезенных им с собой на варварское побережье.

— Ее наследник терпеть не может Мидию, но он не способен надолго сохранить престол. Если Эддис будет удерживать царицу, но не убьет ее, Аттолия станет их марионеткой. Тогда мы сможем высадиться на берег и, пока Эддис контролирует Аттолию, заняться Сунисом.

— То, что сказала та женщина, звучало правдоподобно?

— Я пока не знаю, — язвительно ответил его хозяин. — Ведь ты еще не принес мне карту.

Камет рассмеялся и вышел. Вместе они отыскиали пометку с надписью «Прикас».

— Это русло реки вблизи перевала, — пробормотал мидянин, подчеркнув ногтем тщательно выписанные буквы. — Оно наполняется только весной. Если бы Прикас не лежал так близко к ущелью перед перевалом, его воды стекали бы вниз по прибрежным горам, а не к реке.

— Вот сюда, — указал Камет, его привычные глаза нашли нужную надпись прежде господина.

Глядя на карту и измерив расстояние на глаз, Нахусерех сказал:

— Это может быть правдой. Вешние воды пробили себе путь к Сеперхи. Если Евгенидис высадился где-то здесь, он сможет пройти это расстояние за день и на следующий, возможно, встретится со своей царицей.

— Здесь не отмечены места для высадки, — возразил Камет.

— Без сомнения, у эддисийцев есть тайные гавани, о которых они не желают сообщать своим соседям.

— Следовательно, вы поверите той женщине?

Нахусерех некоторое время смотрел в пространство, размышляя.

— Я был бы дураком, если бы не воспользовался такой возможностью.

— Вы захватите царицу? — спросил секретарь.

— Конечно, мы вернем ее в Мегарон, — ответил его хозяин. — Не могу сказать, живой или мертвой. Живая, она была бы нам весьма признательна.

— Если она умрет, начнется внутренняя война за трон, — сказал Камет.

— И кто-то из претендентов захочет получить помощь от нашего Императора, — ответил Нахусерех с уверенной улыбкой.

— Будьте осторожны в своих желаниях, — пробормотал Камет себе под нос.

* * *

По знаку мидийского посла Аттолии подвели лошадь, и она позволила Нахусереху посадить ее в седло. Сидя над ним, она все-таки умудрялась смотреть на него из-под ресниц, и мимолетно порадовалась успешно усвоенным приемам кокетства своей служанки Хлои.

— Доставите ли вы заключенных в мой Мегарон? — покорно спросила царица.

— Как пожелаете, моя дорогая, — сказал Нахусерех.

— Я хочу, чтобы один из них отнес от меня послание царице Эддиса. Я выберу его, когда приму ванну.

— Вы не можете выбрать сейчас? — с улыбкой спросил он.

— После ванны, — ответила Аттолия и Нахусерех, все так же улыбаясь, отступил.

Они проехали сквозь оливковую рощу, а затем свернули к маленькой деревушке вблизи Эфраты. Дорога шла по гребню длинного холма, откуда открывался вид на море, потом изгибалась и поднималась на плечо горы к Мегарону. Из деревни Аттолия увидела тела, висящие на стенах Мегарона, но не задала ни единого вопроса, пока они с Нахусерехом не проехали под висельниками через главные ворота.

— Предатели, увы, — сказал Нахусерех. — Я видел, как у вас принято поступать с преступниками, и знал, что вы меня одобрите.

В своих казнях Аттолия ограничивалась действительно виновными в совершении преступления. Два барона, висящих вниз головой над воротами, были из тех малочисленных союзников, чья преданность не подвергалась сомнению, но она не стала спорить с Нахусерехом.

— Благодарю вас за заботу, Нахусерех, — сказала царица, позаботившись, чтобы ее голос звучал приятно.

— Конечно, — ответил мидянин.

Во дворе Нахусерех распорядился отвести лошадей на конюшню, приготовить еду, и проводить царицу в ее покои, уверенно распоряжаясь солдатами и слугами Аттолии. Когда они оглядывались на свою царицу, ожидая подтверждения этих приказов, его лицо мрачнело.

— Я уверен, вы не станете возражать, — сказал он.

— Нисколько, — подтвердила царица. — Я полностью полагаюсь на вас.

Он пошел распоряжаться дальше, и слуги скользнули прочь, не поднимая глаз.

Одному из собственных охранников он сказал:

— Царица желает отдохнуть. Проследи, чтобы никто не входил в ее комнату, — и извинился, чтобы заняться тем, что он называл «другими вопросами».

Царица вошла в свои покои, оставив мидийского охранника за дверью. Внутри она обнаружила своих служанок, молчаливых и бледных. Аттолия сняла плащ. Одна из служанок вышла вперед, чтобы принять его.

— Что вы можете рассказать мне о новой женщине, которая была добавлена к моей свите? — спросила Аттолия, наблюдая, как они в недоумении покачали головами.

Все ее служанки стояли перед ней. Все были здесь, и среди них не было ни одной, которая соответствовала бы описанию мидянина.

— Ваше Величество, — ответила одна из женщин, — мы не знаем, о ком говорит господин посол.

— Неважно, — сказала Аттолия. — Я спросила на всякий случай. Теперь скажите мне, что стало с моим капитаном гвардии?

Женщины, как одна, дружно посмотрели в дверной проем за ее спиной. Аттолия оглянулась через плечо и за открытой дверью увидела Телеуса, ожидавшего в смежной комнате. Рядом стояли его помощники и несколько армейских офицеров.

Царица улыбнулась.

— Хорошо, — сказала она.

Она быстро оглядела каждого человека, стоявшего перед ней, словно оценивая его надежность.

— Телеус, — сказала она после короткой паузы, — когда приведут заключенных, разместить их в атриуме или в самом Мегароне. Среди них находится Вор Эддиса и, если у

него будет возможность, он убьет себя. Я не хочу, чтобы у него появилась такая возможность. Отправь одного из своих помощников присмотреть за ним.

Телеус кивнул, и один из лейтенантов повернулся боком и скользнул мимо царицы.

— Ты несешь ответственность за его благополучие, — сказала она, когда он проходил мимо. — Не подведи меня.

— Нет, Ваше Величество, — пробормотал он.

Царица повернулась к Телеусу.

— Необходимо отправить письма с царскими курьерами.

— Их здесь нет, Ваше Величество.

— Ни одного?

— Во дворце нет ни одного курьера. Те двое, которых я отправил вчера к Пилоксидису, не вернулись. Старый курьер, которого я не посылал, был найден мертвым сегодня утром. Вчера за ужином он съел что-то вредное для здоровья, — многозначительно добавил Телеус.

— Понимаю. Тогда вы доставите сообщения сами, — царица стала быстро отдавать распоряжения. — Мидянину за дверью приказано никого не впускать. Кажется, он выпустил лейтенанта без возражений, но всем остальным придется подождать здесь, пока я не выйду отсюда, а я сделаю это как можно скорее. А сейчас я собираюсь искупаться.

Она повернулась к своим служанкам.

— Вода для ванны согрелась?

— Да, Ваше Величество.

— Наливайте, — приказала она.

* * *

Сидя в теплой ванне, она думала о Нахусерехе, таком изящном и уверенном в себе, всячески изъявляющем готовность стать отличным царем ради незначительной новой провинции для Мидийской Империи. И она ему нравилась. Аттолия заметила, что он одобрял ее твердость. Он похвалил ее выбор военных советников, как в армии, так и на флоте. Она охотно принимала советы Нахусереха, когда они совпадали с советами ее генералов. Вероятно, эта ее покладистость и сыграла дурную шутку с баронами, чьи тела теперь висели на стенах Эфраты. Без сомнения, Нахусерех воспользовался случаем устранить вельмож, которые могли бы отговорить ее от передачи власти царю.

Ее служанки ждали с согретой одеждой, когда она вышла из ванны. Не было ни болтовни, ни сплетен. Все, без сомнения, ждали, когда она снова спросит о пропавшей служанке.

Аттолия сидела в кресле, ожидая, когда расчешут ее волосы. Аглая потянулась к уху царицы и начала вдевать в мочку кольцо с золотой пчелой, качающейся на цепочке.

— Не эти, — резко сказала Аттолия.

* * *

Во дворе Мегарона Евгенидис сидел на каменной плите, подняв колени и прислонясь спиной к окрашенной в красный цвет стене. Его глаза были закрыты. Как и другие

эддисийцы, он промок насквозь, и дрожь время от времени сотрясала его, словно призрак прошел над его могилой. Ошейник был скрыт за высоким воротником куртки. Телеус, стоя рядом с царицей у бокового входа, указал ей и находившемуся тут же Нахусереху, а также лейтенанту, что вора может без помех задушить заключенный, сидящий позади него. Пленникам ослабили цепь, а затем приказали сесть на каменный пол. Лейтенант в спешке, желая сохранить вора к услугам Ее Величества, пнул другого пленного в голову.

— Очень хорошо, — похвалила Аттолия Телеуса и его лейтенанта. — Мне было бы жаль потерять его.

Она сошла с раскрашенного крыльца Мегарона и встала перед эддисийцами, нетерпеливо постукивая носком туфли. Она ждала, когда вор откроет глаза. Он выглядел полумертвым и, вероятно, был таковым на самом деле.

Рассерженно зашипев, она прошла между пленными, осторожно переступая через цепи. Склонившись над Евгенидисом, она схватила его за прядь волос надо лбом. Глаза Евгенидиса распахнулись, он испуганно вздрогнул. Глядя на нее, сфокусировавшись на ее лице, он замер, словно парализованный.

— Босьяк, — сказала она. — Ты понимаешь, что тебя ждет?

Его рот приоткрылся, он на мгновение зажмурил глаза, а затем открыл их и снова уставился на нее.

— Да, — наконец ответил он хриплым задыхающимся голосом.

— Хорошо, — сказала Аттолия и, не оглядываясь, вернулась назад.

— Я хочу отправить сообщение царице Эддиса, — сказала она Нахусереху, входя в зал и направляясь к трону.

На этот раз стула для посла не принесли. Слуги выполняли только прямые указания царицы, но Нахусерех решил не препятствовать осуществлению мести, отступив назад.

— Ваши курьеры были отправлены в столицу, чтобы сообщить во дворец о казни предателей, — пояснил он.

— Они не знают, как быстрее добраться до царицы Эддиса, — сказала Аттолия. — Мы сможем найти ее, только если она со своим войском. Что, если она в другом месте? Лучше использовать ее человека. Телеус, ты сказал, что твой лейтенант ударил одного заключенного по голове?

— Да, Ваше Величество.

— Он в сознании?

— Уверен, что да, Ваше Величество.

— Ну, тогда приведите его сюда.

Охранники притащили выбранного ею эддисийца и поставили перед тронном. Это был седой мужчина, сражавшийся рядом с Евгенидисом на горе.

Он стоял, немного покачиваясь и зажмурив глаза, как человек, мучимый головной болью. Он был немного выше среднего роста, плотный, но не коренастый. Его коротко подстриженная борода была седой, но чуть светлее волос на голове. Аттолия приготовилась к возражениям, но Нахусерех ничего не сказал, даже если и посчитал ее выбор неудачным.

— Ты солдат?

На его куртке не было никаких знаков отличия.

— Да, Ваше Величество.

Его речь звучала несколько невнятно. Удар оказался сильным.

— Ты, кажется, не много достиг к своим годам.

— Может быть, я не честолюбив. — мужчина пожал плечами.

— Может быть, тебе следовало бы меньше пить? — предположила царица.

Солдат сузил глаза в ответ на оскорбление, но не стал оспаривать предположение о пьянстве.

— Согласен ли ты доставить мое сообщение? — спросила царица.

— Вряд ли я смогу отказаться, Ваше Величество, — ответил пленный.

Аттолия спросила себя, что успел сказать ему Евгенидис в те несколько минут, пока старика не вытащили из толпы эддисийцев, чтобы поставить перед троном.

— Скажи своей царице, что я не верну ее Вора во второй раз.

Заключенный тупо смотрел на нее. Она не могла сказать, насколько он понял ее слова. Как сильно лейтенант его ударил?

— Всю оставшуюся часть жизни он проведет со мной, ты понял?

— Я понял, Ваше Величество.

— Эддис послала своего вора украсть меня с престола и привести к ней, как марионетку. Я думаю, Эддис не понимает всю глубину моей привязанности к мидийским союзникам.

Она осторожно посмотрела в сторону Нахусереха. Ее голос наполнился угрозой. Она наклонилась вперед в своем кресле, сжав в кулаках складки платья, словно пыталась удержать внимание пленника в поводьях своей воли.

— Когда вор решил, что я потеряла последнюю надежду на спасение, он предложил мне самой выбрать жизнь или смерть. Я выбрала жизнь и сейчас нахожусь в своем собственном Мегароне. Ты понял, что означает мой ответ?

— Да, — сказал пленник.

— Да, — твердо повторила царица, ясно произнеся это слово. — Так и передай царице Эддиса.

Она кивнула охранникам, те схватили старика за руки и потащили к порогу. Она подождала, когда они подойдут к дверям.

— Скажи Эддис, — сказал она, и солдаты замерли. — Скажи Эддис, что если она попросит как следует, она сможет избавить своего вора от некоторых страданий. Скажи ей, что она может передать мне ответ с тобой. Он должен прибыть завтра до семи часов утра. Не позднее... под страхом смерти.

Она не улыбнулась, но повернулась к капитану гвардии.

— Телеус, проследи, чтобы его проводили к переднему краю нашей армии на перевале.

Аттолия послала Нахусереху взгляд из под полуопущенных век.

— А теперь мы будем ждать, — сказала она, не скрывая восторженного предвкушения, когда ее стражники вывели посланника за дверь.

— Чего ждать? — спросил мидянин.

— Хм? — Аттолия попыталась сосредоточиться. — Боже мой, не знаю, — ответила она. — Эддис извергает такие восхитительные угрозы, когда что-то угрожает жизни ее вора. Не могу представить, что она придумает теперь.

— А остальные ваши заключенные? — спросил мидянин.

— Ваши заключенные, Нахусерех. Что вы собираетесь делать с ними?

— Отдать их всех вам.

— Тогда я прикажу их запереть, пока мы не узнаем ответа их царицы. Всех, кроме вора, — добавила она. — Я опасаясь оставлять его среди его людей и хочу держать под

рукой.

Она приказала стражникам запереть Евгенидису в одной из комнат на верхнем этаже Мегарона, переделанной бывшим бароном Эфраты для содержания узников.

Оставшуюся часть дня Аттолия оставалась в своих покоях, ссылаясь на усталость после вынужденного путешествия. Вечером она присоединилась к Нахусереху за ужином. Главный зал был достаточно велик, чтобы вместить царицу, мидянина и оставшихся в живых баронов. Она не собиралась отпускать их обратно в свои поместья и предполагала, что Нахусерех согласился бы с ней. Царица опасалась их влияния на армию, а Нахусерех собирался закрыть на них глаза по собственным причинам. Ее слуги, не ограниченные в перемещении по Мегарону, служили ей вместо курьеров, которых мидянин удалил из резиденции под предлогом отправки сообщений в армию.

Аттолия знала, что он находит присутствие в армии генералов неблагородного происхождения смешным и вульгарным. Он не раз предупреждал ее, что их лояльность куплена за деньги. По крайней мере, они сохраняют нерушимую верность хоть чему-то, думала Аттолия. Она не любила своих баронов за то, что их преданность, подобно флюгеру, меняла направление с каждым новым дуновением ветра. Даже упорный враг в ее глазах был лучше предателя, и ее армия и флот, созданные по новой модели никогда не подводили ее. Они понимали, что потеряют все в случае ее банкротства или свержения, и потому терпеливо ждали своего жалования. Своими победами они заслужили вознаграждение и, кажется, верили, что она не обманет их. Их вера в награду обеспечивала безопасность царицы, и она не желала подвергать эту веру испытаниям без крайней необходимости.

Она часто меняла состав командования, продвигая тех, кто привлек ее благосклонное внимание и распределяя должности таким образом, чтобы взрастить в солдатах надежду на возможность выслуги. Капитанов своей личной гвардии она отбирала с особой тщательностью и время от времени заменяла на новых, прежде чем они могли быть подкуплены ее врагами. Если она и не была готова полностью доверить свою жизнь Телеусу, она, по крайней мере, не имела к нему претензий.

Царица болтала со своими баронами и немного флиртowała с Нахусерехом. Этим вечером он казался самодовольным, как кот. Аттолия внимательно слушала его рассказ, как он сможет развернуть свою армию, чтобы помочь ей в случае нападения Эддис. Слушала, не пропуская ни слова.

Глава 18

На краю ущелья царица Эддиса сидела на скале в окружении своего Совета. Она посмотрела на военного министра.

— Что вы мне посоветуете? — спросила она.

— Атаковать, — ответил он.

— Почему?

— Так сказал Евгенидис.

— Хотя я весьма доверяю своему Вору и его советам, я желала бы располагать большей информацией, чем та, которой он обосновал свое решение, — сказала Эддис и ждала ответа министра.

Он спокойно пожал плечами.

— Мы победим мидян сейчас или никогда, Ваше Величество.

Эддис вздохнула. Да, такова была суть дела. Он уже рассказал ей все, что знал, и не мог предложить новых сведений. Решение оставалось за ней.

Она молчала, подсчитывая в уме свои возможности. Евгенидис ждал в Мегароне Эфраты. Отказаться от наступления, значило оставить его и других пленников на милость Аттолии и мидийцев. Аттолия совершит свою отвратительную месть ради собственного престижа или чтобы подтвердить свою лояльность союзникам. С другой стороны, Эддис не могла послать свою армию на бойню, пытаясь спасти одного или даже несколько десятков заключенных. Но ради возможности вытеснить мидян с берега она, как царица, обязана была пожертвовать жизнью последнего своего солдата, не колеблясь.

— Хорошо, — сказала она. — Мы атакуем в седьмом часу.

* * *

Аттолия проснулась в темноте перед рассветом. Окна ее покоев в задней части Мегарона выходили окнами на море, и она смотрела, как созвездия медленно вращались на небе, а потом стали меркнуть и постепенно исчезли. По мере восхода солнца над горами небо меняло свой цвет с серого до голубого. Войска должны были начать продвижение с равнины к подножию перевала. Сколько раз она сидела так перед боем, ожидая, чем он закончится? Она хотела бы сама сейчас находиться на равнине. Ей бы хотелось лично управлять армией, хотя она знала, что ее приказы и так будут выполняться беспрекословно. Она всегда оставалась на безопасном расстоянии в окружении личной гвардии, готовой защитить ее ценой своей жизни. Она завидовала Эддис, которая могла участвовать в битвах по собственному желанию. Хотя та не рисковала, подобно солдатам, но тем не менее, была обучена обращаться с оружием и училась этому с детства.

— Я всегда завидовала Эддис, — сказала она себе, вставая, чтобы размять ноги.

Это было правдой. Обе они были младшими сестрами наследных принцев, но Аттолии всегда казалось, что Эддис ведет привольную жизнь в диких горах, пока ее саму бережно хранят в царском дворце, как восковую куколку в коробке с ватой. Новости приходили через купцов и артистов, посещавших оба двора. Эддис училась ездить на пони, Эддис фехтовала деревянными мечами со своими двоюродными братьями, Эддис выезжала на летнюю охоту, а Аттолию одевали в бархат, которые душил ее даже зимой, чтобы научить подражать модам и галантным манерам Полуострова. Эддис уезжала на зимнюю охоту, а Аттолия сидела, несчастная и неуклюжая, в доме своего будущего свекра, выслушивая его планы по захвату ее страны и ненавидя наследницу Эддиса, которая должна была стать царицей после смерти старших братьев. Они умерли от болезни, а не были убиты, как ее собственный брат. Аттолия была в этом убеждена.

На коронации в Эддисе Аттолия воспользовалась случаем, чтобы влить в ухо молодой царицы свои ядовитые, как купорос, советы, наблюдая, как бледнеет ее лицо, и испытывая злобное удовлетворение от возможности показать этой девочке, что доля всех цариц одинакова. Но Эддис продолжала свободно жить в горах со своими преданными министрами, советниками, армией и своим Вором.

— В любом случае, своего Вора она обратно не получит, — пробормотала Аттолия, кутаясь в халат и снова садясь.

Раздался стук в дверь и в спальню вошла служанка.

— Простите за беспокойство, Ваше Величество, но мидийский посол просит принять его.

— Принять? — Аттолия приподняла бровь. — О, он осмелел в последнее время. Передайте, что я скоро выйду к нему.

— Он ждет в прихожей, Ваше Величество.

Аттолия выпрямилась.

— Как удачно получилось, что мне не придется встречать его в ночной рубашке. Впусти.

Мидянин был облачен в легкую кольчугу, которыми славились мидийские оружейники. К поясу был пристегнут изогнутый меч. Борода была недавно смазана, так что Аттолия чувствовала аромат духов с другого конца комнаты, даже несмотря на распахнутое окно.

— Ваш особый посланник не вернулся, — сказал он.

— Нет.

— Но мои разведчики сообщают, что Эддис выводит свою армию на равнину перед перевалом.

— Мои курьеры еще не сообщили мне об этом. — она знала, что Нахусерех перехватывает ее сообщения.

— Я собирался принести вам эту новость лично.

— Она глупа, если думает, что сможет победить наши объединенные армии, — заметила Аттолия, смахивая невидимую пылинку с рукава. — Конечно, я предполагал, что ее советники более разумны, но она женщина и не остановится в своем желании спасти своего возлюбленного.

Улыбка Аттолии сияла озорством.

— Именно возлюбленного. Но не любовника.

Нахусерех склонил голову.

— Я думал, информация, полученная из Эддиса указывает, что они были любовниками.

— Уверена, это преувеличение, — бесстрастно сказала Аттолия. — Он слишком молод. Тем более, слишком молод, чтобы заинтересовать царицу. Царица нуждается в человеке, старше и опытнее, более компетентном, способным править страной. Ее сможет привлечь только человек сильный и зрелый.

Она взглянула на Нахусереха, беззастенчиво проглотившего эту лесть.

— Вы правы, — ответил он, соглашаясь с ее оценкой. — Я подумал, вы захотите увидеть сражение.

Она колебалась, и он добавил:

— Мои люди проводят нас к безопасному месту, откуда можно будет наблюдать. Вам нечего бояться.

— Спасибо, Нахусерех, — спокойно сказала Аттолия. — Я не боюсь.

Во дворе уже ждал Телеус, чтобы посадить ее на лошадь. Больше здесь не было ни одного из ее солдат. За исключением Телеуса, она была окружена людьми Нахусереха. Пока мидянин поднимался в седло, ее капитан поднял глаза на царицу и сразу же быстро опустил голову вниз.

— Откуда мы будем смотреть, Телеус? — спросила она.

— Лучшим местом будет другая сторона хребта, Ваше Величество. Должен ли я проводить вас?

— Да, пожалуйста, — сказала Аттолия, и Телеус вскочил на коня, чтобы показывать дорогу.

— Вы позволите ему находиться рядом с вами? — шепнул Нахусерех, поравнявшись с лошадью царицы.

— Пока вы рядом со мной, я хочу понаблюдать за ним, — ответила она.

Нахусерех кивнул, он видел в этом некоторый резон.

Телеус повел их через узкую обочину поля к лесу, мимо деревянных пушек, брошенных Евгенидисом. Когда Аттолия увидела их среди деревьев, ее руки сжались в кулаки. Узкая тропа вела в горы к хребту над Сеперхи. Подъем был крутой, и лошади карабкались изо всех сил. С хребта открывался вид на равнину по ту сторону реки, где армии разворачивались к бою. Аттолия могла видеть их движение среди деревьев.

— Ваше Величество.

Это был Телеус. Он спешил и стоял около ее стремени.

— Есть лучшее место для наблюдения, если вы согласитесь проехать чуть ниже по склону. Там плоская площадка, и можно будет разместить лошадей.

— Спасибо, Телеус. Отведи нас туда.

— С удовольствием, Ваше Величество.

Он взял лошадь царицы под уздцы и повел ее по тропе вниз к поляне.

Поляна была узкой и длинной. В ее дальнем конце прямо из травы поднималась отвесная скала высотой футов в восемь или девять — самая высокая точка гранитного хребта, который заставлял Сеперхи сворачивать с ее пути к морю на мягкие известняки гор Гефестии. На противоположной стороне расчищенные поля круто спускались к реке, настолько круто, что Аттолия, сидя на лошади, могла поверх вершин деревьев, растущих ниже по склону, видеть всю свою армию.

Накануне вечером Нахусерех говорил о «поддержке» своих солдат. Царица предположила, что он собирается спрятать свою армию за ее людьми таким образом, чтобы Аттолия понесла самые тяжелые потери и, исчерпав ресурсы эддисийцев, попала в

зависимость от Мидии. Перед ней развернулись войска, выстроенные, как она и ожидала: аттолийцы были растянуты вдоль линии фронта, а мидяне формировали свои фаланги за их спиной.

Глядя на поле, Аттолия снова подумала, как ей неприятно находиться вдалеке от своих генералов.

— Я пойду распоряжусь насчет палатки для Вашего Величества, — сказал Телеус, пока охрана мидянина выстраивалась вокруг поляны.

— Странно, что он не внизу на равнине, — заметил Нахусерех, когда капитан исчез.

— Он капитан моей личной охраны. Он должен охранять меня, — возразила Аттолия.

— Тогда странно, что он отправился за палаткой, как простой слуга.

— О, он знает, как я доверяю вам, — сказала царица. — Кстати, почему вы сами не на равнине?

— Пока во мне там не нуждаются. Я смогу отправлять свои приказы с адъютантами и провести утро с вами, Ваше Величество.

А позже, когда ее армия будет истреблена, он присоединится к своим солдатам, чтобы руководить атакой на эддисийцев.

Войска двигались медленно. Нахусерех с Аттолией терпеливо наблюдали, как армия Эддис маневрировала под защитой стен прохода. Лошади тащили пушки, люди выстраивались в боевой порядок. Наконец, по рядам аттолийцев и мидян прошло волнение, и Аттолия решила, что пришло время отвлечь внимание Нахусереха.

— Человек, которого я послала к Эддис, вы не узнали его? — спросила Аттолия.

— А должен был? — удивился мидянин, глядя на поле.

— Это был военный министр Эддиса, — сказала она. — Отец Евгенидиса.

Понадобилось несколько мгновений, чтобы эти слова проникли в сознание Нахусереха. Он медленно повернулся в седле и уставился на царицу.

— Вы подкупили моих баронов, — продолжала она спокойно.

— Что? — он ошеломленно потряс головой.

— Вы подкупили моих баронов. Они должны были пропустить эддисийцев через свои боевые порядки с флангов к моей армии, и уничтожить ее. Вы без моего разрешения высадили свою армию в Рее и приготовились в последний момент спасти меня. Вор Эддиса спутал ваши планы, но вы воспользовались ситуацией и вот, пожалуйста, снова приготовились смотреть на уничтожение моей армии и на своих мидийских героев.

— Это клевета недовольных... Разве я не...

— Подрывал мой престол с течение нескольких месяцев? Да, Нахусерех. Вы подкупили Стадикоса перед первой битвой при Тегмисе. Он подменил мои приказы, и Сунис захватил остров. Мне это не понравилось, Нахусерех. Было совсем не просто отбить его обратно. Вы подкупили моих баронов и шантажировали их, вы опутали своей шпионской сетью всю страну. Когда Эддис отвлекла меня на один день, вы повесили трех моих баронов, которых не смогли подкупить. Один хотел больше золота, а два других были на самом деле верны мне. У меня не так много честных баронов, Нахусерех, чтобы я могла спокойно смотреть, как вы убиваете их.

— Ваше Величество... — снова начал мидянин, но царица перебила его.

— Честно говоря, Нахусерех, от вас едва ли меньше проблем, чем от Суниса. Единственным плюсом в вашу пользу является то золото, которым вы обеспечили меня в трудный момент.

— Золото, которое вы взяли в долг, Ваше Величество, — сказал Нахусерех, хватаясь за соломинку.

— Золото, переданное в дар, как вы сами заявили.

— Вы женщина, — очень мягко возразил Нахусерех. — Вы не понимаете логики царей и императоров, вы не понимаете природы их даров.

— Нахусерех, существует одна вещь, которую понимает каждая женщина. Это природа даров. Ни взятки ни угрозы не помогут. Ваш Император не сможет атаковать этот берег без причины, его остановит договор с крупнейшими государствами этой части континента. Все, что он мог сделать, это развязать отвратительную трехстороннюю войну и ждать, кто пригласит его в качестве союзника. — царица покачала головой. — Со взятками всегда одни и те же проблемы, Нахусерех. Они берут ваши деньги и не исполняют своих обещаний.

Нахусерех видел перед собой новую царицу, о существовании которой не догадывался. Аттолия посмотрела на него.

— Я унаследовала эту страну, когда была еще ребенком. Я смогла удержать ее. Я подавила мятежных баронов. Я воевала с Сунисом, когда он попытался захватить земли по эту сторону гор. Я убивала людей и смотрела, как они умирают. Я смотрела, как их пытаются, чтобы сохранить эту страну. Как вы думаете, способна была бы я на это, если бы смотрела коровьими глазами на любого красавца с золотом в кошельке?

Глаза Нахусереха сузились.

— Вы не можете сейчас расторгнуть сделку, Ваше Величество.

— Я не заключала с вами сделок, мидянин, — категорически заявила Аттолия.

— Так или иначе золотой заем должен быть погашен.

— Думаете, я прощу ваше предательство?

— Это всего лишь дипломатия. И да, вы забудете о нем, если надеетесь остаться царицей, когда я стану царем.

— Я уже говорила как-то, что следующего царя Аттолии буду выбирать я сама и никто другой.

— Тогда вам остается только выбрать меня, и мы оба будем жить долго и счастливо, не так ли? И ваши бароны тоже. Пока вас «отвлекали», мне показалось, что им очень приятно мое руководство.

— Они просто мышки, Нахусерех, которые попрятались в свои норки и ждали, когда вернется их старая кошка, чтобы прогнать вас подальше. По крайней мере, когда я вешаю людей на стенах, я наказываю их за предательство, а не за то, что они не соглашались на бесчестные сделки. Вы, кажется, готовы повесить любого, кто вам не понравился. Очень любезно с вашей стороны было показать моим баронам, что если я суровый правитель, то вы негодный управляющий. Я должна поблагодарить вас за это одолжение, а также за золото вашего Императора. Они будут сидеть тихо, как мышки, еще много месяцев.

— А Эддис? Сделает ли Эддис вам одолжение? — Нахусерех по-акульи осклабился, напоминая царице о стоящей перед ней армией.

— Смотрите и увидите, Нахусерех, — ответила Аттолия.

Мидянин повернулся к полю боя, где аттолийцы расходились в разные стороны, медленно открывая линию фронта.

Нахусерех выругался.

— Что они делают? — крикнул он.

Он поднял руку, чтобы позвать курьера, но Аттолия опередила его.

— Мои генералы отводят свои силы и перегруппировываются, чтобы позволить эддисийцам беспрепятственно атаковать вас. При необходимости они могут окружить то, что останется от ваших сил и предотвратить их отступление.

Нахусерех еще несколько секунд наблюдал движение войска. Лошадь под ним напряглась, всадник туго натянул поводья, но прежде, чем лошадь с всадником пошевелились, Аттолия подняла руку и ленивым движением пальца указала туда, где на склоне хребта над ними лежал на животе Телеус. Арбалет в его руке был заряжен и направлен в сторону посла.

— Это предательство, — сказал мидянин.

— Всего лишь дипломатия, — поправила Аттолия, в то время как остальные гвардейцы поднимались из высокой травы за спиной своего капитана.

Аттолийская армия на равнине завершила свой маневр, и царица объяснила послу, что разгрома можно избежать при своевременном отступлении. Эддис и Аттолия позволят мидийским солдатам отойти к Рее, сесть на свои корабли и покинуть аттолийские воды целыми и невредимыми. У них не было причин воевать с Мидией.

Нахусерех, столкнувшись с силой, которую он не мог сломить, хмуро уступил.

— Скорее всего, Эддис понадобятся некоторые гарантии к сегодняшним договорам. Чем вы сможете обеспечить себе ее доверие?

Аттолия молча посмотрела на него, ее лицо ничего не выражало.

Нахусерех вспомнил сообщение, посланное ею с военным министром Эддиса, и побледнел от гнева.

— Вы собираетесь сделать этого мальчишку царем? — сказал он. — Когда вы могли бы взять меня?

Аттолия позволила себе мимолетную улыбку.

— Щедрая компенсация за потерю руки, — голос мидянин напоминал рычание.

— Зато я сохраню свою власть, — тонко заметила Аттолия.

— О да, с одной рукой он будет отличным царем для вас, — выплюнул Нахусерех. Неожиданно ему вспомнился их утренний разговор. — Или я оскорбил вашего любовника? — спросил он.

— Не любовника, — поправила Аттолия. — Выбранного мной царя, Нахусерех.

Глава 19

Когда мидийская армия перестроилась для отступления, а аттолийцы и эддиси́йцы объединили свои силы, Аттолия отослала посла обратно в Эфрату под стражей. Он уже справился со своими чувствами и поцеловал царице руку на прощание.

— Вы умны, — снизошел он, — и смогли сделать из меня дурака. Как печально, что мне придется расстаться с вами сейчас, когда я только начинаю вас узнавать. Вы поднимаетесь в моих глазах с каждой минутой.

— У меня будет время подняться еще выше, — сказала Аттолия. — Вы не уедете, пока ваш Император не пришлет выкуп, чтобы пополнить мою казну.

— Вы преступаете границу дозволенного, — предупредил Нахусерех.

— Вы себя недооцениваете. Ваш Император очень заинтересован в вашем благополучном возвращении домой.

— Вы не осознаете своей слабости, если считаете, что более крупные государства защитят вас. Мы посмотрим, как долго вы сможете править в своем тихом уголке, Ваше Величество. Вы очень скоро обнаружите пределы своих возможностей.

— Неужели? Думаю, вы все еще не знаете меня, Нахусерех. Но сейчас я нахожу наш спор бесполезным и утомительным.

Аттолия рассталась с послом и поехала вниз к берегу реки, где ее ожидала лодка, готовая переправить на другой берег Сеперхи. Отсутствие моста было еще одной причиной, или, возможно, следствием незначительности Эфраты. Лодка перенесла Аттолию через бурные воды к ожидавшим на другой стороне ее офицерам, министрам и царице Эддиса.

Пристань заменял небольшой причал, высоко поднятый над водой. Царицу перенесли на берег из качающейся лодки со всеми возможными церемониями. Два ярких пятна расцвели на ее щеках, когда она расправила складки платья и только потом подняла глаза на царицу Эддиса. Эддис вежливо ждала. Она была одета в штаны и короткие сапожки, а также тунику военного образца, но с золотой вышивкой. Корону она не надела. Царица была слишком низенькой и коренастой, чтобы назвать ее миниатюрной. Аттолия вспомнила, что ее отец тоже был широкоплечим и невысоким. Эддис хранила серьезное выражение лица, но глаза ее сузились при виде замешательства Аттолии.

Аттолия ответила ей надменным взглядом.

— Мы пришли к согласию, Ваше Величество? — спросила она.

— И это прекрасно, — серьезно ответила Эддис.

Она не столько укрепилась в своем мнении, сколько пыталась разрушить его. Ей казалось, что она неплохо знала царицу Аттолии, и пыталась понять, что же Евгенидис нашел в ней. Конечно, она была красива, но при дворе Эддиса было достаточно красивых женщин, и Гена, казалось, никогда не трогала их красота.

Аттолия посмотрела на военного министра Эддиса.

— Как ваша голова? — вежливо спросила она.

— Седает, — загадочно ответил он.

— От волнения? Вы не одобряете наших экспромтов?

— Я восхищен ими, Ваше Величество. — министр склонил голову.

Аттолия ответила легким поклоном. Эддис с любопытством посмотрела на министра.

— Ваша голова? — спросила она.

Аттолия решила объяснить.

— Пришлось силой убедить его не душить собственного сына.

— Всем нам хочется это сделать время от времени, — серьезно сказала Эддис.

Одна из бровей Аттолии приподнялась, выказывая вежливое удивление. Эддис заметила это выражение и позабавилась про себя, уверенная что наконец-то нашла оригинал, копируемый Евгенидисом. Она улыбнулась.

Аттолия поколебалась, а потом тоже улыбнулась, очень коротко. В ее лице Эддис прочитала некоторую надежду для своего Вора, и у нее на сердце стало немного легче.

— Вам повезло с вашими подданными, — сказала Аттолия.

— Маневр вашей армии был выполнен безукоризненно, — возразила Эддис. — Вам повезло с вашими офицерами.

— О, они работают по контракту, — отмахнулась Аттолия.

— Это очень удобно, ведь вы освобождаете себя от обязательств перед ними, когда они увольняются, чтобы предложить свои услуги в другом месте. Если мои бароны разбегутся, они по-прежнему останутся моими баронами, — сказала Эддис.

Аттолия помолчала, размышляя над ее словами.

— Благодарю вас. Я никогда не рассматривала этот вопрос с подобной точки зрения, — ответила она.

— Ваше Величество, Ваши Величества, — повторил военный министр, поправляя себя. — Мы должны проконтролировать отступление мидян. Мы предполагаем, что Вашим Величествам лучше ехать вместе, так как может возникнуть ситуации, требующая вашего совместного решения.

После того, как армии тронулись в путь, царица Эддиса обратилась к царице Аттолии.

— Вы простите меня, если я буду говорить откровенно?

— Конечно.

— Что за договоры вы заключили с мидянами?

— Ни одного.

— Ни одного? Но я слышала об одном.

— Что император финансировал мою войну? Он делал это в одностороннем порядке.

— А ваш посол?

Аттолия неожиданно брякнула первое, что пришло ей на ум:

— А посол расчесывает бороду на прямой пробор и пользуется дрянным маслом для волос.

— Что, безусловно, является большим откровением с вашей стороны, — сказала Эддис. — Я думала, что вы его любите.

— Он тоже так думал, — сухо сказала Аттолия.

К вечеру мидийская армия дошла до Реи. Рея была крупным портом в окружении обширных пахотных земель, поддерживающих процветание города. Как и Эфрата, она была зажата отрогами прибрежных гор, но имела широкий проход вглубь страны, что обосновало строительство моста через Сеперхи. Аттолия и Эддис сидели бок о бок на холме с видом на город и наблюдали, как мидяне поднимаются на корабли.

— Мне не очень хочется отправлять Императору обратно его солдат, — призналась Эддис.

— Это небольшая армия по его масштабам. Ее потеря не оказалась бы для него чувствительной, а только послужила бы поводом для дальнейшей войны с нами.

— Вы думаете, он не предпримет новое вторжение? Может быть, он сочтет нас слишком хорошо защищенными? — с надеждой спросила Эддис.

— Нахусерех сказал, что женщина не способна править в одиночку, — вежливо сказала Аттолия.

Эддис усмехнулась.

— Крупные государства континента не желают допустить распространения влияния Мидии на этом побережье, — продолжала Аттолия. — Не сомневаюсь, что он будет преследовать наши корабли на море, но мы можем ожидать помощи Континента, если он пошлет против нас свою армию.

Эддис приняла к сведению успокоительное упоминание о международном договоре в политическом анализе царицы.

— И это остановит его?

— В краткосрочной перспективе это удержит его от открытого нападения. А в долгосрочной я полагаюсь на его болезнь, которая не оставит ему времени на расширение Империи.

— Его болезнь?

— У Императора Мидии болезнь Тефис, ^[6] — пояснила Аттолия.

Несколько мгновений не было слышно ничего, кроме скрипа седельной кожи, когда одна из лошадей переступила с ноги на ногу.

— Вы уверены? — спросила Эддис.

— Диагноз был поставлен два года назад. Он уничтожил придворного врача и его помощников, но один из них продал информацию моему шпиону в обмен на убежище для своей семьи.

— Он знал, что будет казнен?

— О, да.

Эддис представила себе лицо Галена.

— Может быть, вы знаете, что Император обошел своего сына и выбрал наследником племянника? — спросила Аттолия.

— Да, я слышала об этом, — сказала Эддис. — Удивительно, что признаки заболевания были скрыты до сих пор. Конечно, племяннику потребуется время, чтобы упрочить свою власть. Он предпочтет держать своих верных генералов под рукой... — размышляла Эддис вслух. — А ваш бывший посол...

— Младший брат наследника.

— Да. Следовательно, они будут заняты в течении нескольких ближайших лет, не так ли?

— Я на это надеюсь, — сказала Аттолия.

— Вы знаете... — Эддис поколебалась, не зная, насколько искренна она может быть с царицей.

— Продолжайте. — Аттолия склонила голову.

— Я хочу сказать, вы становитесь похожей на горноста, когда улыбаетесь вот так.

— Вам нравится? — Аттолия продолжала улыбаться. — Вы тоже не кажетесь простушкой.

— Надеюсь.

Обе дамы несколько секунд помолчали в счастливом согласии.

Эддис оглянулась, как будто только сейчас вспомнив о вопросе, терзавшем ее много часов.

— А где Евгенидис? — спросила она.

Мгновение Аттолия оставалась неподвижна, ее улыбка исчезла, как ни бывало. Лошадь под ней вскинула голову, словно удила потревожили ее нежный рот.

— Заперт у себя в комнате, — решительно ответила Аттолия. — В Эфрате.

Теперь улыбка ушла с лица Эддис.

— Я приказала отпустить прочих заключенных, — объяснила Аттолия. — Забыла, что его заперли отдельно. Сомневаюсь, что мой дворецкий выпустит его без специального указания.

— Вы забыли? — переспросила Эддис.

— Я забыла, — твердо сказала Аттолия, и Эддис не осмелилась противоречить ей.

— Вы выйдете за него замуж? — решила спросить Эддис.

— Как и обещала, — отрезала Аттолия и повернула лошадь прочь.

Эддис последовала за ней. Когда они присоединились к своим офицерам, Аттолия принялась энергично раздавать приказы, а потом поехала дальше, направляясь к Эфрате и не дожидаясь Эддис.

Курьер Аттолии пояснил, что основная часть ее сил вернется в свой лагерь по мосту через Сеперхи. Аттолия с немногочисленной охраной поедет к Эфрате вдоль побережья. Тропа была узкой, но этот путь намного короче.

— Тогда мы сделаем то же самое, — заявила Эддис и отдала приказ собственным офицерам. Отец Евгенидиса и ее личная гвардия остались с ней для поездки в Эфрату.

— Что вы думаете? — спросил военный министр свою царицу.

— Я не знаю, что и думать, — ответила она. — Предполагаю, я должна делать то же, что и раньше.

— Хм? — поинтересовался министр.

— Верить Евгенидису, — сказала она, пожимая плечами.

* * *

Во дворе Мегарона Аттолия спрыгнула с лошади и бросила поводья конюху. Она шагнула вверх по лестнице ко входу в атриум в передней части дворца. Ее дворецкий и капитан гвардии ждали там.

— Ваше Величество, мидийский посол...

— Не говорите мне о мидийском после, — сказала Аттолия. — Вор Эддиса все еще заперт?

— Ваше Величество не дали никаких распоряжений, — нерешительно начал дворецкий, — и я боюсь, что посол Нахусерех...

— Я сказала, что не хочу ничего слышать о Нахусерехе, — перебила Аттолия. — Дайте мне ключ от комнаты Вора.

Дворецкий послушно опустил руку к нескольким кольцам с ключами, закрепленным у пояса, и снял одно из них. Он отделил нужный ключ от остальных и протянул его царице.

— Этот ключ, Ваше Величество.

Осторожно, чтобы не выпустить ключ и не перепутать его с остальными, Аттолия взяла ключ с кольцом и зашагала прочь.

Гвардеец посмотрел на дворецкого, тот посмотрел на капитана, подняв брови и покачав головой.

Эддис въехала во двор и увидела царицу. Она тоже спрыгнула с лошади и, оставив свою свиту осваиваться самостоятельно, поспешила вверх по лестнице за Аттолией. Она прошла мимо дворецкого, но гвардейский капитан поймал ее за локоть.

— А вы, молодой человек, — сказал он, останавливая ее, — куда направляетесь?

Эддис обернулась. Капитану достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться в своей ошибке. Он убрал руку, и Эддис, не говоря ни слова, последовала за Аттолией.

Когда она скрылась, капитан снова посмотрел на дворецкого, встряхнув рукой, словно коснулся горячего чайника.

— Да, этот взгляд похож на раскаленный свинец, — согласился дворецкий. — Вы не пойдете за ними?

— Нет уж, — сказал капитан. — Предпочитаю оказаться подальше, когда они начнут ломать копыя.

Он вышел во двор, чтобы предложить свои услуги по урегулированию возникшего там после прибытия аттолийский и эддисийских офицеров хаоса.

* * *

Ключ повернулся в хорошо смазанном замке, и дверь легко открылась. Евгенидис сидел на полу, поджав под себя ноги. Его голова и плечи покоились на кровати, одна рука упала на подушку. Правая рука с крюком лежала на коленях. Его глаза были закрыты. Он не шевелился. Аттолия замерла в дверном проеме, ожидая его пробуждения. На полу рядом с кроватью стоял поднос с остатками еды и кубком для вина. Кубок опрокинулся, выплеснув осадок на пол.

Аттолия стояла, замерев на пороге, словно преступила божественное таинство и была обращена в камень. Она думала о Нахусерехе. Сколько яда осталось в его распоряжении? Сколько союзников у него среди баронов? Насколько легко было ему устроить смерть удачливого соперника? Она должна была выслушать своего дворецкого. Он предупредил бы, что ждет ее в этой комнате. Как она была неразумна и неосторожна.

Как жестоки боги, подумала она, пославшие ей мальчика, которого она полюбила, сама того не сознавая. Как логично, что жених, которого она выбрала сама, был отравлен. Кто сможет оспорить справедливость богов?

За ее спиной раздались шаги. Эддис, подумала Аттолия, не поверит, что кто-то, кроме нее, виноват в смерти мальчика. Она осталась стоять в дверях, а ее соперница быстро

прошла мимо. Эддис скользнула в дверь, не коснувшись ее, только слегка зацепив рукавом туники.

За то время, которое потребовалось второй царице, чтобы зайти в комнату, Аттолия успела увидеть свое будущее. Эддис вернется к войне. Сунис возобновит свои атаки, Мидия будет помогать всем, кроме Аттолии. Ничто из этого не имело значения. Аттолия всегда была одинока, но никогда еще она не чувствовала себя настолько опустошенной. Она проклинала себя за глупость. Как она могла полюбить этого вора? Мальчика с едва пробивающейся бородой, полная бессмыслица, сказала она себе. Лжец, подумала она, враг, угроза. Он был храбр, сказал голос внутри нее, он был верен. Верен, но не мне, ответила она. Храбр, но не ради меня. Верен и смел, повторил голос. И глуп, возразила она. Глупый и мертвый мальчишка. Ей стало плохо от этой черной пустоты в сердце.

Эддис, пройдя мимо Аттолии, остановилась между ней и кроватью. Она посмотрела на тело Евгенидиса и повернулась к царице.

— Он спит, — сказала она.

Аттолия отвела глаза от своего будущего, чтобы сосредоточиться на Эддис.

— Просто спит, — успокоила ее Эддис.

При звуке ее голоса голова Евгенидиса немного повернулась, но он не проснулся. Аттолия, заметив его движение, вздохнула и прижала руку к груди, где еще пульсировала боль.

Эддис наклонилась над Вором и ткнула его в плечо.

— Проснись, — сказала она.

Пытаясь открыть глаза, Евгенидис не мог понять, где он находится. Он очень мало спал после того, как солдаты Ксенофонта проделали последнюю часть пути на лодках, чтобы высадиться на берег у Эфраты. Он плыл вдоль берега, поднялся в горы по лестнице, ехал вниз по склону горы, командовал бесполезной схваткой и снова оказался в Эфрате. Когда охранник запер его в маленькой комнате, он ходил из угла в угол, не давая себе заснуть, мучительно колеблясь между страхом и надеждой, пока не миновала долгая ночь. Его рука отчаянно болела, но он не пытался снять манжету. Он боялся, что не сможет одеть ее обратно, и хотел встретить свою судьбу, не пряча обрубок руки в рукаве. Дважды кто-то приносил ему еду, к которой он не прикоснулся, и один раз охранник вывел его по нужде. Стражник не был дружелюбен, и Евгенидис не решился расспросить его о новостях.

Наконец, во второй половине нового дня он увидел из узкого окна эддисийских солдат, марширующих за стенами Мегарона бок о бок с аттолийскими. Это показалось ему хорошим знаком. Позже пришла молодая женщина со свежей пищей и сказала, что все пленные эддисийцы освобождены, а мидийский посол заперт в своей комнате. Она не знала, чем закончился бой по ту сторону хребта, но для Евгенидиса эти две новости были признаком несомненного успеха, поэтому он уселся на пол рядом с кроватью и съел всю принесенную ею пищу. Ни стула ни стола в комнате не было. Служанка рассмеялась и сказала, что ему не нужно спешить, она вернется за подносом позже. Потом она ушла, а он так устал, что даже боль в руке не могла заставить его бодрствовать. Он на мгновение, как ему показалось, положил голову на кровать и проспал несколько часов, не услышав ни звяканья ключа в замке, ни голосов.

Когда Эддис толкнула его, первой мыслью было, что все его тело болит, значит он сидит прикованный в тюремной камере в Сунисе. Потом ему почудилось, что он покинул тюрьму и, должно быть, Пол или халдей Суниса будят его. Он не хотел видеть Пола, потому

что Пол опять будет заставлять его лезть на лошадь.

— Отстань, — сказал он.

Эддис вздохнула.

— Евгенидис, — сказала она. — Просыпайся.

— Я думала, он чутко спит, — прокомментировала Аттолия.

— Обычно так и есть, — ответила Эддис, все больше беспокоясь.

— Он выглядит... — Аттолия пыталась подобрать слово.

Ей пришло на ум «беззащитным», но это было не совсем то, что она искала. «Молодым» тоже не подходило, хотя во сне он и казался моложе.

— Таким невинным, — сказала она наконец.

— О, да, — согласилась Эддис. — Обычно я готова простить ему все, что угодно, пока он не проснется.

Она наклонилась и снова ткнула его.

Наконец Евгенидис открыл глаза и поднял голову. Он выглядел смущенным и начал поднимать правую руку, а затем замер и уронил крюк на колени. Он осторожно поднял другую руку, чтобы протереть глаза. Он перевел взгляд от Эддис к окну, где виднелось потемневшее небо. Затем он повернулся, его взгляд стал острее, и сказал:

— Ты обо мне совсем забыла.

Эддис сунула руки в карманы штанов.

— Не лги, — сказал Евгенидис обвиняющим тоном. — Ты в опьянении славы гнала мерзких мидян от нашего берега и ни разу не вспомнила обо мне, пока они не отчалили.

Он повернулся, чтобы обратиться к Аттолии.

— Ты тоже забыла обо мне.

— Тебя покормили, — хладнокровно ответила Аттолия.

Евгенидис посмотрел на нее, и царица почувствовала себя прозрачной, словно ее маска растворилась в воздухе, словно он мог видеть ее сердце и знал, что минуту назад оно чуть не остановилось от горя.

— Это правда, девочка принесла мне ужин, — задумчиво сказал Евгенидис. — Она была очень красива. — и после паузы добавил. — И добра.

Эддис слушала разговор Вора и Аттолии об относительных достоинствах красоты и доброты. Она вздрогнула от его упрёка, но Аттолия только поджала губы в тонкую улыбку и сказала:

— Не так уж и поздно, все равно ты уже привык сидеть на цепи.

— О, кто-то спас меня, — Евгенидис невинно закатил глаза. — Может быть, это та милая девушка, что принесла мне обед? Я думаю, — сказал он, положив руку на лоб и мечтательно глядя вдаль, — Я думаю, когда я стану царем, — медленно повторил он, — Когда я стану царем, она сможет быть моей главной фавориткой.

Аттолия высказалась неожиданно решительно:

— Попробуй завести хоть одну любовницу, и я отрежу тебе вторую руку. И кое-что еще.

Эддис рядом с ней замерла. Аттолия подняла голову, чтобы встретить взгляд, который ее дворецкий сравнил с расплавленным свинцом. Эддис открыла рот, но прежде, чем на успела облечь свои мысли в слова, Евгенидис рассмеялся. Смеясь, он уронил голову на кровать, затем быстро взглянул на оскалившуюся Аттолию.

Она посмотрела на него и покраснела.

— Ах ты, маленький змееныш, — искренне заявила она.

— Да, — согласился Евгенидис. Он неловко поднялся, чтобы усесться на кровать, зевая и проводя пальцами по волосам. — Да, я такой. И я хочу выйти из этой комнаты.

Аттолия наклонилась над ним и поймала пальцами его подбородок. Она почувствовала, как он вздрогнул, прежде чем поднять глаза и встретить ее взгляд. Он выглядел во сне таким юным, и пожалуй, таким и остался, проснувшись. Ему нужна нянька, а не жена, с горечью подумала Аттолия, хотя вышла замуж в еще более раннем возрасте.

— Тебе надо принять ванну, — сказала она, — и кто-то должен осмотреть твою руку. Подожди здесь еще немного, пока я не пришлю служанку.

Но она не отпускала его подбородок, все еще глядя ему в лицо. Он протянул руку, чтобы легко коснуться сережки в ухе: квадратный рубин в золотой оправе, который так хорошо гармонировал с рубинами в ее золотой ленте. Она уже была в этих серьгах, когда склонилась над ним во дворе Мегарона.

— Они тебе понравились? — спросил он.

— Да, — сказала Аттолия.

Она выпрямилась и пошла к двери.

— Ты прилетишь ту же милую девушку? — окликнул ее Евгенидис.

Аттолия подняла бровь.

— Нет, — сказала она и исчезла.

Эддис повернулась к внезапно помрачневшему Евгенидису, который задумчиво потирал щеку.

— Я думаю... — медленно сказал он. — То есть я не думал обо всем этом.

— О женитьбе, хочешь сказать? — Эддис села рядом с ним.

— Нееет, — сказал он и посмотрел на нее.

В его глазах Эддис увидела намек на то, чего никогда раньше не замечала. Паника.

— Я не думал о том, каково быть царем, — его голос звучал хрипло то ли от беспокойства, то ли из-за синяков на шее.

Эддис уставилась на него.

— Во-первых, меня никогда не перестанет удивлять твоя способность превратить свою жизнь в бардак. Что ты имеешь в виду, говоря, что не думал, каково быть царем? Ты надеялся жениться на Аттолии и поселиться с ней в моей библиотеке?

— Нет, — сказал Евгенидис, глядя на свои сапоги. — Я знал, что должен стать царем. Просто я не думал об этом.

— Все эти парадные одежды, — задумчиво заметила Эддис. — Церемонии. Обязанности. Обязательства.

— И все будут смотреть на меня, — сказал Евгенидис. — Все время.

Эддис спокойно смотрела на него в течение минуты или двух, пока он, наверное, впервые рассматривал обязанности царя.

— У Аттолии не было договора с Мидией, — резко сказала она. — Ни одного. Евгенидис... — она подождала, пока он поднимет голову. — Мы могли бы заключить договор без брака.

— Нет, — сказал он.

— Ты уверен?

— Да.

Дворецкий Эфраты, капитан телохранителей, несколько баронов, как эддисийских, так и аттолийских, а также служащие обоих домохозяйств ждали в главном атриуме. Аттолия окинула их быстрым взглядом. Эддисийцы, конечно, казались диковатыми, неудивительно, что мидянин недооценил их, но они чувствовали себя совершенно комфортно, расположившись в углу двора. Ее собственный дворецкий и капитан гвардии с баронами выглядели откровенно растерянными, словно потолок мог обрушиться на них в любой момент.

Они неуютно чувствовали себя между двух огней. Ее капитан и дворецкий явно натворили что-то, что ей не могло понравиться, в то время как бароны были обеспокоены тем, что она, возможно, продана Эддису, в то время как они думали, что она играет за мидян. Аттолия задумчиво посмотрела на Телеуса и вздохнула.

— Вы позволили Нахусереху сбежать, — сказала она.

Телеус, привыкший к ее пронизательности, только кивнул.

— Вы упустили из виду его секретаря, раба.

— Да, — признался Телеус. — Раб выпустил его, и в суматохе им удалось добраться до лестницы к гавани. Они доплыли до пришвартованного у берега мидийского корабля и скрылись. Простите.

— Это серьезная ошибка, — сказала царица, но к великому облегчению Телеуса, она не сердилась. — Я хотела получить за него выкуп, теперь придется обойтись без него. Раз они добирались до своего корабля вплавь, они оставили в своей комнате много интересных документов. Я хочу видеть их.

Телеус закашлялся.

— Вы что-то сказали про суматоху, — напомнила царица.

— Они подожгли свою комнату.

— Ну, конечно, — сказала Аттолия, и Телеус в смущении опустил глаза.

— Что ж, — продолжала она, — надеюсь, ущерб не слишком велик. Барон Эфраты может пожалеть о своем гостеприимстве.

Барон Эфраты имел несколько современных комфортабельных мегаронов, и вряд ли помнил о существовании Эфраты.

Аттолия обратилась к дворецкому.

— Найди кого-нибудь сопроводить Ее Величество Эддис и ее Вора в лучшие покои и проследи, чтобы их разместили с удобствами. Без сомнения вам придется труднее, после того, как мой капитан допустил пожар в покоях посла, но уверена, на одну ночь вы что-нибудь придумаете. Завтра Эддис и ее свита будут сопровождать нас в столицу.

— Нет, Ваше Величество.

Голос звучал тихо, но твердо, и Аттолия воспользовалась воцарившейся тишиной, чтобы найти взглядом своего оппонента: конечно, это был отец Евгенидиса. Военный министр

Эддиса. Она смотрела на него. Редко кто осмеливался перечить ей, и никогда с такой уверенностью.

— Царица Эддиса не поедет по вашей стране без сопровождающих.

— Но она не может взять с собой всю армию, — ответила Аттолия.

Военный министр ждал, скрестив руки.

Ее собственные подданные, в том числе капитан гвардии смотрели на нее в страхе, который одновременно раздражал и смешил ее.

— Вы можете расположиться здесь, вокруг Мегарона, — сказала она наконец. — Переночуйте с войсками в поле, и я уверена, что завтра мы сможем найти решение, устраивающее всех. Сунис будет проинформирован о соглашениях, которых мы достигнем.

Военный министр склонил голову в знак согласия. Аттолия обратилась к дворецкому:

— Проследите, чтобы эддисийцы чувствовали себя хорошо, — сказала она и пошла в свои покои, оставив дворецкого соображать, что он может сделать в столь короткие сроки со столь малыми ресурсами.

* * *

В темноте вдоль побережья, осторожно лавируя, продвигался мидийский флот. С возвышения на корме Нахусерех смотрел, как медленно исчезают неясные очертания аттолийского побережья. Камету очень хотелось оставить его, но он не решался.

— Камет, — сказал Нахусерех, — и секретарь неохотно, но послушно подошел ближе.

— Господин?

— Мне очень хочется придушить кого-нибудь. Почему бы тебе не уйти, пока я не решил, что это ты.

Камет наклонил голову.

— Да, господин, — прошептал он и с облегчением удалился.

* * *

Утром аттолийская армия двинулась вверх по реке и остановилась напротив эддисийцев на другом берегу Сеперхи.

Большая часть армии горной страны расположилась на равнине под перевалом. Ближе к вечеру после предварительных переговоров между военным министром Эддиса и двумя из трех старших генералов Аттолии армия Эддиса была разделена на две части: первая вернулась в горы, чтобы защитить страну от возможных нападений Суниса, вторая должна была сопровождать царицу, отправляющуюся в столицу Аттолии.

Аттолия предложила Эддис плыть вместе с ней на корабле, но Эддис по настоянию военного министра отказалась. Аттолия отчалила со служанками, охраной и несколькими баронами. Остальная часть ее свиты отправилась по суше. Путешествие в жару по пыльной дороге было не самым приятным, но никто не сожалел о нем, пока царица Аттолии добиралась до столицы самостоятельно по морю.

Аттолия проводила дни на палубе, наблюдая как вдоль борта плавно скользит береговая линия ее страны. Она очень мало говорила со служанками и совсем не разговаривала с

баронами. Когда однажды Телеус шагнул вперед, чтобы обратиться к своей царице, одна из служанок бросила ему предупреждающий взгляд, и он поспешно ретировался. Аттолия заметила его, но не стала подзывать. Греясь под солнцем под дуновениями морского бриза, она была всецело занята своими мыслями.

Столица Аттолии сверкала на солнце, как драгоценный камень в зеленой оправе оливковых рощ на берегу мелкой речки Тастис. Дворец располагался на пологом склоне. Крутой холм за городом венчал храм новых богов. Когда-то столица и Мегарон теснились на крошечном плато, но за времена спокойного правления захватчиков город распространился вниз по склону до самой гавани. Гавань была защищена со стороны моря мысом и волноломом, а так же скалистым массивом острова Тегмис, протянувшимся параллельно побережью.

Мегарон в столице Суниса был построен из желтого камня без всякой облицовки, дворец Эддиса по сравнению с ним казался маленьким и темным, но дворец Аттолии был возведен из кирпича и облицован мрамором. Красивое здание с изящными пропорциями сияло на солнце, а ряды окон, отражающих солнечный свет мерцали, как драгоценности.

Во дворце среди слуг события Эфраты казались Аттолии далекими и нереальными. Вернулось знакомое напряжение, и она снова погрузилась в борьбу с миром, традиционно управляемым мужчинами, где она должна была оказаться сильнее и умнее своих противников. Война с Эддисом уходила на второй план. Слухи уже достигли столицы, когда она сообщила своим баронам о предложении руки и сердца Евгенидиса и внимательно наблюдала за их реакцией. Среди баронов оставалось еще достаточно оптимистов, считавших себя возможными кандидатами на руку и престол царицы Аттолии. Они переглянулись с возмущенным и насмешливым видом, и среди громких поздравлений она расслышала хихиканье, гаденькое ликование.

События получили дальнейшее развитие в ее личных покоях. Ее служанки, как всегда были заботливы и добросовестны, но впервые она сама проявила признаки явного нетерпения. Там, где царица была раньше оживленной, она стала раздражительной, где была ровной, теперь стала злой.

К ее удивлению, служанки сплотились, чтобы поддержать ее. Она ожидала увидеть страх за их заботой и угодничество за доброжелательностью, но не обнаружила ничего подобного. Их любовь и нежность казались искренними, даже когда она внезапно вскакивала на ноги, не давая заплести волосы, и убегала в свою спальню, хлопнув дверью так, как она не позволяла себе делать со времен, когда была просто маленькой дочерью второй жены царя. Они хлопотливо кружили над ней весь день, уговаривая что-нибудь съесть, когда кусок не лез ей в горло, следили, чтобы никто не мешал ей, когда она была занята, тщательно готовясь к прибытию царицы Эддиса таким образом, чтобы ей оставалось только одобрить их решения.

Эддис задерживалась в Эфрате, дожидаясь сестру и тетю со служанками, чтобы смягчить милитаристское впечатление своего визита. Тетушка Эддис, княгиня, под предлогом своей старости и слабого здоровья настояла на необходимости путешествия с максимальным комфортом. Затем она бодро проскакала на лошади до самой Эфраты, пока громоздкий дормез^[7] спускали с гор вслед за ней, причем большую часть пути на руках. Достигнув равнины, сестра Эддис, тоже, кстати, княгиня, и все служанки объединили усилия, желая быть уверенными, что их царица сможет представить свою страну с должным блеском. Вызывая своих женщин, Эддис имела в виду именно такую поддержку, поэтому

невозмутимо отдалась в их заботливые руки.

Она также пригласила халдея, но он вежливо отказался. Опытный политик все еще надеялся помириться со своим царем и предпочитал сохранять формальные признаки плена.

Когда Эддис прибыла в столицу, Аттолия приветствовала ее изящно и с соблюдением всех церемоний. Ни разу не взглянув на Евгенидису, она пригласила их к себе во дворец и выразила надежду, что их пребывание здесь будет приятным. Пока Аттолия делала вид, что Евгенидису не существует, ее дамы тщательно осмотрели Вора и, кажется, остались недовольны увиденным. Эддис отметила недоброжелательность слуг, а так же холодность Аттолии. Она беспокоилась, что склонность ее Вора отвечать насмешкой на враждебность может возродиться и приведет к катастрофическим последствиям, но Евгенидис только вежливо поклонился и мягкая улыбка не сошла с его лица, даже когда Аттолия, глядя сквозь него, ответила ему небрежным реверансом.

В тот вечер перед ужином Евгенидис присоединился к Эддис в ее покоях. Служанки сновали по комнате и останавливались, чтобы приложить к ее лицу серьги, а затем посовещаться между собой, не окажется ли другая пара более подходящей. За ними, подобно коршунам, наблюдали две зоркие княгини, время от времени отпуская свои замечания.

Эддис демонстрировала ангельское терпение. Евгенидис забавлялся, глядя на нее.

Ксанта, старшая из служанок, подтолкнула руки царицы, и Эддис покорно подняла локти, давая Ксанте завязать пояс на талии.

— Не думаю, чтобы служанки Аттолии нянчились с ней, как с призовой кобылой, — заметила царица, пока старуха расправляла вышитую золотом тканьь.

— Уверена, что им не приходится, — ответила Ксанта. — Наверняка она сама выбирает свои платья, а не норовит запрыгнуть в штаны и сапоги при каждом удобном случае.

Эддис с улыбкой покосилась на Вора.

— Видывал я золотых тельцов, охраняемых менее яростно, — заметил Евгенидис.

— А я заметила во дворце множество вооруженных стражников. Это ради нашего присутствия? — спросила Эддис, все еще стоя с разведенными в стороны руками.

— Нет, — сказал Евгенидис. — Они всегда рядом с ней.

Это было общеизвестно, и Эддис решила не углубляться в подробности.

— Сегодня вечером будут музыканты с континента и танцы, — предупредила она своего Вора. — Протокол требует, чтобы жених пригласил невесту на первый танец.

— Я подготовился, — ответил он и после ужина, когда столы были убраны, и зазвучала музыка, он послушно подошел к помосту и протянул руку вперед. Аттолия вежливо, не глядя на него, вышла в круг и танцевала, не сказал ни единого слова. В конце танца он вернул ее к помосту с чувством, что водружает статую обратно на ее пьедестал. Он поклонился и вернулся к Эддис.

— Кажется, ты пришелся не ко двору, извини за каламбур, — сказала царица, пока он устраивался в кресле между нею и ее церемониймейстером.

— Я не видел столько ядовитых взглядов со времен, когда украл те самые изумрудные серьги, — заметил Евгенидис.

— Не могу поверить, что они тебя невзлюбили, — ответила Эддис.

— Ты видел ее охрану?

— О, да.

— А дворецкого и слуг, всех до последнего виночерпия? Все десять служанок царицы, как видишь, проголосовали против меня.

— А сама царица? — спросил церемониймейстер, сидящий по другую сторону Евгенидиса.

— Царица воздержалась, — быстро ответил Евгенидис.

— Девять против, одна еще не определилась, — подвела итог Эддис.

Когда Евгенидис ответил ей недоуменным взглядом, она пояснила:

— Служанки Аттолии. Думаю, одна из них еще сомневается.

— Действительно, кто же это? — поинтересовался Евгенидис, подняв бровь.

— Выясни сам и привлеки ее на свою сторону.

— И рискнуть, что меня порвут на лоскуты?

— Думаю, что ты застрахован от членовредительства, — криво усмехнулась Эддис.

— Это ты так думаешь, — ответил Евгенидис. — А мне в тарелку насыпали песку.

Эддис посмотрела на него.

— А я подумала, что ты не хочешь есть.

— Песок, — сказал Евгенидис. — В супе из черепахи, в хлебе, в седле ягненка. Но пахло все просто божественно.

— Она не могла... — начала Эддис, но Евгенидис прервал ее, махнув рукой в воздухе, словно отгонял летучую паутинку.

— Нет, конечно, она не стала бы. Я бы сказал, что кухня полностью солидарна со служанками.

Вздыхнув, Эддис оглядела элегантный зал с изысканной плиткой на полу, мозаикой на стенах и сотнями свечей в позолоченных канделябрах. Ей пришла в голову неприятная мысль, что она скорее согласилась бы продать Евгенидиса в рабство, чем женить его на царице Аттолии.

* * *

Как и предполагала Аттолия, переговоры начались на следующий день с договора о военном сотрудничестве. Царицы на них не присутствовали. Их представляли министры и советники. Обе монархини, встречаясь лицом к лицу, обсуждали погоду и вечерние развлечения. Евгенидис, в свою очередь, вежливо приглашал царицу танцевать, не ропща против предоставленной привилегии, но Аттолия в разговоре с ним отделялась только общими фразами, на которые, как догадывалась Эддис, Вор вполголоса отвечал едкими комментариями. Когда Аттолия возвращалась на свое место, кипя от возмущения, никто не воспринимал это, как добрый знак. Ее служанки наблюдали за ним, прищурив глаза, и, как выразился Евгенидис, если бы у них были хвосты, они бы уже облаяли его. Стражники Аттолии наблюдали за ним, как ястребы, ожидающие сигнала наброситься на добычу, и даже слуги, казалось, смотрели свысока, обращаясь к нему.

Бароны Аттолии не смогли выступить единым фронтом. Все они были безупречно вежливы, но их любезность имела разные мотивы. Некоторые резко выступали против любого царя, не родившегося в Аттолии; кое-кто был удивлен, что их царица пала так низко. Эддис видела: никто не верит, что Вор Эдиса может стать толковым правителем.

Мирные переговоры, казалось, зашли в тупик. Аттолия, окруженная своими капризными баронами, соблюдала формальную дистанцию. Эддис, видя угрозу благополучию своей страны, проявляла осторожность. Ее военный министр, помня, что

царица Аттолии искалечила его сына, балансировал на грани откровенной враждебности.

Между тем Эддис расточала комплименты дворцу и садам Аттолии. Аттолия отвечала приглашениями на музыкальные представления, танцы и прогулки с пикниками.

— Ваш двор заполнен хорьками и змеями, Ваше Величество, — сказал однажды вечером Евгенидис голосом, который могла расслышать только Аттолия, под музыку вышедшая в центр зала.

Евгенидис вел ее левой рукой, положив правую царице на талию. Она чувствовала твердость фальшивой руки, прижатой к ее спине.

— Где вы их раскопали? Специально растили в темных норах, а потом привезли в столицу?

Аттолия знала, что он говорит о ее баронах. Она молча смотрела через его плечо. Она все еще была выше него.

— Вот барон Эрондитес, например, — непринужденно продолжал Евгенидис. — Он все время встает на хвост и шипит на меня, как кобра. И Суза... Вы когда-нибудь спускаете его с цепи, или он кусается? Он сказал мне, как ему приятно, что вы, наконец, выходите замуж. Кажется он использовал прилагательное... эээ... «забавный».

Он почувствовал, как напряглась Аттолия и начал высматривать следующую мишень.

— Зато сын Эрондитеса... — он замолчал, потому что Аттолия начала медленно разворачиваться к нему лицом.

— Если скажешь еще хоть слово, я прикажу спустить с тебя шкуру, — сказала она.

Евгенидис улыбнулся. Молодой Эрондитес сразу поддержал молодую царицу и всегда поддерживал ее даже против собственного отца. Она не хотела стоять и слушать, как его оскорбляют, но Евгенидис знал, что уже заронил семена сомнения. Теперь она будет спрашивать себя, не называл ли молодой Эрондитес ее брак с Вором Эддиса ...эээ... забавным.

Но он был слишком добр, чтобы позволить этим семенам прорасти.

— Я всего лишь хотел отметить его лояльность, — сказал Вор. — Или отсутствие оригинальности. При разговоре со мной он смотрит сквозь меня, точно так же, как вы.

Мгновение Евгенидис надеялся, что Аттолия что-нибудь ответит. Потом она повернула голову, посмотрела через его плечо, и надежды Вора были развеяны. Они закончили танец, и он вернул ее на трон к придворным. Он вежливо поклонился и повернулся, чтобы идти к своей царице.

— Евгенидис, — позвала Аттолия, и он быстро повернулся к ней.

Она подняла руку и приложила ладонь к его щеке. Этого было достаточно. Хотя выражение его лица не изменилось, она почувствовала дрожь, пронизавшую его тело. Он боялся ее. Часть его всегда будет бояться ее. Этот страх был ее оружием, и она должна была поощрять его, если хотела сохранить свою власть и корону.

— Спокойной ночи, — вежливо сказала Аттолия.

— Спокойной ночи, Ваше Величество, — ответил Евгенидис и отступил назад, чтобы еще раз поклониться и отвернуться.

Благополучно вернувшись на свое место, он вытер пот со лба. Ему показалось, что седая служанка улыбнулась. Может быть, она решила, что ее госпожа выказала ему свое расположение? Или она поняла, что Аттолия вежливо поставила его на место?

В тот же вечер царица уволила Хлою, приказав девушке отправляться домой к отцу после незначительного проступка. Она уронила маленькую склянку с духами, и стеклянный пузырек разбился. Аттолия поднялась на ноги; казалось, в гневе она стала такой же высокой, как бессмертная богиня, которую она взяла для себя за образец. Хлоя, заикаясь, лепетала извинения, но царица выгнала ее, а затем, не оглядываясь, скрылась в своей спальне.

Когда она вышла, Хлоя залилась слезами.

— Зачем она выходит за него замуж? — рыдала девушка. — Зачем он ей нужен, если делает ее такой злой?

— Она рассердилась бы на любую из нас, — сказала одна из служанок.

— Если бы он был мужчиной... — сказала другая. — Если бы они не унижали ее, заставляя выйти замуж за безусого мальчишку...

— Нахусерех... — начала Хлоя.

— Был дураком, — перебил ее кто-то.

— А Евгенидис кто тогда? — горько спросила Хлоя.

Одна Фрезина воздержалась от замечания, пристегивая рукава к платью.

На следующий день Хлоя вернулась к отцу. Остальные женщины злобно смотрели на Евгенидиса, сплотив ряды вокруг своей осажденной царицы. Одна Фрезина осмелилась тихо шепнуть Аттолии, вплетая ей цветы в волосы перед музыкальным вечером:

— Ваше Величество, пословица «молчание — золото» подходит не для всех случаев.

Аттолия так резко повернула голову, что оборвала головку одного из цветов в руках служанки. Фрезина осторожно заменила цветок.

Прошло три недели, но заключение договора так и не приблизилось. Эддис начала беспокоиться, что Аттолия затягивает переговоры, чтобы вернуться к боевым действиям. Ее лицо стало таким непроницаемым, и беседы такими вежливыми, что невозможно было догадаться, что у нее на уме.

— Она не откажется от Эфраты, — сказала Эддис Евгенидису, когда они после полудня прогуливались по одной из дворцовых террас с видом на сад.

Она отослала свою охрану, и они остались одни.

Передача Эфраты была одним из требований Эддис. Этот маленький поселок должен был стать частью ее страны, чтобы обеспечить доступ к морю для международной торговли. Эфрата была бедным портом, но лучше, чем ничего, и в этом вопросе Эддис была непреклонна.

Аттолия была так же непреклонна в своем желании отказать ей. Были и другие спорные моменты, и никто из советников не добился существенного прогресса, за исключением министров торговли. Эти двое пребывали в полном согласии и приятно проводили время в обществе друг друга, обсуждая обмен чугуна и шерсти на оливки и вино.

— Твой отец совсем не помогает нам. Я вижу, как он смотрит на Аттолию за столом, — Эддис натянула на лицо гадливую гримасу.

— Наверное, ты передала ему угрозу царицы отрубить мне вторую руку. Я не уверен, что он оценил ее юмор.

— Я тоже не уверена, — призналась Эддис. — Я не хочу превратиться в мать Хеспиры, но я очень хочу, чтобы ты вернулся домой, Ген.

— Нет.

Эддис нерешительно продолжала:

— Вторая проблема — ее бароны. Им не нравится идея получить царя из Эддиса. Если бы у них был царь, никто не возражал бы против его женитьбы на эддисийке. Но им не понравилось, что решение приняли без них, и еще меньше они хотели получить на трон иностранца.

— Хочешь сказать, что легче было бы заключить договор с Аттолией, если бы мы не настаивали на браке?

— Может быть, — сказала Эддис.

— А гарантии выполнения договора?

— Не знаю, — сказала Эддис. — Я начинаю понимать, что ничегошеньки не знаю об Аттолии на самом деле. Я надеялась на тебя.

— Она не говорит со мной, — ответил Евгенидис. — Ничего, кроме формальных ответов.

— Вы разговариваете, когда танцуете, — предположила Эддис.

— Очередные банальности.

— А прошлым вечером? — когда царица с Евгенидисом закончили танцевать, она была вне себя от гнева.

Евгенидис остановился и прислонился к низким перилам, отделяющим террасу от сада. Он скрестил руки на груди и уставился на кончики сапог.

— Она рассказывала мне об истории дворца. Нудная лекция, в самом деле. Я сказал ей, что один из моих прапрадедов был архитектором.

— В самом деле? — пробормотала Эддис.

— О, да, вот почему мы так хорошо ориентируемся в ее дворце. Чертежи хранились в твоей библиотеке, я убрал их, когда приехал халдей. Я сказал Аттолии, что планировка ее дворца напоминает Мегарон Суниса. Это очень удобно, сказал я. Она посмотрела на меня, как на гада ползучего.

— А ведь я просила поблагодарить ее за гостеприимство.

— Я поблагодарил. Когда она сказала, что сегодня утром планируется охота, и я, возможно, пожелаю присоединиться.

— И что? — спросила Эддис, глядя на его руку.

Он и с двумя руками плоховато держался в седле, чтобы выезжать на охоту, тем более с одной.

— Я сказал, что однажды уже поохотился в Аттолии, большое спасибо.

— Ох, Ген, — вздохнула Эддис.

* * *

После танцев Аттолия вернулась в свою комнату и сразу же выгнала служанок. Когда они шли к двери, она язвительно заметила Фрезине, что считает «молчание — золото»

лучшим поведением в данной ситуации. Когда женщины ушли, она стала выдергивать цветы из прически, швыряя их на пол и бормоча:

— Черт, черт, черты бы его побрал!

Тем не менее, она злилась не на Вора и не на Фрезину. Как глупо с ее стороны было предложить поехать на охоту человеку с одной рукой. Как глупо было влюбиться в человека, которому она сама отрубила руку. Ну, может быть, она оказалась настолько глупа, чтобы полюбить его, но все же не до такой степени, чтобы поверить в его ответную любовь. Она видела гнев в глазах его отца, и если его не было в глазах Евгенидиса, значит, он лучше умел скрывать свои чувства, вот и все.

* * *

Стоя на террасе и глядя в сад, Евгенидис признался:

— Я думал, это будет похоже на конец сказки у камина. Богиня любви помашет жезлом, и мы будем жить долго и счастливо. — он покачал головой. — Единственный приличный человек из придворных презирает меня. Наиболее презренные маскируют свое хихиканье сочувствием, а если спросить служанок царицы, то мне уже следовало бы несколько недель висеть на стене вниз головой.

— Я с каждым днем все больше сочувствую матери Хеспиры. Я предпочла бы, чтобы ты отправился жить в пещеру под Священной горой.

— Там неудобно. Как ты думаешь, это боги мстят мне?

Эддис подняла брови.

— Нет, — ответил Евгенидис сам себе. — Если это и месть, то, как ты сказала: боги слишком хорошо меня знают и могут предсказать мои поступки. Они не управляют мной. Они могли догадаться, что я люблю ее, но не заставляли меня любить. Знаешь, я много лет следил за ней. Когда ты не знала, куда я сбежал, я в основном, был в Аттолии.

— Твой дед знал?

— Он знал, что я был очарован ею. Она как пленница среди каменных стен, и с каждым днем стены становятся все толще, а дверной проем уже.

— И что дальше? — спросила Эддис.

— Ну, — сказал Евгенидис. — Это вызов.

Он посмотрел на Эддис.

— Почему ты спрашиваешь?

— Я беспокоюсь о твоём благополучии, — сухо сказала Эддис. — И благополучии двух стран. Так или иначе, для процветания Эддиса нужно, чтобы это правительство было устойчивым.

Евгенидис смотрел в пустоту.

— Я не могу бросить ее одну среди каменных стен. — он посмотрел на Эддис, надеясь, что она поймет. — Она слишком дорога мне, чтобы сдаться.

— Но она не хочет говорить с тобой.

— Нет, — мучительно признал Евгенидис. — И даже слышать меня не хочет. Если она не хочет слышать меня, как я скажу ей, что люблю ее?

— Если она не будет слушать, как ты сможешь ей солгать? — спросила Эддис.

Евгенидис посмотрел на крыши дворца. Внезапно он опустил глаза, чтобы посмотреть

на Эддис.

— Но я и не думал ей врать.

— Откуда ей знать? — возразила Эддис — Она не привыкла доверять людям. Почему она должна вдруг поверить твоим словам? Ты можешь открыть для нее дверь, но ты не сможешь заставить ее пройти сквозь нее.

Ошибки, сделанные Евгенидисом, были слишком очевидны, чтобы пытаться возразить.

— Тебе она поверит, — сказал он после раздумья.

— Нет, — сказала Эддис.

— Поверит.

— Евгенидис, — запротестовала царица.

— Она поверит, — настаивал Евгенидис. — Ты скажешь, что мы сможем заключить договор со свадьбой или без нее. У тебя нет причин лгать ей. Она тебе поверит.

— Евгенидис, я царица Эддиса, а не сваха.

Да уж, если бы она была свахой, он бы давно был женат на Агапе. Вор только откинулся на перила каменной балюстрады за спиной и скрестил руки на груди. Он ждал, пока Эддис не подняла ладони.

— Сдаюсь, — сказала она. — Я попрошу о частной беседе. Я скажу, что мы можем заключить договор без свадьбы, и посмотрим, что она ответит.

* * *

— Решили переиграть заново? — спросила Аттолия Эддис в уединении своих покоев, где обе дамы впервые после Реи встретились без свидетелей. — Сначала я вынуждена принять его, теперь вы пытаетесь забрать его обратно?

— А вы будете удерживать его мне назло? — спросила Эддис.

Аттолия поняла, что горная царица хорошо осведомлена о ее ревности.

— Разве он не самая ценная ваша собственность? — подколола Аттолия.

— Он не собственность, — возразила Эддис, ее голос звучал глухо.

— Но вы хотите придержать его для себя? — предположила Аттолия. — Не так ли?

— Сделать его царем Эддиса? Вы неверно оцениваете нашу дружбу, — ответила Эддис.

Глава 21

Евгенидис как лунатик брел по коридору, почти ничего не видя и пытаясь вспомнить звуки дворца, по которым он когда-то ориентировался при передвижении в лабиринте воздухопроводов. Вспомнив, он пошел быстрее по длинному коридору к кухне, через нее, не говоря никому ни слова, к курятнику в одном из нижних дворов дворца. Здесь же держали свиней и коз. Он потребовал у озадаченного конюха козленка и понес его, брыкающегося, обратно во дворец.

Во дворце пустовало много комнат. Евгенидис знал одну, первоначально строившуюся как солярий. После надстройки стены солнечный свет уже не проникал в ее окна, сделав комнату слишком холодной и темной для использования. С учетом отсутствия тамбура между комнатой и коридором и наличия ряда колонн, делящих ее на две части, комната мало подходила и для других целей. Эти качества превратили ее в отличный тайник при его прошлых визитах. И главное: здесь стоял большой каменный стол, годный заменить алтарь. Жертву богам можно было принести в любом месте, и хотя далеко не все просители получали ответы от богов, Евгенидис ни минуты не сомневался, что ему ответ будет дан.

Переложив малыша в правую руку, Евгенидис выдернул свечу из настенного подсвечника. Поднимаясь по лестнице, он прошел мимо нескольких человек. Никто из них не заговорил с ним. Люди отходили в сторону и спокойно смотрели ему вслед. Он начал подниматься быстрее и почти бегом направился в пустую комнату. Дверь закрылась за ним с громким стуком.

Стол стоял справа от двери, прямо у стены. Прямо напротив него в стене было прорезано трехстворчатое окно, каждая из створок делилась на множество застекленных сегментов. Первым делом он взглянул в сторону акрополя, возвышавшегося за городом. Но сейчас вместо него можно было увидеть только глухую стену на противоположной стороне внутреннего двора. Солнце стояло уже высоко, его лучи ромбами лежали на подоконнике и золотили танцующие в воздухе пылинки.

Козленок заблеял, когда он крепче сжал его под мышкой, пытаясь зажечь спичку одной рукой. Впрочем, серебряный коробок открывался легко. Свеча загорелась, и Евгенидис наклонил ее, капая расплавленный воск на столешницу и одновременно скандируя воззвание к Великой богине, сознательно выбрав тот самый гимн, который он снова и снова пел в тюремной камере. Когда на столе скопилась достаточная лужица горячего воска, он опустил в нее свечу и держал, пока она не утвердилась прочно. Затем он опустил козленка на столешницу. Тот вскочил и собрался бежать, но Евгенидис придержал его правой рукой и быстро достал нож. Он ловким движением перерезал жертве горло и, так как под рукой не было миски для сбора жертвенной крови, он повернул лезвие и вонзил его в маленькое тельце чуть ниже грудины. Затем он упал на колени, уперся лбом в край стола, положил локти на столешницу и приготовился ждать.

Кровь остыла и подсохла. Он продолжал ждать, неподвижный, холодный, оцепеневший.

— Дверь не открывается, Ваше Величество, — сказал один из слуг.

На двери не было замка, но Аттолия не удивилась тому, что комната закрыта изнутри. Скорее, она этого ожидала.

— Оставьте его, — сказала она. — Он говорит со своими богами.

Слуги поклонились и разошлись, тихо переговариваясь между собой, но Аттолия знала, что сегодня же слухи о безумии Евгенидиса просочатся из дворца в город, как вода сквозь решето. Аттолийцы мало веры вкладывали в свою религию. Они покорно участвовали в храмовых церемониях и виртуозно использовали имена богов для проклятий, пожалуй, вот и все.

Евгенидис стоял на коленях перед жертвенником, пока не исчез дневной свет за окном, его тело начало болеть, разум заостенел. Единственной светлой точкой в комнате оставалось неподвижное пламя свечи. Легкая рука коснулась его плеча. Он посмотрел вверх и увидел стоящую рядом Мойру.

— Чем я прогневил богов, что они предали меня? — спросил он.

Мойра покачала головой.

— Гефестия не отправила послания.

— А бог воров? Разве я не просил у него защиты? Моих даров на его алтаре недостаточно, раз я потерял его благосклонность?

— Я ничего не могу сказать, Евгенидис.

— Тогда я буду ждать здесь. — он снова положил голову на край стола.

— Евгенидис, — сказала Мойра. — Ты не можешь требовать ответа от Великой Богини. Боги не несут ответственности за смертных.

— Нет, могу, — ответил Евгенидис, не поднимая головы. — Я могу требовать. Будут мои требования выполнены или нет, но требовать я могу. Я могу действовать по собственному выбору, а не по указке богов.

— Евгенидис, — предупредила Мойра.

— Ты предала меня, — сказал Евгенидис. — Предала меня Аттолии. Вы, боги Эддиса, предали меня Аттолии и Мидии. — его пальцы на мгновение веером раскрылись в луже липкой крови, прежде чем снова сжаться в кулак. Вы предали меня, и я могу требовать ответа: за что?

— Евгенидис, нет, — предупредила Мойра в третий раз.

— Да! — закричал Евгенидис, окна солярия лопнули, и воздух наполнился звоном разбитого стекла.

* * *

— Боги редко отвечают человеку, это великий знак, — спокойно сказала царица Аттолия взволнованному дворецкому, который сообщил ей что все стекла во дворце вылетели из окон.

* * *

Когда каждое стекло взорвалось на сотни осколков, которые на мгновение замерли в

воздухе и с тихим звоном посыпались вниз, Евгенидис бросился на пол и закрыл голову руками. Осколки падали ему на спину. Он лежал и слушал, как стекла разлетаются по полу, бьются друг о друга, порождая подобие тихой музыки. Ветер стих, звон замер, но давление в комнате нарастало. Он чувствовал боль в ушах, ужас сковал его тело. Это не был испуг, который ему случалось испытывать в прошлом, но слепая паника, как у пойманного в ловушку животного или человека, теряющего твердую почву под ногами во время землетрясения. Ему и прежде доводилось переживать землетрясения дома в горах. Евгенидис сделал глубокий вдох.

— Вы предали меня, — закричал он, руки приглушали его голос. Он вспомнил мидянина, неожиданно появившегося на склоне горы. — Дважды, — вопил он. — Вы меня предали. Почему вы встали на сторону мидянина? Разве я не молился вам? Разве не приносил жертвы на ваши алтари всю свою жизнь?

— И верил в нас всю свою жизнь? — спросил голос, показавшийся просто шумом крови в ушах.

Евгенидис содрогнулся от его спокойствия. Нет, он не верил. Большинство жертв было принесено для проформы, ради бессмысленного ритуала.

— Чем я обидел богов? — спросил он в отчаянии. — Если я оскорбил вас, — он кричал, почти не слыша своих слов, — то почему я не разбился? Это проклятие воров и их право — умереть, разбившись о землю, разве нет?

Он прижал руки к груди, пряча искалеченную под здоровой, не в силах говорить дальше.

— Кто ты такой, чтобы говорить о своих правах богам? — спросил голос, все еще бесстрастный.

В комнате стало совсем темно, эта тьма прижала Евгенидиса к полу так, что он почти не мог дышать и не чувствовал ничего, кроме неосязаемой тяжести. Он был ничем, просто пылинкой среди мириад других пылинок и, сложенные вместе, они были... ничем, кроме пыли. Одни отделялись от других и взлетали вверх под взглядом богов, но по-прежнему оставались пылинками. Он с хрипом втянул в себя воздух и прошептал:

— Разве я оскорбил богов?

— Нет, — сказал голос.

— Тогда почему? — зарыдал он, крепче сжимая обрубок руки, хотя волдыри под манжетой пронзали руку острыми, как нож, вспышками боли. — Почему?

В темноте под закрытыми веками Евгенидис увидел мерцание красного огня. Потом он исчез, сменившись видением черного силуэта Священной горы на фоне звездного неба. Над ней курился сизый дымок, различимый даже в темноте. Внезапно вершина горы взорвалась, огонь вернулся, вытянувшись в ослепительный столб с огромным облаком пепла на вершине, накрывающим своей тенью гору и долины Эддиса. Евгенидис видел, как кипящий камень выплеснулся на склон горы, превращая все на своем пути в дымящиеся развалины. Он видел дома, вспыхивающие один за другим, бегущих людей, женщину с маленьким ребенком, внезапно охваченных пламенем. Земля снова содрогнулась под ногами. Красная стена расплавленного камня обрушилась на него, но он не мог даже пошевелиться. Его кожа нагрелась, потом стала горячей, потом он почувствовал себя сухим, как лоскут бумаги, готовым вспыхнуть от единой искры. Он чувствовал запах опаленных волос, но по-прежнему не мог пошевелиться. Он зажмурил глаза, но они уже были закрыты, а зрение оставалось ясным. Евгенидис откинулся назад и почувствовал, как вливается в кожу битое стекло. Он лежал на полу в комнате дворца, погибая от нестерпимого жара. Языки лавы подползали все

ближе. Он кричал снова и снова, не в силах побороть ужас.

* * *

Аттолия сидела на троне и ждала. Комната была пуста, и тишина не нарушалась даже эхом. После многих часов напряжения она поднялась и вышла из тронного зала, сопровождаемая неизбежной свитой придворных и слуг, покинула дворец и поехала в храм новых богов. Жрецы были предупреждены о ее приходе. Они встретили ее в пронаосе и молча отошли в сторону, когда она побрела к алтарю. Она подняла тяжелые золотые подсвечники и заменила в них свечи. Потом опустила пожертвования и прислушалась к музыкальному звону золотых и серебряных дисков с вырезанных на них молитвами, когда они скользнули на дно чаши. Она снова прошла по храму. Здесь было холодно и пусто. Может быть боги захватчиков оставили страну вместе с ними? Аттолия не знала. Она знала, что храм пуст, пуст, как и ее тронный зал, в который ей следовало вернуться. Она отослала придворных и слуг в постель и уселась на трон. Когда звуки жизни стихли, она опустила голову и заговорила в темноте.

— Верните его мне, — сказала она, — и я воздвигну ваш алтарь в самой высокой точке акрополя, я окружу его храмом, который будет стоять до тех пор, пока существует Аттолия.

Ответа не последовало. Она сидела и ждала.

* * *

— Евгенидис. — позвал его голос, нежный, как летний дождь.

Он прекратил кричать и прислушался.

— Ничто из творений божьих или человеческих не существует вечно. Ты понимаешь меня?

— Нет, — сказал Евгенидис хрипло.

Видение Священной горы медленно растворилось в воздухе. Он все еще лежал на полу солярия и чувствовал, что его окружают прочные каменные стены.

— Ты узнаешь меня? — снова спросил голос.

— Нет, — прошептал Евгенидис.

— Ты однажды принес жертву на мой алтарь.

— Прости меня, богиня. Я не узнаю тебя.

Ее слова не давали ему возможности угадать имя богини. Он не понимал, говорит ли она о жертве, принесенной когда-то давно, или о том, что он всего лишь однажды жертвовал в ее честь. Он мог лишь гадать, скольким богам приносил жертву один раз в жизни. Он часто оставлял свои дары в маленьких храмах собственной страны, а также Аттолии и Суниса: монету, фрукты, горсть маслин, украденное украшение, которое он не собирался оставить себе. В последнее время он был более щепетилен в выборе своих жертв, но помнил только, что оказывал предпочтение богам водной стихии, надеясь загладить давнюю обиду Арактуса. Он принес особо щедрую жертву на алтарь Арактуса, прежде чем войти в бездну его русла, но это был далеко не первый его дар реке. В любом случае, сейчас с ним говорила богиня. Богиня, которой он явно должен был уделить больше внимания.

— Ты думаешь, что я стою между тобой и Великой Богиней, что все эти годы приносил свои жертвы не на тот алтарь? — в ее голосе звучало удивление.

Евгенидис не ответил.

— Не обижай одного бессмертного ради другого. Тебе покровительствует бог воров, но помни, что ни один из богов не всемогущ, даже Великая Богиня.

Она молчала так долго, что Евгенидис подумал, не ушла ли она. Он уже собирался поднять голову, решив, что боги сказали ему все, что собирались, но тут она заговорила снова.

— Вор, — сказала она, — что ты готов отдать, чтобы вернуть свою руку обратно?

Евгенидис вздрогнул всем телом.

— О, нет, — добавила богиня. — Это не в моей власти, и не во власти Великой Богини. Что сделано, то сделано, с этим смиряются даже боги. Но если бы руку можно было восстановить, что бы ты мог отдать за нее? Свое зрение? — голос затих, а Евгенидис вспомнил, как он просил врача Галена дать ему умереть, не дожидаясь прихода слепоты. — Свою свободу? — продолжала богиня. — Свой разум? Подумай, Евгенидис, прежде чем ответить богам. Тебе еще есть, что терять.

— Почему боги предали меня? — тихо спросил Евгенидис.

— А они это сделали? — голос богини звучал так же тихо.

— Аттолии, мидянину... — Евгенидис запнулся.

— Ты хочешь обратно свою руку, Евгенидис? Взамен Аттолии? Ты отдашь ее мидянину?

Его глаза широко раскрылись. Пол был усеян осколками стекла, искрившегося в свете свечи.

— Ты знаешь ответ, вор.

И она ушла.

* * *

Евгенидис заснул и проснулся снова в темноте. Он понял, что лежит на спине. В постели. Огонь в очаге не горел, но ночь была лунная, и света в комнате было достаточно, чтобы разглядеть сидящую рядом Эддис.

Он прочистил горло.

— Гора, — сказал он. — Я видел, как гора взорвалась.

— Я знаю, — откликнулась Эддис.

— Ты тоже видела? — удивился Евгенидис.

— В моих снах. Начиная с зимы.

Евгенидис поерзал на подушке, словно пытаясь отогнать назойливые воспоминания.

— Это было ужасно. Когда, как ты думаешь?

— Не скоро, — сказала Эддис, наклоняясь к нему, чтобы положить руку на лоб. — Когда-нибудь, возможно, даже не при нашей жизни. Гефестия предупредила нас заранее, чтобы дать время подготовиться.

Она успокоила его, и он снова заснул.

Когда он проснулся в следующий раз, стоял день и комнату заливал яркий свет. Он повернулся проверить, сидит ли Эддис еще здесь, и обнаружил Аттолию, терпеливо

дожидаящуюся, когда он откроет глаза. Она сидела, сложив руки на коленях и глядя в даль, но, наверное, заметила его движение, потому что повернула голову и встретила его взгляд.

— Ты меня любишь? — спросил Евгенидис без предисловий.

— Почему ты спрашиваешь? — ответила она, и он в отчаянии поморщился.

— Потому что мне нужно знать, — сказал он.

— Я ношу твои серьги, — заметила Аттолия.

— Согласиться выйти за меня замуж не то же самое, что любить меня.

— А ты поверишь мне, если я скажу, что люблю? — спросила Аттолия.

Вопрос был важным, и Евгенидис тщательно обдумал свой ответ.

— Я не думаю, что ты солгала бы.

— Это имеет значение? — спросила Аттолия.

— Говоришь ли ты правду?

— Люблю ли я тебя?

— Да. Так ты меня любишь? — снова спросил он.

Она помолчала.

— Когда мы открыли двери солярия три дня назад...

— Три дня? — усомнился Евгенидис.

— Три дня, — подтвердила Аттолия. — Когда мы открыли двери, то увидели выжженную дотла комнату, и тебя, лежащего на полу, может быть, мертвого, среди осколков стекла. Ты знаешь, как дорого оконное стекло?

— Да, Ваше Величество, — кротко признал он.

— Но ты не был мертв. Не разрезан на куски, не сожжен, а когда ты проснулся, твоя царица сообщила, что ты, кажется, не сошел с ума. Так ты сумасшедший или нет?

— Не больше, чем обычно, мне кажется.

— Сумасшествие думать о любви ко мне, — сказала Аттолия, и в ее голосе, обычно бесстрастном, прозвучала горькая насмешка.

Евгенидис потянулся к ее руке, но она сидела справа от него, и ему пришлось повернуться на бок. Он приподнялся на локте, но она высвободила руку и мягко толкнула его обратно на подушки. Затем она поправила одеяло и открыла обрубок его правой руки. Его протез с крючком лежал на столе в дальнем углу комнаты. Евгенидис не подался искушению спрятать руку под одеялом.

— Болит? — спросила она.

— Нет.

Евгенидис провел рукой по культе. Волдыри и мозоли исчезли. Он освободился от боли в костях и фантомной боли в кисти. Может быть, богиня заступилась за него, и боль ушла навсегда?

Глядя на его руку, Аттолия сказала:

— Это я лишила тебя руки.

— Да.

— С тех пор я живу вне себя от горя из-за своей злобы и твоей боли. Мне казалось, что я никогда не чувствовала ничего иного, но эти чувства, по крайней мере, были мне знакомы. Я не знала любви. Я не могла распознать это чувство, пока мне не показалось, что я потеряла тебя в Эфрате. И когда я подумала, что теряю тебя во второй раз, я была готова отдать, что угодно, чтобы удержать: мою веру, мою гордость и мой гнев, все ради тебя. Теперь я вижу тебя здесь и вижу все, что я сделала с тобой.

Она осторожно погладила его искалеченную руку, и он вздрогнул от ее тепла и близости.

— Ты много лет следил за мной? — спросила царица.

— Да, — Евгенидис ступил на опасную территорию.

— Видел, как я обхожусь со своими баронами и слугами, сторонниками, предателями, врагами?

Она подумала о твердости и холоде, которыми годами укрепляла свое сердце, и спросила себя, была ли то добровольно надетая личина, или эта маска стала частью ее сути? Сможет ли прорасти и выжить посеянное в ее сердце семя доброты, тепла и сострадания?

Неспособная угадать ответ, она спросила:

— Как же ты можешь любить меня?

— Ты моя царица, — сказал Евгенидис.

Она сидела неподвижно и смотрела на него, впитывая его слова, как живительную влагу.

— Ты мне веришь? — спросил он.

— Да, — ответила она.

— Ты любишь меня?

— Да.

— Я люблю тебя.

И она поверила ему.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

---

notes

Примечания

Канфар — древнегреческий сосуд для питья в форме кубка с двумя вертикальными ручками. Из канфаров пили греческие боги, например, с канфаром часто изображался Дионис. Нередко канфар использовался для жертвоприношений или как предмет культа. Таким образом, как сосуд для питья канфар нес в себе религиозную нагрузку. Возможно, что изначально канфар использовался исключительно для культовых обрядов.

Кентавры в греческой мифологии — дикие смертные существа с головой и торсом человека на теле лошади, обитатели гор и лесных чащ, сопровождают Диониса и отличаются буйным нравом и невосдержанностью. Предположительно, кентавры первоначально были воплощением горных рек и бурных потоков. В героических мифах одни кентавры являются воспитателями героев, другие — враждебны им.

Пронаос — пристройка перед входом в храм, передняя, проходная часть античного храма, прихожая, дословно: предзал.

Этезии — устойчивые северные ветры в Восточном бассейне Средиземного моря летом, из-за особенностей климата.

Поворот судна (шлюпки), следующего под парусами, на новый галс. В отличие от поворота оверштаг судно пересекает линию ветра кормой.

Толковый Военно-морской Словарь, 2010

Предположительно рак.

Дорожная карета, приспособленная для спанья; употреблялась прежде, когда приходилось делать длинные переезды на лошадях.

Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. — Попов М., 1907.